

Наталья Петрова

ВСЕ ПЛОХОЕ УЖЕ ПОЗАДИ

ТОМ 2

18+

Наталья Петрова

Все плохое уже позади. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Петрова Н. В.

Все плохое уже позади. Том 2 / Н. В. Петрова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-5321-2286-4

СССР, 1987 год. Студентка прилетает в гости к своим родителям, работающим в США. Случайно знакомится с детьми богатого вдовца и спасает их от бандитов. Благодарный миллионер собирается сделать ей предложение. Молодость, красота и куча денег! Казалось бы, что еще нужно для полного счастья? Но деньгами ли измеряется оно? Да и время ли думать о любви? Ведь лучший друг поклялся отомстить. А еще появился неизвестный, который, угрожая расправой над детьми, требует все состояние. Найдут ли герои свою любовь? И какие трудности им предстоит преодолеть, чтобы все плохое осталось позади?..

ISBN 978-5-5321-2286-4

© Петрова Н. В., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

ВСЕ ПЛОХОЕ УЖЕ ПОЗАДИ	5
ВТОРОЙ ТОМ	5
ПРОДОЛЖЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	78

ВСЕ ПЛОХОЕ УЖЕ ПОЗАДИ

ВТОРОЙ ТОМ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

США, Нью-Йорк, аэропорт, понедельник 29 августа 1988 года

– Бабушка, – Наташа бросилась к бабушке на шею, – ты приехала! Ты, правда, приехала!
– Коша моя родная, конечно, приехала, а что бы я делала дома одна, пока вы тут праздновали бы, а? Митенька, Мишенька, мальчики мои хорошие, – бабушка протянула руки к Мэтту и Майки.

– Бажени, – Майки крепко к ней прижался, Мэтт вежливо поцеловал руку.

Наташа уже целовалась с дедом и Мамниной.

– Мальчики, – Мамнина обняла и поцеловала Мэтта и Майки.

– Мужики, – Владимир Иванович сурово пожал Мэтту руку, а Майки внезапно подхватил на руки и подкинул.

Майки крепко обнял Наташиного деда за шею и с большим акцентом сказал по-русски, – Боб, я скучал по тебе.

– Я тоже по тебе скучал, внучек, – Владимир Иванович крепко прижал ребенка к себе и прослезился.

– Наташка, но это еще не все сюрпризы, – вдруг сказала Мамнина.

Наташа подняла голову, из самолета выглядывала Юля.

– А-а-а-а, – радостно завизжали обе и бросились обниматься.

Служащий аэропорта держал наготове кресло-каталку.

– Это что, для меня? – возмущенно ткнула в нее бабушка рукой, – я что, по-вашему, инвалид? Не надо мне каталок, я пешком дойду.

– Мамулеч, ты не инвалид, но нам надо поскорее покинуть летное поле. Сама знаешь, как мы попали на этот рейс. Машины далеко? – поинтересовался дед у Геннадия.

– Машину не разрешили подогнать к самолету, до стоянки метров триста, бабушка, садись, – поторопил бабушку Евгению Наташин отчим.

– Бабушка, ты поедешь в машине с Мэттом и Наташей, Юля тоже с вами, а папа с мамой на нашей машине, – объяснила Лариса.

– А как же грузовик? – пытливая Бажени показала рукой на грузовые фургоны, в которые перегружали груз из самолета.

– У них специальные пропуска, они выезжают через другие ворота, нас через них не пропустят.

– А они не перепутают наши коробки, ничего не сопрут? – испугалась бабушка, – там одной икры красной и черной килограммов пятьдесят.

– Не переживай, ничего не пропадет, все вещи промаркированы особой наклейкой, грузчики знают свое дело, – стала объяснять Наташа бабушке, – у них документы на коробки и упаковки. Когда они доставят груз домой, мы должны будем все проверить и расписаться.

Если что-нибудь пропадет, заявим в фирму. Обычно за воровство сажают или увольняют, другую работу человек уже не найдет. А фирма хорошая, платят прилично, люди не хотят терять деньги. Что грузчику важнее? Твоя банка с помидорами или работа до конца жизни? Ба, здесь не принято воровать.

Около лимузина уже стоял Стив. Он учтиво поклонился Бажени и распахнул перед ней дверцу.

Здравствуйте, – вежливо наклонила голову в ответ Евгения Ивановна, – ой, какая красота, – ахнула она, заглянув в салон автомобиля, и, перед тем, как залезть в машину, тщательно вытерла чистые подошвы туфелек об асфальт.

Наташа с умилением посмотрела на бабушку и улыбнулась. Майки залез следом и сел рядом с Бажени, Юля и Наташа с Мэттом расположились напротив.

Всю дорогу бабушка рассматривала в окно автомобиля улицы и небоскребы и ахала, – думала ли я, что в конце моих лет меня занесет в Америку, – причитала она, – и, ладно бы, просто так, а то ведь я приехала на свадьбу своей правнучки.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, понедельник 29 августа 1988 года

Около дома гостей ждала вся семья. Нарядные Пол, Дженнифер, Элизабет и Патрик стояли на площадке, у мужчин в руках были цветы.

Чуть поодаль выстроились Себастьян, Барбара, Дэн, Альваро, Карменсита, Гвен и весь обслуживающий персонал. Мужчины были в черных костюмах и белоснежных рубашках, женщины в одинаковых светло серых платьях и белых накрахмаленных передниках.

– Ой, батюшки светы, это что, их дом? А что ж ты мне не сказала, что у них не дом, а настоящий дворец? – бабушка прижала ладошки к щекам и покачала головой.

– Потому, что ты мне всегда говорила, что не место красит человека, а наоборот. А еще ты мне всегда говорила, что я у тебя принцесса, и достойна жить в самом шикарном дворце, – прошептала ей Наташа.

Мэтт и Майки с интересом наблюдали за переговаривающимися шепотом женщинами.

– А это они нас так торжественно встречают? – испуганно зашептала Евгения Ивановна, показав пальцем в окно, когда машины остановилась около дома, – а это их прислуга? Ой, зачем же такой парад устроили?

– Вы мои бабушки и дедушка, про вас все знают и по моим рассказам, и по рассказам Мэтта и Майки, и все любят, так что не стесняйся, выползай, – тихонько шепнула ей на ушко Наташа, – и не бойся, в этом доме все намного проще, чем у нас.

Стив уже вышел из машины и открыл дверцу.

Первыми вылезли Мэтт и Майки, Мэтт протянул руки Бажени.

– Встречают, как царицу, – пробормотала Бажени.

– Ты лучше любой царицы, – поцеловала ее Наташа.

Из другой машины уже вышли Владимир Иванович, Нина Александровна, Геннадий и Лариса.

Семья Престонов подошла поздороваться.

– Как вы долетели, Бажени? – поинтересовался Пол, целуя Евгении Ивановне руку, и протянул букет роз.

– Спасибо, хорошо, – улыбнулась та, выслушав перевод Наташи, – какие красивые цветы, спасибо.

– А вы Мамнина? – Пол поцеловал руку Нине Александровне и тоже протянул букет.

– Спасибо.

– Пол, – протянул Пол руку Владимиру Ивановичу.

– Владимир, – ответил на рукопожатие тот.

Дженни горячо поприветствовала Нину Александровну и продемонстрировала шаль на плечах, – здравствуйте, Мамнина, это ваш подарок, я ее берегу, надеваю только по самым торжественным случаям, боюсь испортить.

– Носите смело, Дженни, я вам еще две привезла, одну шелковую, вторую зимнюю шерстяную, и свяжу еще, сколько надо будет.

– Бажени, здравствуйте, а я Дженни, – улыбнулась Тefочка.

– Да, Дженни, мне Наташа рассказывала, – улыбнулась бабушка ей в ответ, женщины обнялись и расцеловались.

– Ты наша бабушка? – к гостям подошли Патрик и Лиза, – Майки сказал, что ты его бабушка, значит и наша тоже?

Наташа перевела.

– Нет, я не ваша бабушка, я ваша прапрабабушка, – улыбнулась малышам Бажени, – а они, – она показала на Нину Александровну и Владимира Ивановича, – ваши прабабушка и прадедушка.

Наташа перевела, дети с интересом уставились на новых родственников. Тefочка многозначительно кашлянула.

Патрик сразу же вручил женщинам маленькие букетики из розочек, а Элизабет протянула всем открытки и улыбнулась Бобу.

– Ой, сразу и внук, и два правнука, и правнучка, – растроганно пробормотал Владимир Иванович, осторожно глядя Элизабет по аккуратно причесанной головке.

– Привет, а ты кто? – спросил Патрик Юлю.

– Это Джули, лучшая подруга Нати и лучший нападающий, зимой мы с ней брали неприступную крепость, – объяснил ему Майки.

Мужчины огорчились и начали просить прощения, – мы не знали, что вы приедете, поэтому не приготовили вам букет, – оправдывались они.

– Все нормально, букетов мне не надо, я девушка без претензий, – остановила их она, – и вообще у меня на букеты аллергия, потому что я беременна, – посмотрела она на Наташу.

– Юлька, – выдохнула та и обняла подругу, – а почему Андрей не приехал?

– Натыч, ну мы же нормальные люди. Сколько стоило бы пребывание здесь взрослого человека? – посмотрела она Наташу, – своих денег у нас не много, а вас напрягать мы не захотели.

– Дурында, – Наташа обняла подругу, – ты же прекрасно понимаешь, что для Мэтта это копейки.

– Мы привезли вам всем гостинцы, но они придут чуть позже, – в это время объясняла бабушка Евгения собравшимся.

– Добро пожаловать, – улыбнулись Пол и Тefочка. – Проходите, пожалуйста, на улице жарко, а в доме прохладно. Вы, наверное, хотите отдохнуть с дороги? Или перекусить?

– Митя, Коша, мы должны сначала встретить груз, – с самым серьезным видом бабушка схватила Мэтта и Наташу за руку.

– Бабушка, не переживайте, грузовики должны проехать через таможенные терминалы и всякие там контрольные пункты и показать документы, они будут через час-два, заходите в дом, – объяснил пожилой женщине Мэтт.

Сначала Бажени и Юле показали их комнаты. Бабушка не сразу поняла, что апартаменты предназначены для нее. Когда же Наташа объяснила ей, что это ее спальня, гардеробная и отдельный санузел, бабушка всплеснула руками.

– Нина, а мы с тобой, две дуры, мальчишкам на одном диване постелили, – начала сокрушаться она, – еще и гордились, что гостям отдельную комнату предоставили. А у них вон хоромы какие.

Целый час Бажени, Мамнина и Боб, охая и ахая, ходили по дому в сопровождении всей семьи.

Увидев свое шелковое панно над камином в большой голубой гостиной, бабушки восторженно замерли.

– Нина, смотри, – зашептала бабушка Евгения, – они его повесили на самое почетное место, а я думала, полы им будут мыть. Какие хорошие люди.

Потом Пол, Владимир Иванович и Наташин отец ушли прогуляться по территории, а Тefочка с Мамниной, Ларисой и Юлей расположились в гостиной.

Бажени больше всего понравилась кухня. Она задержалась там и «разговорилась» с Барбарой. Переводчиком у них был Майки, который под руководством Наташи усиленно изучал русский язык. Бабушка с Барбарой расположились за кухонным столом, Барбара показала Бажени продукты в холодильнике, крупы, приправы, муку, распахнула дверцы шкафчиков, выдвинула многочисленные ящики, а также раскрыла все баночки и коробочки, до которых мог добраться любопытный нос Евгении Ивановны.

– Какой порядок и чистота, – восторженно качала головой Бажени, – я знаю, мне внучка рассказывала, как вы ее подкармливали, спасибо вам, Варенька, – бабушка погладила Барбару по руке.

– Наташа сказать Бажени, что ты ее кормить, – кратко перевел Майки.

Барбара прослезилась, – как же ее было не кормить, худенькая, маленькая, а такая отважная, защитила наших любимых монстров. Мы все любим нашу НатОщчка.

– Все любить Нати, Нати любить детей, – перевел Майки.

В это время Мэтт обеспокоенно прошептал Наташе, – может быть, Бажени надо уложить в кровать, может ей надо сделать какие-нибудь уколы или дать лекарства?

– Не надо, все хорошо, не переживай, – ответила та.

– Обалдеть, ей восемьдесят семь лет!

– Подожди, сейчас начнем таскать продукты в подвал, и она нас загоняет. Пойдем, переодемся в одежду попроще.

– Конечно, пойдем, – оживившийся Мэтт подтолкнул ее сзади к лестнице и погладил по попкк. Наташа шлепнула его по руке и побежала вверх по ступенькам, Мэтт помчался следом.

Наташа заглянула в кухню, – бАшка, грузовик приехал, ты пойдешь с нами или останешься в доме?

Бабушка поспешно встала со стула, – конечно, пойду, надо же все проконтролировать, – деловито хмыкнула она, проходя мимо Наташи.

Во дворе около левого крыла дома царило оживление. Вся семья и обслуживающий персонал стояли около грузовика, под завязку набитого коробками, тюками, баулами и прочими упаковками. По распоряжению Боба и Мамнины рабочие выгружали из автомобиля груз с красными наклейками. Упаковки с синими наклейками оставляли в фургоне.

Выгруженные вещи складывали на газон под деревьями.

– В подпол мы сами потом спустим, надо еще все распаковать и рассортировать, – командовала процессом Бажени.

– Ну, дает! – восторженно прошептал Мэтт Наташе на ушко. Он стоял позади нее, обнимая за плечи и, когда никто не видел, целовал ее в шею.

– Перестань, – шутливо грозила ему она, и когда оборачивалась, он успевал касаться ее губ. Наташа бедрами почувствовала, что он снова возбудился.

– Сейчас кому-то придется уйти в дом, чтобы не опозориться, или спуститься в холодный подвал, чтобы охладиться, – шепотом предупредила она.

– Выбираю вариант «уйти в дом», но только вместе с тобой, конечно, – шепотом отозвался Мэтт.

К Мэтту и Наташе подошла Тефочка и с ужасом в голосе произнесла, – что это? – она обвела рукой горы многочисленных коробок.

– Мое приданое, – пошутила Наташа.

– Это для ресторана? – спросила Тефочка.

Подошедшая Лариса объяснила, – нет, для ресторана то, что осталось в грузовике, а это домашние заготовки и подарки для вас.

– Ой, как много, зачем столько? – заохала Тефочка.

– Ага, теперь ты тоже охаешь? – засмеялась Наташа.

– Все это не поместится в нашем подвале, – стала оправдываться та.

– Сейчас проверим.

Рабочие закончили выгружать коробки, сели в сопровождающий грузовик пикап, машины направились в ресторан.

Увидев, что Владимир Иванович и Нина Александровна садятся в автомобиль вместе с Геннадием и Ларисой, Пол и Дженнифер подскочили к Наташе, Тефочка затараторила, – Нати, разве Боб и Мамнина будут жить не у нас?

Та улыбнулась и развела руками, – Пол, Дженни, спасибо за предложение, мои не захотели стеснять вас, будут жить у родителей.

– Какие глупости, о каком стеснении ты говоришь? – возмутилась Дженни и уставилась на сына, – Мэтт, ну ты хоть можешь что-нибудь сделать?

– Мам, – спокойно ответил тот, – я несколько раз разговаривал с Бобом, они отказались.

– К тому же дедушка с бабушкой очень соскучились по маме и папе, они решили остаться у них, – улыбнулась Наташа и добавила, – ничего страшного, мы будем встречаться каждый день и ходить друг к другу в гости.

Пол с пониманием кивнул и погладил супругу по плечу, – Дженни, не настаивай, подумай, а как бы ты сама поступила?

Та грустно покивала головой и пошла прощаться.

Владимир Иванович, Нина Александровна и Наташины родители, попрощавшись, уехали вслед за рабочими контролировать разгрузку продуктов в ресторане.

– Ба, расскажи, чего привезли? – начала пытаться Бажени Наташа.

– Да, я не знаю толком, так по мелочам всего, осетрина, лосось, лебеди, перепела, икра, варенья, соленья, грибы, компоты, домашнее вино, – скороговоркой выпалила бабушка Евгения.

– Ну, вы даете... – выдохнула Наташа.

– Хватит болтать, надо продукты убрать в холод, все принимаемся за работу, – захлопала в ладоши бабушка, – пойдем со мной, Варя, – махнула она рукой Барбаре.

Следующий час занимались привезенными домашними заготовками. Сначала Евгения Ивановна отсортировала коробки, которые надо было отнести в кухню. Затем Дэн, Берни и Стив начали носить все оставшиеся вещи в холл первого этажа и грузить в лифт.

Пол на время превратился в лифтера. Он спускался на лифте на цокольный этаж, где его с тележкой уже ждали Себастьян и Мэтт. Мужчины разгружали лифт, устанавливали коробки на тележку и завозили в комнату со стеллажами, Пол в пустом лифте снова поднимался на первый этаж, где своей очереди уже ждали новые тюки.

Гвен, Карменсита, Анна и Лючия разрезали картонные коробки, доставали из коробок банки и переносили их на стеллажи, Барабара и Бажени расставляли банки на полках по их принадлежности, Наташа и Юлия клеили на банки этикетки с наименованием содержимого на английском языке, Альваро складывал разрезанный картон, Дженнифер с огромным интересом за всем наблюдала, Майки, Лиза и Патрик бегали с этажа на этаж и путались под ногами.

Когда перед домом осталось всего несколько коробок с подарками для обслуживающего персонала, а полки на цокольном этаже были заставлены банками с компотами, вареньями и соленьями, вся семья собралась в подвале оценить масштабы проделанной работы.

– Mashrooms... opyata... gruzdi... lisichki... – бормотала Тёфочка, медленно бредя вдоль полки с грибами, и качала головой, – stewed fruit... cherries чьерешния... cherries вьишния... это разные компоты? – посмотрела она на Наташу, та кивнула, – мы без тебя никогда в этом не разберемся.

– Не надо разбираться, надо это все срочно употребить, – ответила Наташа.

– Коша, банки не выбрасывайте, мы все заберем с собой, ты знаешь, банки, крышки и сахар в Москве дефицит, – спохватилась Бажени.

– Не переживай, ба, что-нибудь придумаем, – Наташа обняла бабушку за плечи, – спасибо, мои родные, прямо домом запахло, это самый лучший подарок.

– Ты обещала напечь нам блинчиков, – к Бажени подошел Майки, – можно варенье взять? Я хочу айвовое, – он ткнул пальцем в банки.

– Конечно, напеку, мой золотой, – бабушка уловила слово «блинчики» и погладила малыша по голове, – Наташ, а что он еще сказал?

Наташа перевела.

– Переведи всем, что можно брать все, что они хотят, – засмеялась бабушка, – это все теперь принадлежит им.

Окрыленные Майки, Лиза и Патрик выбрали каждый по банке разного варенья, Мэтт, уже знакомый с разносолами бабушек, схватил маленькую баночку с маринованными белыми грибами и трехлитровую банку с домашним вином из черной смородины, Пол выбрал неострый салат из баклажанов со сладким перцем, а Тёфочка заинтересовалась компотом из черешни. Семья поднялась на первый этаж.

– Бабушка, Юльче, всех приглашают к столу по случаю вашего приезда, – перевела Наташа обращение Мэтта, Пола и Тёфочки.

– Коша, я стесняюсь, вдруг вилку не ту возьму или чавкну, – забеспокоилась та, – может не надо за стол? Я тихонечко с Варей в кухне поем.

– Садись рядом с Майки и чавкай, сколько хочешь, за его воплями и чавканьем твоего никто не расслышит, – засмеялась та, – не переживай, пойдем.

К столу не стали переодеваться, сели, как были, в майках и шортах.

За ужином все весело переговаривались.

– А когда вы с папой поженитесь, кем ты будешь для нас, мамой или мачехой? – вдруг спросила Наташу Лиза.

Майки и Патрик сразу же подняли головы над тарелками и тоже с интересом уставились на нее.

– Ну, если по правилам, то я буду являться для вас мачехой, – начала объяснять детям та.

– Ты станешь плохой и злой? – настороженно спросила девочка.

– Почему я должна стать плохой и злой? – удивилась Наташа.

– Все тетеньки до свадьбы добрые и хорошие, а после свадьбы они становятся плохими и злыми мачехами и перестают любить маленьких детей, – рассудительно изрекла малышка.

– Откуда ты это взяла? – спросил дочку Мэтт.

– Мне девочки в школе рассказали, – объяснила она.

Все за столом молчали, взрослые смотрели на Наташу.

– А почему вы решили, что мачеха должна быть обязательно плохой? – спросила она детей.

- Мачехи всегда плохие, – вздохнул Майки.
- У Золушки была злая мачеха, – напомнила всем Лиза и тут же уточнила, – у двух Золушек, у которой карета была из тыквы, и у которой было три орешка.
- И у Белоснежки, – добавил Патрик.
- И у царевны, которая жила в лесу у семи богатырей, – вспомнил сказку Пушкина Майки.
- И у девочки, которую мачеха выгнала зимой в лес за подснежниками, – взмахнула ресницами Лиза.
- И у Элизы и ее братьев, которые превратились в диких лебедей, – чуть не плача, добавил Патрик.
- Ага, и в немецкой сказке про госпожу Метелицу мачеха тоже была злая, – вдруг ни с того ни с сего добавила Юлька и растянула губы в улыбке.
- Тебе, что, околоплодные воды в голову ударили? – уставилась на нее Наташа.
- Ой, Натыч, прости, я что-то не то сказала, – извинилась подруга.
- А что это за сказка? – сразу заинтересовалась малышня, – Нати, ты нам такую не рассказывала.
- Вам ее тетя Джули расскажет, – пообещала им Наташа, – ей надо больше играть с маленькими детьми, тренироваться, так сказать, перед появлением своего ребенка. Сегодня дайте ей с дороги отдохнуть, а завтра с самого утра начните приставать, я вам разрешаю.
- Натыч, ты бессердечная, – прошептала Юлька, – совсем не бережешь лучшую подругу, к тому же глубоко беременную.
- Это тебе за госпожу Метелицу, с завтрашнего дня будешь забавлять детей, глубоко беременная Забава Путятишна, – сдерживая смех, ответила ей Наташа.
- Обе покатались со смеху.
- Взрослые и дети с интересом смотрели на них.
- А почему вы решили, что все мачехи на свете плохие? – отсмеявшись, спросила у детей Наташа, – есть истории и про хороших мачех.
- Какие истории? – на нее тут же уставились три пары детских глаз.
- Я в детстве читала книжку про девочку Динку. У нее были папа, мама и сестры. Однажды она познакомилась с мальчиком по имени Ленька, он был сиротой. Дети крепко подружились, и семья Динки взяла Леньку к себе жить. Мама Динки стала для него мачехой, а папа – отчимом, – решила реабилитироваться в глазах подруги Юля.
- Дети сразу же перевели глаза на Наташу, требуя подтверждения.
- Та кивнула.
- Нати, а еще? – сразу же спросил любопытный Майки.
- Во время Великой Отечественной войны было убито очень много людей, их дети остались сиротами, их забирали в приемные семьи. Есть книжка про девочку Валентинку, которая осталась без родителей, попала в приемную семью. В семье ее очень любили, и со временем она стала называть женщину мамой, – ответила она.
- А еще? – дети забыли про еду и внимательно слушали Наташу. Взрослые тоже сидели молча.
- А еще есть старый фильм, называется «Евдокия». В фильме рассказывается про мужа и жену, у которых не было своих детей, все шестеро детей в их семье были приемными, и называли их папой и мамой, – добавила Наташа.
- Ой, я не могу, – Юлька глупо захихикала, – я помню этот фильм, я ему не мать, я ему ехидна...
- Юль, ты лучше ешь, – Наташа стала накладывать подруге на тарелку еду, – и молчи.

Девчонки снова захохотали, Наташа перевела весь разговор Бажени, та закивала головой, – когда моя мама умерла, мне было всего одиннадцать лет, у меня было две мачехи, одна была хорошая, вторая плохая, она и выгнала нас с братом из дому. Расскажи им еще про Ваню.

Наташа продолжила, – у Бажени и ее мужа, моего прадедушки Александра, тоже был приемный сын. Бабушка и дедушка нашли его грудного на крыльце. Они назвали малыша Иваном, вырастили, воспитали. И он всегда называл Бажени мамой. Так что, как видите, в жизни есть очень много хороших людей, мужчин и женщин. Дело не в том, как человек называется, мачеха или мама, дело в том, какие он совершает поступки и как относится к людям.

– А ты будешь к нам хорошо относиться? – настороженно спросили дети.

– Я уже к вам хорошо отношусь, – Наташа сделала ударение на слове «уже» и улыбнулась.

– А ты считаешь нам про Динку? – спросила Лиза.

– Конечно, только читать книгу я буду на русском языке, – предупредила Наташа.

– А как мы будем тебя называть? – вдруг спросил Патрик.

Взрослые снова оторвали головы от тарелок.

– А как вы хотите меня называть? – спросила их Наташа.

– Мы с Майки хотим называть тебя мамой, – начала объяснять Лиза, – и Патрик тоже так хочет, но это нечестно, у него же есть родная мама.

– Но она меня бросила, – очень серьезно сказал Патрик, – и мой папа меня бросил. Получается, что я подкидыш, как Ваня, – мальчик заплакал.

– Это сын Эдварда, – объяснила Наташа Бажени по-русски, – скучает по отцу, считает, что его все бросили.

Бабушка с пониманием кивнула. Наташа посадила Патрика на колени и прижала к себе, – твой папа не бросил тебя, милый, просто он очень много работает и не может часто бывать здесь. Но ты не один, рядом с тобой мы, твои родные люди, мы тебя любим и не бросим. А ты называй меня, как хочешь, как тебе больше нравится, ладно?

Малыш в ответ кивнул.

– Эдвард приедет на свадьбу? – спросила Наташа Мэтта, Тефочку и Пола.

– Да, мы послали ему приглашение, – осторожно произнес Пол.

– Надо обязательно ему позвонить и пригласить, он будет на свадьбе твоим шафером, – сказала Наташа и посмотрела на застывшего Мэтта, – это твой единственный брат, и ваш второй сын, – она посмотрела на Пола и Тефочку, – и папа Патрика.

– Все, что захочешь, любимая, – поцеловал ее Мэтт.

– Я хочу, чтобы вся семья собралась на празднике вместе, – Наташа погладила Патрика по голове, – даже если что-то не нужно нам, взрослым, это нужно детям, – и поцеловала его в макушку.

Тефочка кинула на Пола и Мэтта быстрый взгляд и облегченно вздохнула.

Ужин продолжился как обычно.

– Большое спасибо, – поблагодарила Бажени, когда встала из-за стола, – пойду, прилягу, – посмотрела она на внучку.

– Иди, ба, ложись, – кивнула Наташа, – я сейчас к тебе зайду.

Когда Евгения Ивановна выходила из гостиной, Наташа заметила, как она сцапала из вазы с фруктами банан и спрятала его в складках просторной блузки.

– Ба, – зашла она в спальню вслед за Бажени, – как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, коша, – деловито кивнула головой та, – я думала, мы с коробками и банками будем несколько дней возиться, а мы, раз, и за один день все сделали. Хорошо, когда вся семья слаженно работает. Как там, интересно, у наших дела?

– Папа с мамой звонили, у них все в порядке, тоже разгрузились.

– Эй, вы еще не спите? – в комнату заглянула Юля, – я к вам поболтать, можно?

– Заходи, – махнула ей рукой Наташа.

– Какая у вас красивая комната, Евгения Ивановна, – Юля крутила головой по сторонам, разглядывая шелковые обои с изображениями красивых букетов из темных и светлых роз.

– Ой, Юль, и не говори, какие затраты, – заахала Бажени, – постелили бы нам всем у Наташки, у нее и кровать большая, все бы и поместились, а то по-отдельности, мне прям даже неудобно, как будто я принцесса какая.

– Принцесса, ты лучше скажи, зачем увела банан? – Наташа засмеялась, глядя на бабушку.

– А что, заметили? – испуганно охнула та.

– Нет, бабушка, все в порядке, никто ничего не заметил, просто я знаю, что ты бананы не любишь. Поэтому расскажи, зачем его сперла?

– Натушка, мне сегодня Варя налила банановый чай, такой душистый, такой ароматный, – от восторга Бажени закатила глаза, а потом перешла на шепот, – я подумала, если кожуру посушить, то можно чай заваривать.

Юля смогла подавить смешок, Наташа не удержалась.

– А что вы смеетесь? – рассердилась Евгения Ивановна, – мы же сушим апельсиновые и лимонные корочки, и яблоки, и ягоды, а потом зимой их завариваем.

– Ба, банановая кожура толстая и мясистая, она не высохнет, как апельсиновая цедра. Если ты ее заваришь в кипятке, она, как мороженая картошка, превратится в коричневую безвкусную кашу. Отдай мне банан.

Бабушка обиженно засопела и достала из ящичка прикроватной тумбочки завернутый в салфетку очищенный банан.

– А кожуру куда дела? – спросила Наташа и протянула банан подруге, – Юльче, ешь.

– Кожура на батаре сохнет, – Бажени вздохнула и встала. Она протопала в ванную и принесла шкурку от фрукта, – коша, я у тебя совсем необразованная бабка, тебе за меня стыдно?

– Ты у меня самая прекрасная бабушка на свете, – обняла ее внучка, – только не превращай свою ванную комнату в плодово-ягодное перерабатывающее производство. А я тебе накоплю разных, уже готовых чаев, пей, сколько хочешь.

СССР, Москва, квартира родителей Стаса, среда 31 августа 1988 года

Стас ворвался в квартиру и заорал с порога, – Они уехали, они все уехали! Они уехали к ней на свадьбу! Она в Америке! Она выходит замуж за этого американца! Она говорила мне, что не любит его! Она вралла мне! Она всегда мне вралла! – с этими словами он ударил кулаком в стену один раз, второй.

На крик из кухни выскочила Светлана Александровна, – Стасенька, милый, что случилось, сынок?

– Она уехала, она выходит замуж за этого американца! Я сделал ей предложение! Она обещала подумать! Она мне вралла! – орал Стас и крушил все на своем пути. На пол летели висящие в квартире картины в рамах, фарфоровые статуэтки с полки.

Из своего кабинета быстрыми шагами вышел Алексей Леонидович и со всей силы ударил сына кулаком в лицо. Мать Стаса схватила за сердце и заплакала.

Стас осел на пол, из его носа потекла кровь, он обхватил голову руками и завывал, – я ненавижу ее! Я отомщу ей! Я растопчу ее! Я уничтожу всех, кого она любит! Я превращу ее жизнь в ад!

Мать плакала и крестилась, отец мрачно смотрел на сына.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, четверг 1 сентября 1988 года

Первые несколько дней Евгения Ивановна и Юля очень неуютно чувствовали себя в доме Престонов.

Настойчивые предложения Бажени помочь в организации праздничного застолья все встречали с вежливыми улыбками. Евгения Ивановна расстраивалась и начинала приставать к Наташе. Та посоветовалась с Мэттом, и чтобы бабушка не чувствовала себя не при деле, ей предложили помогать Альваро в саду или Барбаре в кухню. Шустрая Евгения Ивановна успевала и там, и там. В качестве переводчика она везде таскала с собой Юльку или усердно изучающего русский язык Майки.

Юлька тоже чувствовала себя не в своей тарелке и постоянно спрашивала Наташу, не тяготит ли Престонов ее присутствие.

– Да успокойся ты, наконец, – не выдержала та однажды.

– Натыч, поговори со мной, – взмолилась та.

– О чем?

– Расскажи, – глаза у Юльки загорелись, она с любопытством уставилась на подругу.

– Чего рассказать-то? – удивилась та.

– Ну, какие они, иностранцы, в постели?

– Ну-у-у, – Наташа подняла глаза, – исходя из моего огромного опыта, французы романтические, хоть и извращенные, англичане холодноватые и медлительные, аккуратные немцы обстоятельно доводят дело до конца, японцы ненасытные, как кролики, африканцы темпераментные, как африканские кролики, Юль, – уставилась она на ту, – я, что, по-твоему, переспала со всеми иностранцами?

– Ну, Натыч, – заскулила Юлька, – ну, расскажи, какой он...

– Вот дурында, – рассердилась Наташа, – какой-какой? Самый обыкновенный.

– А как он это делает? – Юлька подперла щеки ладонями.

– Думаю, что точно так же, как и твой Дюшич.

– М-м-м-м, значит, классно, – Юлька мечтательно закатила глаза.

– Слушай, у тебя, наверное, снесло крышу.

– А что ты хочешь, – возмутилась та, – я уже четверо суток без мужа и, соответственно, без секса.

– А может тебе... – Наташа вдруг зашлась в приступе хохота и завалилась на диван.

– Чего? – уставилась на нее та.

Но Наташа хохотала и не могла остановиться.

Недоуменно уставившись на Наташу, Юлька сидела и ждала, пока подруга успокоится, – ну, чего? – снова спросила она, когда та отдышалась.

– Во всех любовных романах пишут, что богатые дамы от безделья заводили романы с садовниками. Может, тебе обратить на себя внимание Альваро? – и она снова захохотала.

– Дурында, – обиделась подружка, – я к тебе летела с другого конца света, а ты издеваешься. Я же не прошу тебя меня удовлетворять, – при этих словах подружки Наташа захохотала еще громче, – я просто прошу тебя поболтать со мной об этом. Что, тебе трудно, что ли?

– Юль, я не знаю, что рассказать, мне его и сравнить не с кем.

– Как это не с кем? – удивилась та, – а Эдвард, а Стас?

– Мать, женщин бить нельзя, тем более беременных, поэтому я тебя сейчас просто покусаю, – зловещим взглядом Наташа уставилась на подругу, – или защечочу, – она шагнула к Юльке, та с визгом бросилась наутек.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, суббота 3 сентября 1988 года

В субботу Мэтт, Наташа и Юля вернулись домой очень уставшие. Целый день Энцо мучил их в салоне примерками. Юля сразу же побежала в кухню к Барбаре, «умираю, есть хочу» объяснила она. Мэтт завел о чем-то разговор с Полом.

– Где Бажени? – спросила Наташа пробегающего Майки.

– На качелях, – крикнул мальчик и скрылся за поворотом широкого коридора.

Наташа прошла на площадку за домом и увидела бабушку. Та медленно вышла из кухни на террасу и, спустившись по ступенькам, направилась к качелям. Вид у нее был очень задумчивый.

– Ба, привет, ты как? – Наташа догнала старушку, обняла ее за плечи и поцеловала в седую голову, – от тебя вкусно пахнет, снова с Барби что-то на кухне сочиняли?

– Натушка, ты представляешь, – бабушка Евгения была словно в прострации, – мне сейчас Варя показала одну диковинную штуку.

– Какую, ба?

Бажени присела на качели, – мне Варя показала такую интересную машинку, она похожа на коробку, крышка у нее откидывается, а внутри металлический тазик, квадратный такой, с высокими бортиками. В него засыпается мука, соль, сахар, яичный порошок и сухое молоко, потом крышка закрывается. А на коробке разные кнопки, Варя одну нажала, на крышке лампочка красненькая зажглась. А машинка начала тихонько гудеть. Варя мне объяснила, что машинка начала все перемешивать. А потом машинка притихла, но лампочка красная не погасла. А через три часа по дому та-а-а-кой запах поплыл, Натушка, ты не представляешь, – Бажени закатила глаза, – красная лампочка перестала мигать, зажглась зеленая, а машинка запищала. Варя немножко подождала, потом крышку откинула, а там внутри, в тазике хлеб, да румяный такой. Оказывается, эта машинка специально для того, чтобы печь хлеб.

– Тебе понравилось? – с улыбкой спросила Наташа бабушку, присаживаясь в плетеное кресло рядом с качелями.

– Конечно, понравилось, это же, как в сказке, – закивала та, – все засыпал, кнопку нажал и через три часа хлеб готов.

– Нет, ты не поняла. Ты готовый хлеб попробовала? Он тебе понравился?

– Коша, я постеснялась, – бабушка жалобно посмотрела на Наташу, – когда Варя начала хлеб резать, сразу же прибежали дети и Юлька, а я из кухни вышла.

– Ну, если дети прибежали, значит, и нас угостят, – рассудительно произнесла та, – я их научила, что в одиночку хомячить нельзя, надо со всеми делиться.

В этот момент из дома вышли Юля, Майки, Элизабет и Патрик, в руках они несли подносы с тарелками и вазочками.

– Ну, вот, видишь, я же сказала, – Наташа пересела к бабушке и удобнее устроилась на качелях, – я такая голодная, – потеряла она руки, меня сегодня Энцо загонял, то пройди влево, то пройди вправо, теперь я понимаю, почему модели такие худые.

– Нати, налетай, – дети поставили на плетеный стол тарелки с нарезанным горячим хлебом и вазочки с вареньем

– Ба, тебе с каким? – Наташа сразу же ухватила горбушку и принялась намазывать на нее персиковый джем.

– А что, больше горбушек нет? – разочарованно протянул Патрик.

– Увэ нэт, – быстро засунув остатки горбушки в рот, ответила Юля.

– Горбушек же было восемь, – не успокаивался он.

– Правильно, – кивнула Наташа, – одна Майки, одна Лизе, одна тебе, две тете Джули...

– А почему ей две? – удивился мальчик.

– Потому что она сейчас ест за двоих, – объяснила Бажени.

– Слонов... – добавила Наташа.

– Дурында, – прошептала Юля и показала ей язык.

– А ты почему две горбушки взяла? – вдруг произнесла Лиза и выразительно уставилась на Наташин живот, – у тебя в животе тоже маленький сидит?

– Нет, – качнула головой та, – у меня в животе никого нет, а вторую горбушку я взяла для вашего папы, – с этими словами она принялась намазывать второй кусок горячего румяного хлеба персиковым джемом.

– Ладно, это семь горбушек, – Патрик внимательно оглядел жующих, – Бажени горбушку не брала, я видел, она ела серединку. Кто взял восьмую?

– Ой, ну, я взяла, я, – Лиза достала кусочек из кармана, – я же девочка, мне надо уступать.

– Так нечестно, надо делиться, – возмутился Майки, – правда, Нати.

– Да, да, надо делиться, – поддакнул брату Патрик.

– Правильно, надо обязательно делиться, – с самым серьезным видом кивнула головой Наташа, откусывая от горбушки Мэтта.

– Не ссорьтесь, я уже поставила следующую порцию хлеба, – к столу подошла Барбара с большим кувшином молока, – кому налить?

– Мне! – шесть рук сразу же протянули к ней чашки.

– А мне горячую горбушку с джемом и молоком? – вдруг раздался голос Мэтта. Он подошел к качелям и положил руки на плечи Наташе.

– Твоя горбушка у Нати, – показал на девушку пальцем Патрик.

– Ага, я видел, она ее специально для тебя мазала персиковым джемом, – поддакнул Майки.

– Любимая, это правда? – с трудом сдерживая улыбку, Мэтт посмотрел на Наташу.

Она подняла голову и облизнула перепачканный джемом рот, – ага.

– И где же моя горбушка? – улыбнулся он.

– Я ее спрятала, – прошептала Наташа и приложила палец к губам, – тс-с-с, а то они услышат, – и она обвела всех взглядом.

– Можешь мне ее отдать, – совсем тихо прошептал Мэтт, наклонясь к ее уху, – я голоден, а горбушка, я слышал, намазана моим любимым персиковым джемом, – и он слегка прикусил ее за мочку уха.

– Ой, – пискнула Наташа и сделала скорбную гримаску, – я ее очень далеко спрятала, – жалобно протянула она и погладила свой живот.

– А-а-а, ты ее съела, – вомущенно прошептал Мэтт, – хулиганка.

– Я оставила тебе самое вкусное, – улыбнулась она и потянулась к его губам.

– Согласен, – кивнул он, слизывая с ее губ джем.

– Гм, гм, – многозначительно кашлянула Юля, – вообще-то вы не одни, и здесь есть дети, – она откинулась на спинку кресла, сложила руки на животе и выдохнула, – уф, я объелась.

– Конечно, – Евгения Ивановна грустно вздохнула, – такая вкуснятина.

– Бабушка, твои пироги намного вкуснее, – внучка крепко ее поцеловала.

– Да, куда мне против такой заморской штуки, – вздохнула та, – каждый раз тесто ставлю и каждый раз переживаю, вдруг дрожжи плохие или мука тяжелая, или еще что-нибудь. А тут и не нужно ничего знать, кнопку нажал и гуляй, через три часа все будет готово.

– Ну, и что, – возразила Наташа, – зато машинка умеет печь только один вид хлеба, а ты печешь и сметанные лепешки, и булочки с корицей, и пампушки с чесночком, и пампушки с медом, и ватрушки, и эклеры, и...

– И пирожки с грибами, а еще с капустой, – добавил Майки.

– И блинчики, – кивнул Патрик.

– И оладки, – облизнулась Элизабет.

– Я снова захотела есть, – вздохнула Юля, выпрямляясь в кресле и оглядывая опустевшие тарелки и вазочки.

– Бегемотик, ты же не влезешь в платье, – грустно посмотрела на нее Наташа, – кто у меня на свадьбе будет подружкой?

– Влезу, Натыч, – твердо ответила та, – без подружки не останешься.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, понедельник 5 сентября 1988 года

– Девочки, а хотите, я организую вам экскурсию в торговый центр, – предложила Наташа заскучавшим бабушке Евгении и Юльке.

– Хочу, конечно, хочу, – подруга восторженно взмахнула руками и сцепила их на животе.

– Чего я там не видела, – недовольно проворчала бабушка, но любопытство взяло вверх, и она пошла собираться.

Наташа заглянула в комнату к Бажени, – ба, ты готова? – крикнула она.

– Уже иду, – раздался бабушкин голос, – только чулки надену, – бабушка босиком вышла из гардеробной, держа в руках чулки.

Наташа с улыбкой оглядела ее нарядное цветастое платье.

– Ба, ты очень красивая, – она поцеловала Бажени в щеку.

– Ой, да какая красивая, – забурчала бабушка, опускаясь в кресло, – карга старая, ни сесть, ни встать не могу, ни чулки надеть, о-о-ох, старость – не радость, – закричала она, пытаясь закинуть ногу на ногу.

– Давай, помогу, – Наташа опустила перед Евгенией Ивановной на колени и закатала чулок, – протягивай ногу.

– Скоро обе протяну, коша моя, – засмеялась бабушка.

– Ну тебя, – рассердилась Наташа, натягивая чулок бабушке на ногу, – не говори глупостей, кто мне будет помогать воспитывать детей?

– Я уже свое отвоспитывала, – бабушка вздохнула и ласково погладила внучку по голове, – так что своих сама будешь растить.

– Знаешь, что, – возмутилась та, – так нечестно. Мамнине помогла, Ларисе помогла, а меня хочешь бросить? – она стала натягивать второй чулок.

– Хорошо, хорошо, не брошу, – засмеялась Евгения Ивановна, – только ты не тни с праправнуками, вдруг не дождусь, – вздохнула она.

– Дождешься, куда ты денешься, – пробормотала Наташа, натягивая бабушке на ноги удобные растоптанные сандалии, – готово.

– Коша, – бабушка снова погладила ее по голове, – когда ты была маленькая, я так же перед тобой на колени опускалась, чтобы ботиночки тебе завязать, – ее глаза заблестели, – а теперь ты такая большая, такая красивая, – бабушка помолчала, – я обязательно дождусь праправнуков, – твердо пообещала она и, подумав, добавила, – сказки буду им рассказывать, в садик водить, даже в первый класс поведу, до девяносто пяти доживу, а потом все, не взыщи.

– Ба, – грустно посмотрела на нее Наташа.

– Ну, все, поехали, – с помощью внучки Бажени поднялась с кресла, нацепила кокетливую маленькую шляпку и бодро вышла из комнаты.

США, Нью-Йорк, торговый центр, понедельник 5 сентября 1988 года

– Натушка, а Престоны не будут ругать тебя за то, что нас катают на машине? – наклонившись к Наташе, тихо поинтересовалась Евгения Ивановна, когда Берни вез их с Юлей в торговый центр.

– Бабушка, ну, ты что, – внучка погладила ее по руке и улыбнулась, – ты же сама видишь, как они все ко мне относятся.

– Да, очень хорошие люди, – задумчиво произнесла бабушка, – и не скажешь, что американцы. А как ты будешь называть Женю и Павла после свадьбы? – спросила она Наташу.

– Так же, как и называла, – удивилась та, – Тefочка и Пол.

– Родителей мужа надо называть папа и мама, – назидательно изрекла Евгения Ивановна, – и обращаться к ним обязательно на «вы».

– Ага, щас, – хмыкнула Наташа.

– Ты не хмыкай, – погрозила ей пальцем Бажени, – тебе со свекром и свекровью в одном доме жить. А ты свекровь обзываешь какой-то фифочкой, вот обидятся они на тебя и начнут поедом есть, тогда взвоешь.

– Пусть попробуют, – снова хмыкнула та, – на моей стороне три монстра, уеду снова в Москву, посмотрю, как они без меня с детьми справятся, или вообще детей с собой заберу, – она засмеялась, – представляешь, маленькие бандиты заявили мне, что если я когда-нибудь куда-нибудь уеду, они поедут со мной.

– Да-а-а, – протянула бабушка, – малыши тебя любят, хорошие ребята...

– И я их люблю, – Наташа похлопала бабушку по руке, – а насчет Тefочки и Пола не волнуйся, они очень хорошие люди, и тоже меня любят. Мы с ними все прошлое лето прожили бок о бок, и это лето провели вместе. Они ни разу не сунулись со своими советами. Пол всегда на моей стороне, и Дженнифер тоже, только ругается, если я не хочу покупать новые вещи.

Бабушка закивала, – я видела твою гардеробную, полные шкафы одежды, – заахала она, – одной обуви пар сто...

– Почти всю одежду и обувь мне купила Дженнифер, кое-что я сама.

– А Мэтт тебе что-нибудь дарит?

– Неа, – она беспечно махнула рукой.

– А-а-а, как же так? – испуганно воскликнула бабушка.

– Ты не поняла, – Наташа успокаивающе накрыла Баженину руку, – Мэтт мне ничего не покупает не потому, что ему для меня жалко денег, а потому, что у него нет времени на магазины. Он просто кладет мне деньги на счет и ругает за то, что я их не трачу, – она сокрушенно вздохнула, – ба, а я даже не знаю, на что их тратить, продукты покупают Барбара и Роза, всякие бытовые мелочи для дома – Гвен и Карменсита, покупка новой мебели, ковров и других предметов интерьера сначала обсуждается на семейном совете, потом покупки оплачивают Пол и Мэтт, все покупки для детей тоже оплачивает Мэтт, моя задача – покупать все только для себя, а я даже не знаю, что мне нужно, одежды и обуви навалом, драгоценностей полно...

Бабушка кивала.

– ... вот мы сейчас деньги и потратим, чтобы Мэтт меня не ругал, – весело закончила Наташа.

Они подъехали к огромному торговому центру.

– Ой, коша, это магазин для очень богатых людей? – Евгения Ивановна растерялась, когда они втроем, пройдя через огромные крутящиеся двери, вошли внутрь, и схватила Наташу за руку.

– Бабушка, мы тоже не бедные, – спокойно ответила та и отвела обеих в сторонку, – Юль, поднимайся вверх, там косметика, одежда, обувь, короче, сама разберешься, это тебе маленький презент от нас с Мэттом, – Наташа протянула подруге изящный кошелек из бордовой лаковой кожи.

– Натыч, спасибо, – Юлька сразу же начала разглядывать подарок, – ой, здесь деньги, много денег, – растерянно пробормотала она и протянула кошелек Наташе обратно, – я не могу это взять.

– Быстро бери, – зашипела та, – и не смей отказываться от наших подарков, и, кстати, кошельки пустые не дарят, плохая примета. Иди, а мы с бабулей будем в супермаркете, встречаемся через час в машине, если управишься быстрее, спускайся к нам...

– Я пойду, посмотрю что-нибудь для детей, – Юлька погладила живот.

– Нет, – категорично возразила Наташа, – детские вещи покупать не смей. Когда родишь, мы с Мэттом вам пришлем все, что нужно. Сейчас покупай все для себя и Андрея. Пойдем, ба, нам с тобой вниз...

Бажени стояла, приоткрыв рот, и разглядывала торговый центр.

Наташа мягко взяла ее под руку, – башка, пойдем...

– Да-да, – словно очнувшись от гипноза, кивнула та и, поддерживаемая внучкой, шагнула на ступеньку эскалатора.

Пока они спускались, Наташа давала бабушке указания, – если потеряешь меня из виду, не пугайся, замри на месте и громко позови меня, я тебя найду.

Евгения Ивановна рассеянно кивала и с высоты эскалатора обозревала бесконечный торговый зал, – ой, коша, это же целый город, – потрясенно произнесла она, когда ее взору открылись тысячи стеллажей с продуктами и другими товарами.

– Мы приехали, шагай осторожно, – Наташа поддержала бабушку при спуске с эскалатора.

На входе их встретили бесконечные ряды с овощами и фруктами. Наташа достала из сумочки список.

– Так, Барбара попросила меня купить кое-что из зелени, малыши поручили хлопья, молоко и фрукты, сладкоежка Мэтт заказал шоколадку и взбитые сливки, – сдержав улыбку, уставилась она в бумажку, как вдруг услышала бабушкино тихое бормотанье, – ... шесть, семь, восемь, девять...

Бажени тыкала пальчиком в аккуратные горки фруктов и шевелила губами.

– Ба, что ты делаешь? – удивилась Наташа.

– Коша, я никогда не видела столько разных сортов яблок, и зеленые, и желтые, и красные.

– Давай купим? – предложила внучка.

– Наверное, твердые, – засомневалась бабушка, – мне не по зубам.

– Сейчас проверим, – Наташа потянулась к румяным фруктам.

– Ты что делаешь? – дернула ее за руку бабушка, – продавца же нет.

Наташа ласково обняла ее за плечи, – здесь продавцов нет, покупатели сами выбирают продукты, складывают в пакеты и взвешивают, а потом расплачиваются на кассе. Смело подходи к прилавкам, трогай, щупай, нюхай, короче, выбирай, что тебе нравится, – с этими словами она взяла румяное яблоко и подала бабушке.

– Какое красивое, – восторженно произнесла та и поднесла его к носу, – странно, ничем не пахнет, и это желтое, как восковое, – понюхала она следующее.

– Значит, химия, – твердо сказала внучка, – клади обратно и, знаешь, яблоки ты и в Москве поешь, лучше подмосковных яблок нет, поверь мне, пойдем дальше, там всякая экзотика.

Они прошли несколько метров вперед.

– Вот эти волосатые я пробовала, – бабушка ткнула пальцем в киви, – я не знала, как их надо есть и откусила вместе с кожурой, бр-р-р, такая гадость, кислые, как лимоны, – она поморщилась, – ой, а вот эти вкусные, – она увидела манго и радостно заулыбалась, словно встретила старого знакомого, – только называются неприлично, – бабушка понизила голос до шепота, – м...нда какая-то, прости, господи...

От смеха Наташа сложила пополам, – ой, ну ты сказала, ба, не м...нда, а манго... – она протянула бабушке пакет, – набирай.

Пока бабушка деловито щупала и нюхала плоды, Наташа набрала в пакеты персики, виноград и груши.

– Ты всегда любила персики и груши, – улыбнулась Бажени, – а виноград вкусный? – поинтересовалась она у внучки.

– Попробуй, – та отщипнула от грозди крупную розовую ягоду, протерла пальцами и протянула бабушке.

– А здесь можно попробовать? – удивилась та.

– Ну, можно отщипнуть ягодку, за это тебе никто ничего не скажет и не сделает, но вот если ты перекусаешь в супермаркете все сливы или мандарины, тогда могут возникнуть проблемы.

Бабушка улыбнулась, – ну, я же не дикарка какая-нибудь.

– Конечно, нет, бабулечка, – Наташа подвела ее к полкам с экзотическими фруктами, – давай, возьмем дыню, личи, карамболу и инжир, – предложила она, – все остальное я пробовала, ерунда.

– А у нас хватит денег? – бабушка испуганно заглянула в тележку, – смотри, сколько у нас уже продуктов.

– Хватит, не переживай, – улыбнулась Наташа, – пойдем, все взвесим.

Она начала выкладывать пакеты на весы и нажимать пальцем на кнопки с изображением продуктов. Выползающие из аппарата чеки она наклеивала на пакеты.

Евгения Ивановна затаив дыхание наблюдала за процессом.

– Подожди, – схватила на внучку за руку, – дай, теперь я нажму, – как маленький ребенок попросила она.

Наташа положила на весы пакет с персиками, – жми, – сказала она бабушке.

– Куда жать-то? – растерялась та.

– Вот картинка с номером, – подсказала внучка.

Бажени осторожно нажала кнопку, сбоку выполз чек, бабушка бережно приняла его и аккуратно наклеила на пакет. На ее лице отразился неописуемый восторг.

Наташа положила на весы пакет с манго и показала на нужную кнопку. Довольная Бажени ткнула в нее, и процесс повторился заново.

– Коша, – бабушка понизила голос, – а если человек взвесит килограмм и чек наклеит, а потом в пакет еще два килограмма положит, что будет?

– Если не заметят, то ничего не будет, а если его засекут, то обманщику придется заплатить большой штраф, за такое могут даже в тюрьму посадить.

– А как заметят-то? – удивилась бабушка, – никого же нет, – она посмотрела по сторонам.

– Камеры, – Наташа показала пальцем вверх, – повсюду установлены камеры. В отдельном помещении сидят охранники, на экранах телевизоров они видят, что происходит в зале. Поэтому с весами лучше не шаманить...

– Да-а-а, – с пониманием покивала головой бабушка, – коша, а на сколько мы уже накупили?

– Не знаю, – пожала плечами Наташа, глянув в тележку, – не на много...

– А сколько это стоит? – не унималась Бажени, рассматривая ценники, – а-а-а, какой ужас, персики три рубля, м...нда четыре с половиной, – она возмущенно выдохнула, – высыпай их обратно, цены сумасшедшие, то-то я смотрю, покупателей в магазине совсем нет, никто по таким дорогушим ценам ничего брать не будет. Учись, детка, тебе теперь домашнее хозяйство вести, ты должна все знать и быть экономной хозяйкой.

– Ба, – Наташа улыбнулась, – цены указаны не в рублях, а в долларах, а покупателей в супермаркете мало, потому что сегодня будний день, обычно народ приезжает закупаться в выходные. Ничего не высыпай, все берем. Пойдем дальше.

По дороге Бажени перенюхала все помидоры и огурцы и пришла к выводу, что подмосковные овощи с их дачи лучше. Еще она забрала кабачки и патиссоны. Единственное, что понравилось бабушке, это баклажаны. Упаковка фиолетовых овощей последовала в тележку.

– Натушка, а это что? – Евгения Ивановна остановилась около горы прозрачных пластиковых контейнеров.

– Это клубника, это черника, это ежевика, – начала перечислять та, но бабушка перебила ее, – я вижу, что клубника, но сейчас же сентябрь, а клубника бывает в июне, – она растерянно посмотрела на внучку, – сезон черники и ежевики тоже давно прошел.

– Ее выращивают на фермах ежегодно, – объяснила Наташа, – ты же не удивляешься, когда дед зимой приносит в заказах огурцы. Их тоже выращивают в теплицах.

– Так то огурцы, а то клубника, – восторженно прошептала бабушка, – подумать только, клубника в сентябре.

Она задумчиво взяла в руки одну крупную ягоду и понюхала ее, – это химия? – спросила она Наташу.

Та взяла контейнер в руки, – эту клубнику в Нью-Йорк поставляют фермерское хозяйство из штата Масаачусетс, – а эту, – она взяла пластиковый контейнер немного другой формы и с другой этикеткой, – из штата Миссури.

– Что такое штат?

– Ну, это как союзная республика, Азербайджан или Армения. В Москву зимой оттуда тоже разные фрукты и овощи везут.

Бажени покивала головой, – какая крупная, – разглядывала она ягоды, – и красная, и пахнет вкусно.

– Бабушка, вряд ли это химия, – Наташа начала складывать контейнеры в тележку, – наваришь нам вареников с ягодами?

– Конечно, наварю, – пообещала бабушка и потянулась, чтобы положить в тележку и ягоду.

– Да съешь ты ее, – предложила Наташа, вытащила из упаковки ягоду и засунула в рот.

– Мы же ничего не взвесили, – испугалась Бажени.

– Здесь цена уже есть, – объяснила ей внучка, – можешь хоть всю клубнику съесть, на кассе пробьем пустую упаковку.

Бабушка кивнула и быстро сунула клубнику в рот.

Потихоньку переговариваясь, они прошли сквозь длинные ряды стеклянных и металлических банок с маринованными овощами, консервами и компотами.

– Какое изобилие, – бабушка качала головой, – теперь понятно, почему иностранки не умеют ничего делать, у них все есть...

Они подошли к мясному отделу. Евгения Ивановна замерла.

– Что это? – потрясенно спросила она.

– Куриные сердечки, – тихо сказала Наташа.

– Куриные сердечки, – прошептала бабушка, – целый ряд упаковок с куриными сердечками, – она подняла глаза на Наташу, – коша, это же твое любимое, помнишь, когда ты была маленькая, ты всегда требовала сердце...

– Помню, бабушка, – Наташа обняла бабушку и ткнулась лицом ей в голову, – а ты всегда сокрушалась, что у курицы только одно сердце, а не двадцать...

– Да-да, – бабушка закивала головой, – ты так любила куриные сердечки и всегда так жалобно спрашивала «а больше нет?», что у меня сердце сжималось, так хотелось приготовить для тебя все самое вкусное и любимое...

– Бабушка, родная, тебе всегда это удавалось.

– ... это что же получается, – Бажени медленно шла вдоль ряда с куриным мясом, – взяли тысячу кур, разрежали, отдельно сложили сердечки, отдельно печенку, ножки, крылышки, а-а-

а, – она остановилась и с восторгом прошептала, – грудки, белое мясо, каждый может купить только то, что нравится, а не брать всю курицу целиком, это какая-то сказка...

– Давай купим все, что ты хочешь, – предложила Наташа.

– Не надо, – твердо сказала бабушка, – Павел с Женей подумают, что приехала какая-то голодающая бабка...

– Ба, Пол и Дженнифер ничего не подумают, мы накупим разного мяса, а ты приготовишь на ужин разные вкусные блюда, устроим всей семье вечер твоей кухни. Они будут в восторге. Сама видишь, как твои соленья и варенья идут на «ура».

– Правда, можно?

– Не можно, а нужно, что будем брать?

– Подожди, коша, у меня аж во рту пересохло, – прошептала бабушка, – сейчас водички бы...

– Какую воду будешь, простую, сладкую?

– Да все равно...

– Держи, – Наташа взяла с полки бутылочку сладкой газировки, открыла и протянула Евгении Ивановне, – пей.

– Ты что делаешь? – испугалась та, – мы же не заплатили.

– Ну, мы же не собираемся убежать, – улыбнулась внучка, – подумаешь, люди захотели пить, потом на кассе расплатимся.

Бабушка сделала несколько глотков и уже нормальным голосом произнесла, – давай возьмем вот это, это и это, – она положила упаковки в тележку.

Около прилавков с говядиной, свининой, бараниной и индейкой история каждый раз повторялась. Бабушка охала, ахала, пила воду и после уговоров Наташи бросала в тележку все новые и новые упаковки с продуктами.

Наконец они подошли к отделу колбас и копченостей.

– Наташа, мне очень стыдно, но у меня ощущение, что я неделю ничего не ела, – призналась бабушка, разглядывая аппетитные срезы колбасы разных диаметров, – Володя постоянно свои заказы приносит, мы не голодаем, конечно, но чтобы такое изобилие и в свободной продаже, коша, а колбаса дорогая?

– По-разному, – Наташа начала показывать на разные батоны, – если на наши деньги, то вот эта по два рубля, эта по три, эта уже по пять, эта по девять.

Бабушка с интересом кивала головой.

– Давай, мы и нарезки разной наберем...

– Нет, – твердо решила бабушка, – сегодня на ужин я для всей семьи приготовлю котлетки из потрошков, рулеты с грибами, ну и так, по мелочам всего, а тебе, коша моя родная, я потушу сердечек с томатами и лучком.

– Давай, – Наташа облизнулась, – Барби очень вкусно готовит, но ты лучше.

– Ой, надо мне не забыть у Вари рецепт переписать, – вдруг вспомнила Бажени, интересный такой, на противень укладывается тонкое сырое тесто, потом фарш, потом грибы, соус, снова тесто, и так далее, а потом все это заливается соусом и запекается в духовке, только название забыла, называется, как яичница, глазунья что ли...

– Лазанья, – подсказала Наташа.

– Ага, лазанья, – кивнула бабушка и посмотрела на внучку, – а можно мне колбаски, вон той и вон той...

– Нужно, – Наташа улыбнулась менеджеру и начала заказывать нарезку.

– А что это вы тут делаете, а? – рядом нарисовалась Юля, – ух ты, колбаса, – она облизнулась.

– Чего купила? – спросила ее Наташа.

– Так, кое-что присмотрела, нужен твой совет, – уклончиво ответила та, – да и не хотелось одной по магазинам ходить, потом в туалет захотела...

– Ой, – Евгения Ивановна вдруг испуганно посмотрела на Наташу и прошептала, – мне тоже нужно...

– Набери разной колбасы, мы сейчас, – попросила Наташа Юлю, та кивнула.

– Проходи, ба, – Наташа распахнула перед бабушкой дверь в кабинку.

– Это общественный туалет? – изумленно выдохнула та.

– Да, вот бумага, вот салфетки, – Наташа прикрыла дверь, – если понадобится помощь, я рядом.

– Подожди, подожди, не уходи. Где бачок с водой? Чего нажимать-то надо? – бабушка растерянно оглядывала белую сверкающую технику, – только унитаз стоит, а бачка с водой нет...

– Клавишу на стене нажми, – подсказала Наташа.

Бабушка нажала ее, раздался рев вырвавшейся на свободу воды, в воздухе запахло духами.

– Как в сказке, – направляясь к раковине, бабушка Евгения качала головой.

– Подставляй руки, – Наташа нажала на рычажок, и бабушке в ладони плюхнулась капля мыла розового цвета с клубничным ароматом, Бажени намылила руки и растерянно устояла на одинокий кран без вентилей.

– Поднеси к крану руки, вода сама польется, – объяснила ей внучка, – а теперь подставь руки под сушилку, она тоже сама заработает.

Высушив руки, Бажени не выдержала и, нагнув голову, заглянула под сушильный аппарат, тот сразу же включился.

– Наташа, а откуда он знает, что я руки подставила?

– Датчики на движение реагируют, – объяснила та, – пойдем, башка, нас Юлька уже жаждалась.

На кассе они проббили покупки, сгрузили все снова в тележку и медленно вышли из супермаркета.

– Хотите, в кафе зайдем? – предложила Наташа.

– Нет, я в кафе не хочу, – помотала головой бабушка, – давайте, просто посидим.

Они подошли к удобной скамейке рядом с фонтаном и, присев, откинулись на высокую изогнутую спинку.

– Ба, хочешь колбаски? – предложила Наташа.

– Конечно, хочу, – быстро ответила Юля.

Наташа разорвала упаковки с ветчиной и копченой колбасой и раскрыла пакет с горячими булочками, – девочки, налетай.

Следующие пять минут все трое молча жевали разные виды колбасы и запивали еду соками из пакетиков с трубочками.

Вдруг бабушка всхлипнула.

– Ба, ты чего? – испугалась Наташа.

– Коша, я вдруг вспомнила, как мы с тобой однажды пошли в магазин, и ты попросила меня что-то купить, а у меня денег было совсем не много, ты не заплакала, не закапризничала,

только вздохнула глубоко и так горько-горько, – бабушка вытерла ладонью слезы, – а сейчас ты мне накупила всего, что я хотела, – она кивнула на тележку, – и газировки, и конфет.

– Бабулечка, – растроганно пробормотала Наташа, – ты мне не купила чего-то не потому, что пожалела денег, а потому что их не было, если бы я была без денег, я бы тоже не смогла тебя побаловать, а так, спасибо Мэтту...

– Наташенька, детка моя! – бабушка проникновенно посмотрела на Наташу и погладила ее по щеке, – выходи замуж за Мэтта, за Эда, да хоть за черта лысого, только оставайся в этой сытой стране. Я не хочу, чтобы ты голодала. Я хочу, чтобы у моих праправнуков всего было в достатке.

Бабушка Евгения замолчала, продолжая жевать и думать о чем-то своем. Ее глаза еще какое-то время оставались грустными, а потом вдруг Наташа увидела, как бабушкины плечи гордо распрямились, подбородок взметнулся ввысь, и она небрежно сказала, – ну и что, что клубника в сентябре и сто сортов колбасы, подумаешь? А вот кильки в томатном соусе и бочковой селедки у них точно нет.

Девчонки расхохотались.

– Девочки, а давайте поедим вкусного мороженого, – с улыбкой предложила Наташа.

– Нет, – Бажени поднялась, – я пельмешек домашних задумала налепить и вареников с ягодами, поехали домой.

– Поехали, – согласилась та и шепнула Юле, – завтра приедем сюда вдвоем, спокойно походим по магазинам.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, понедельник 5 сентября 1988 года

Вечером вся семья собралась за большим столом.

Наташа уже объявила, что на ужин будут поданы разные мясные блюда, приготовленные бабушкой Евгенией. Все с нетерпением ждали. Когда Гвен с Розитой начали заносить и расставлять на столе блюда с крышками, семья оживилась и заерзала на стульях.

Наташа начала поднимать крышки, – котлетки из куриных потрошков, котлетки из говядины со свиной, оладья из печени, рулеты мясные с зеленью, рулеты куриные с грибами под сливочным соусом, не переживайте, все изделия имеют крошечные размеры, вы не объедитесь, – продолжала рекламировать она.

Семья судорожно сглатывала и молчала.

– ... пельмешки, – продолжила Наташа.

Увидев пельмени, Майки оживился, – о, пэлмьени, – закричал он, – я ел такие в Москве, это вкусно, – и протянул свою тарелку.

Пол остановил свой выбор на печеночных оладьях, Тэфочка решила попробовать рулеты с грибами, Мэтт предпочел котлеты из говядины и свинины, а Юля подставила свою тарелку для всех видов еды.

– Коша, твои любимые сердечки, – бабушка приподняла крышку над глубоким блюдом.

– Давай, – обрадовалась Наташа, – только с подливкой, – она облизнулась и протянула тарелку для супа.

Лиза с Патриком переглянулись, – это что? – поинтересовалась малышка у Наташи.

– Это настоящая вкуснятина, – та уже отломил несколько кусочков булочки и замочила их в подливе.

– Мне тоже сердечки, – протянула свою тарелку Лиза и уточнила, – и обязательно с подливкой.

– И мне, – следующим был Патрик.

– А на десерт сладкие вареники с ягодами, – объявила Наташа.

Через час семья молча обзревала пустые, вылизанные блюда.

– Бажени, вы потрясающе готовите, – наконец вымолвил Пол, – я никогда ничего не ел вкуснее.

– И я, – совершенно искренне произнесла Тefочка, – мне даже вспоминать страшно, сколько всего я съела, но остановиться не могла, настолько было вкусно.

Мэтт наклонился к Наташе, – детка, я боюсь тебя спрашивать, но, так, на всякий случай, а ты умеешь так же вкусно готовить?

Наташа сокрушенно замотала головой, – нет, – прошептала она, – я совсем не умею готовить.

Мэтт вздохнул, – придется уговорить волшебницу Бажени остаться жить у нас.

– Правда? – радостно воскликнула Наташа.

– Конечно, – грустно вздохнул тот, – а что делать, если жена не умеет готовить?

Наташа бросилась ему на шею.

После того, как Юля все перевела Евгении Ивановне, та улыбнулась и поинтересовалась, – что вам приготовить завтра?

США, Нью-Йорк, торговый центр, вторник 6 сентября 1988 года

На следующий день, когда Наташа с Юлей решили съездить в торговый центр, Бажени увязалась с ними.

– Мне надо купить продукты, – она гордо взглянула на внучку и потрясла у нее перед носом листом бумаги.

– Какие продукты? – удивилась та.

Бабушка заглянула в список, – Митя с Павлом заказали мясные котлеты, Майки нравятся пельмени, Лизке с Петькой я обещала напечь пирожков, только Женя ничего не захотела, но я знаю, чем ее удивить, – хитро прищурилась Евгения Ивановна, – ей понравились вареники с ягодами. Ну, ладно, поехали быстрее, а то мы с Варей уже тесто поставили, будет плохо, если оно перебродит.

Наташа с Юлей многозначительно переглянулись, – о, человек при деле.

В торговом центре бабушка сразу же деловито направилась к эскалатору.

– Башка, – окликнула ее Наташа, та обернулась, – а давай мы с Юлькой сначала посмотрим кое-какую одежду, а потом спустимся за мясом.

Бажени махнула рукой, – идите куда хотите, а мне некогда ерундой заниматься, у меня хозяйство большое, надо накормить девять ртов, и Варя переживает, что не умеет готовить котлеты и борщ, буду ее сегодня учить...

– А ты сможешь сама купить продукты? – насторожилась Наташа.

– А что здесь сложного? – удивилась бабушка, – я же в пятницу ходила с тобой, где какие прилавки находятся, запомнила, что я, упаковку с сердечками в тележку не смогу бросить, – Бажени фыркнула, – или подойду и пальцем в витрину ткну, мне продавец все взвесит, да мне и надо только мясо, ну, и так, по мелочам...

– Дай список, – на обратной стороне листка Наташа по-английски написала, что Евгения Ивановна – это иностранка, ее родные находятся в супермаркете на втором этаже, а также указала имя Берни и марку автомобиля с номером на автостоянке, – если заблудишься, покажи это служащему, тебе помогут. Мы с Юлькой быстро, скоро к тебе придем, подожди нас, да, деньги держи.

– Не надо, – гордо посмотрела на нее бабушка, – мне Митя деньги на хозяйство дал, – она залезла за пазуху и достала завернутые в белый платочек купюры, – вот.

– Возьми кошелек, так же удобнее, – предложила внучка.

– Нет, мне так привычнее, – отказалась бабушка, – только помогите мне с этой лестницы спуститься, – попросила она, – боюсь, голова закружится.

– А кто у вас с Мэттом был переводчиком? – спросила Наташа, когда они ехали на эскалаторе вниз.

– Майки, – объяснила та.

– А как ты поняла, что они заказали на ужин?

– А чего тут непонятного? – удивилась Бажени, – Майки показал на деда и отца и сказал «качилеты», потом показал на брата с сестрой и сказал «Наташша, пырошки, сьертъешки», потом положил ладошку себе на грудь и сказал «пэлмьени», вот и все...

– Ну, ладно, иди, мы скоро к тебе присоединимся...

Когда девочки с яркими пакетами спустились вниз, Бажени уже деловито расплачивалась на кассе. Она внимательно просмотрела чек, пересчитала всю сдачу и, пожелав на прощание улыбочкой кассирше богатого мужа и здоровых детишек, гордо направилась с тележкой к выходу.

– Ну, вот, а ты переживала, – небрежно бросила она застывшей внучке, – поехали домой, у меня полно дел.

– Юль, завтра дубль три, – ошарашенно пробормотала Наташа, подруга молча кивнула.

США, Нью-Йорк, православная церковная лавка, среда 7 сентября 1988 года

Но и на следующий день девочкам не удалось улигнуть от Бажени. Узнав, что они собираются, как она говорила «в город», она сразу же побежала переодеваться.

Сначала они заехали в торговый центр, где бабушка, уже не обращая внимания на продукты, с интересом ходила по модным салонам и разглядывала одежду и обувь.

По дороге домой Наташа попросила Берни притормозить около маленького магазинчика, – ба, я хочу показать тебе одну вещь, она тебе однозначно понравится, – улыбнулась она.

Бабушка посмотрела в окно, над входом в магазин висело распятие, в окнах были выставлены иконы и церковная литература.

– Что это? – удивленно спросила она.

– Пойдем, пойдем, – потянула их с Юлей Наташа.

– Что я в церковной лавке не видела? – недовольно пробурчала Бажени.

– Ба, ты все видела, кроме этого, – примирительно похлопала ее по руке внучка, – я случайно наткнулась на эту лавочку, когда искала наглядные пособия для своих рассказов детям про религию и православную веру.

Евгения Ивановна, Наташа и Юля вошли в открытую дверь. В помещении было темно и прохладно, приятно пахло воском. Приветливая женщина неопределенного возраста поправила на голове светлый платочек и обратилась к ним по-английски. Наташа что-то ответила ей и улыбнулась.

– Давай, показывай, что хотела и пойдем отсюда, – нахмурилась Бажени.

Женщина, услышав русскую речь, вспыхнула от радости, сразу же прилепилась к Евгении Ивановне и начала болтать на немного ломанном русском языке. Она расспрашивала про жизнь в Советском Союзе, интересовалась, кто они и зачем приехали в Нью-Йорк, затем начала что-то втолковывать про истинную православную веру и призывать Евгению Ивановну ходить на службы каждый день. Бажени замолчала, сурово поджала губы и отошла к Наташе. Юля взяла удар на себя и заворковала с женщиной о жизни.

– Смотри, это специальные термонаклейки для яиц, – Наташа показала Бажени на многочисленные блестящие разноцветные полоски из целофана, – вот эти наклейки в стиле палеха, эти под гжель, эти с изображением дореволюционных пасхальных открыток, эти с соборами и церквями, вот наклейки с изображением святых.

Бабушка с интересом начала их разглядывать. Женщина в косыночке сунулась было к ним, но Юля снова ее перехватила.

– Не надо целый год собирать луковую шелуху, разводить краски, пачкать руки, просто отвариваешь яйца, потом надеваешь на яйцо вот такую полоску и опускаешь его на две секунды в кипяток. В результате получается высокохудожественное произведение. Давай, накупим всяких, чтобы вы с Мамниной на Пасху весь двор удивили.

– Давай, – сразу же согласилась бабушка.

Расплатившись и попрощавшись, все трое вышли из церковной лавки и сели в машину.

Бабушка продолжала разглядывать наклейки, – какие красивые, – восторженно бормотала она, – эти с ангелочками, эти с церквями, эти с Богородицами, – она начала раскладывать полоски на кучки, – эти наклейки для Тамарочки, эти для Веры Николаевны, эти для Настасьи, а эти на яйца налеплю, детишкам во дворе раздам.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, среда 7 сентября 1988 года

Вечером Мэтт, Наташа и Юля пошли с детьми прогуляться вдоль залива.

– Натыч, а почему Бажени так остро реагирует на все, что связано с религией? – тихо спросила Юля.

– У бабушки была очень тяжелая жизнь, – помолчав, начала Наташа, – она из богатой семьи. Бабушкин папа был намного старше ее мамы, он умер, когда Бажени была еще совсем маленькая. Старший бабушкин брат погиб в Гражданскую войну, осталась Бажени и ее младший брат Ваня. Потом ее мама вышла замуж во второй раз. От второго мужа она родила двух мальчишек Пашу и Мишу. Когда рожала третьего, получила заражение крови и умерла. Бажени было тогда одиннадцать лет, совсем маленькая девочка, – грустно вздохнула она.

Мэтт обнял ее за плечи и потерся щекой о голову.

– Она одна вела домашнее хозяйство, ей немного помогали тетки, сестры матери, а потом отчим женился, дальше следует классический сюжет. Мачеха невзлюбила детей. За Пашу и Мишу отчим заступался, потому что это были его родные дети, а бабушку и ее брата Ваню отчим выгнал из дома, несмотря на то, что это был их собственный дом.

– Как он это сделал?

– Подкупил местные власти и оформил имущество на себя, – тихо ответила Наташа.

– А дальше? – Юля дернула замолчавшую подругу за рукав.

– Сначала детей приютили у себя их бабушка и дедушка и старшая сестра матери. У нее была своя семья, дети, внуки, двое чужих детей были лишними ртами, Бажени это быстро поняла, и они с братом ушли «в люди».

– Что это такое? – не понял Мэтт.

– Двое детей были вынуждены наниматься прислугой в разные семьи, – вздохнула Наташа, – когда Ваня чуть повзрослел, он поступил в ремесленное училище, а бабушке «посчастливилось» поработать и помощницей повара в ресторане, поэтому, кстати, она так хорошо готовит, и горничной у богатой княжны, и в типографии во время революции. А жила бабушка в монастыре, ее взяли туда потому, что ее покойные папа и мама постоянно делали пожертвования. В монастыре ее научили красиво вышивать. Но изнанка жизни, к сожалению, оказалась неприглядная. Там царил разврат, монашки по ночам принимали мужчин, потом делали аборты. Во время постов никто не голодал, вино лилось рекой, а священнослужители ели мясо. Бабушку часто наказывали и заставляли часами молиться на коленях на холодном

полу. Может от этого, может нет, но однажды у нее парализовало ноги, и четырнадцатилетняя девочка стала инвалидом.

Мэтт и Юля внимательно ее слушали.

– Хозяйка типографии, в которой работала бабушка, армянка по фамилии Петросян, была очень богатой женщиной. Она хорошо относилась к Бажени и забрала ее из монастыря к себе. Она отвезла бабушку в Европу, там ей сделали операцию и долго лечили. Бажени три года прожила в их семье. Когда запахло революцией, Петросяниха с семьей бежала в Европу. Она хотела взять с собой и бабушку, но та отказалась. Младший брат Петросянихи, который был влюблен в Бажени, даже сделал ей предложение.

– Почему она не поехала с ними? – тихо спросил Мэтт.

– Она не могла бросить своего брата, они всю жизнь были очень дружны, держались вместе, когда разъехались по разным городам, переписывались, часто ездили друг к другу в гости. Я очень хорошо помню дядю Ваню, он с семьей жил в Подмоскowie, умер совсем недавно, – вздохнула Наташа, – а еще потому, что она не любила Петросяна. Прошло немного времени, Бажени встретила своего будущего мужа, моего прадедушку Александра, они поженились, и жили долго и счастливо. А со времени проживания в монастыре бабушка невзлюбила священнослужителей. Она называет их попами. В душе и в сердце она верит в Бога, дома молится, у нее в комнате стоят иконы, бабушка всегда благодарит Всевышнего и Святую Богородицу, но в церковь никогда не ходит и не соблюдает церковные обряды. Меня, между прочим, она крестила сама. Такие вот дела.

– Мда-а-а, – протянул Мэтт и привлек Наташу к себе, – ты расстроилась, детка?

– Я всегда расстраиваюсь, когда представляю, как двое маленьких детей, одиннадцатилетняя девочка и восьмилетний мальчик, скитаются по чужим домам, – вздохнула та, – представляете, у бабушки всего три класса образования в церковно-приходской школе, но именно она учила меня, маленькую, читать и писать.

– Не грусти, не надо, – Мэтт потянулся к ее губам.

Юля кашлянула, – что-то стало прохладно, – повела она плечами и поежилась, – пойдем-ка мы с детьми домой, а вы еще погуляйте.

– Джули, вас проводить? – спросил ее Мэтт.

– Спасибо, не надо, сами дойдем, – улыбнулась она, – спокойной ночи.

– Какая у тебя деликатная подруга, – сказал он Наташе, когда Юля ушла, и потянул ее за руку, – пойдем, – тихо добавил он.

– Куда?

– Проверим, прочные ли диваны в беседке...

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, пятница 16 сентября 1988 года

– Девочки, после свадьбы сразу не уезжайте, дождитесь меня из путешествия, – Наташа прижалась к Бажени, – нас с Мэттом не будет всего лишь две недели. А когда вернемся, мы с вами еще погуляем по городу, походим по магазинам, ну, девочки, ну, останьтесь, пожалуйста, – посмотрела она жалобно на Юльку.

– Мы уедем только в конце октября, а эти две недели, что вас с Митей не будет, проживем у Гены с Ларисой, – объяснила бабушка.

Юлька кивнула, – Натич, без тебя как-то неудобно здесь жить.

– Значит, так, – скомандовала Наташа, – неудобно оставить моих троих детей без присмотра. Ты, – ткнула она пальцем в Юльку, – в мое отсутствие назначаешься главной мамкой-нянькой-гувернанткой. Будешь контролировать обучение ребят, делать с ними уроки, читать им книжки и рассказывать на ночь сказки. А ты, – повернулась она к Бажени, – назначаешься главной кормилицей-поилицей главной мамки-няньки. Кто ей, как не ты, будет

жарить гренки на сале, и подавать соленые огурцы с ванильным молоком? Еще надо разобрать подарки, вон, все комнаты завалены, не пройти. А это только начало, еще не все гости прислали подарки. Девочки, этим вы займетесь вместе с Дженни. И Мамнину с Бобом тащите сюда, чтобы им не было скучно, пока мои родители на работе. Надо все подарки рассортировать и подготовить благодарственные письма, а мы с Мэттом их потом подпишем. Короче, у вас дел невпроворот, месяца не хватит, чтобы управиться, а вы уезжать собрались, предательницы, – обиженно буркнула она, – а мне потом одной сражаться со всем ворохом?

– Все, все, убила, я остаюсь, – Юлька подняла руки и посмотрела на Бажени, – Евгения Ивановна, у нас с вами ответственная миссия, придется остаться.

– Только если Нина с Ларисой приедут, – недовольно пробурчала та.

– Приедут, приедут, не переживай, я сама им все объясню и попрошу, – успокоила бабушку Наташа.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, понедельник 19 сентября 1988 года

– Нати, так нечестно, – едва проникнув в комнату к Наташе, Мэтт сразу же бросился к ней и, сжав в объятиях, начал покрывать горячими поцелуями ее лицо и шею, – мы совсем не видимся, я соскучился.

Наташа отвечала на его поцелуи и оправдывалась, – Мэтт, я не могу уходить к тебе после ужина, ко мне по вечерам заходят Бажени с Юлькой, пойми, для них это чужой дом, им немного одиноко и неудобно, здесь я единственный для них родной человек.

– Перебирайся жить в мои комнаты, – решительно сказал Мэтт, – ну, правда, сколько можно притворяться. Все давным-давно уже все знают, только делают вид. До свадьбы осталась всего-то неделя с небольшим.

– Делают вид, потому что соблюдают правила приличия, ш-ш-ш, – положила ему палец на губы Наташа, – Бажени тоже все прекрасно понимает, она умная женщина, но ты пойми, я для нее целомудренный ребенок. Пусть я буду такой до свадьбы, хотя бы чисто внешне, ладно?

– Ты и так пока целомудренный ребенок, мы вместе всего лишь три месяца, – Мэтт кивнул и поцеловал ее.

– А ты приходи ко мне позже, когда бабушка и Юлька уже уходят к себе, – предложила ему Наташа.

– Я не могу позже, – в свою очередь начал оправдываться Мэтт, – вчера вечером я не смог дожждаться, когда вы наболтаетесь, и уснул... я не высыпаюсь, я засыпаю в машине, на работе, на совещаниях. На прошлой неделе Полу даже пришлось несколько раз толкнуть меня ногой под столом во время важной деловой встречи...

Наташа засмеялась, – представляю эту картину, а ты храпел?

– Сейчас кто-то будет наказан, – пригрозил ей Мэтт и крепко обнял за талию, – я соскучился, – его рука поползла по ее спине вниз.

Наташа прижалась к нему, – представляешь, скоро мы с тобой будем вместе, каждый день и каждую ночь, а они уедут, старые и одинокие, никому не нужные. Я их единственный ребенок, один на всех, которого они привыкли каждый день видеть, любить, кормить. И вдруг я исчезну из их жизни. Каково, а? Папа с мамой молодые, у них своя жизнь, работа, бизнес, сейчас они в Америке, завтра могут оказаться где-то еще. А трое стариков останутся совсем-совсем одни. Когда я думаю об этом, то начинаю плакать, мне так жалко и Бажени, и Мамнину, и Боба, – Наташа всхлинула. – Я раньше никогда не задумывалась, почему бабушка плакала, когда я уезжала в пионерский лагерь или с родителями на море. А сейчас я поняла, она ведь очень старенькая и очень меня любит, как она будет без меня, а? Представляешь, на днях она стала рассуждать о том, что будет помогать мне воспитывать моих детей, рассказывать им сказки и

водить в детский сад. А я ничего не могла ей ответить, потому что вдруг поняла, что мы с тобой и детьми будем жить здесь, а она вернется в Москву, – Наташа заплакала и прижалась к Мэтту.

Он погладил ее по голове, – не волнуйся по этому поводу, мы никогда не бросим твоих, заберем всех к нам.

– Это не так просто, ты же понимаешь, – грустно улыбнулась Наташа.

– Не улыбайся так грустно, у меня сжимается сердце, – горячими губами прошептал ей на ухо Мэтт, – мне нравится, когда ты улыбаешься, а еще мне нравится, когда ты облизываешь язычком свои губки и стонешь, – его руки скользнули под шелк ее халата.

– Подожди, так нечестно, – Наташа стала извиваться, пытаясь освободиться из его объятий, – у меня к тебе есть претензия. Я дала согласие выйти за тебя замуж только потому, что ты обещал раскрыть мне тайну панталончиков, прошло уже три месяца, а ты ни единым словом о ней не обмолвился. Я больше не буду с тобой целоваться... и еще кое-что тоже делать не буду, – она обиженно надула губки и отвернулась.

– Обожаю, когда ты так делаешь, – Мэтт посмотрел на нее и взял за руку, – пойдем, – он подвел ее к двери и выглянул в темный коридор, – кажется, все уже спят, – тихо пробормотал он.

Крепко держась за руки, они неслышно спустились по лестнице на первый этаж, и Мэтт повел Наташу по темному коридору в сторону библиотеки.

Когда они проскользнули внутрь, Мэтт плотно закрыл дверь, запер ее на ключ и включил маленький тусклый ночник.

Ночь, едва освещенная библиотека... Обстановка была таинственной и немного пугающей, Наташа настороженно озиралась.

– Что, испугалась, маленькая любопытная девочка? – зловещим голосом прошептал он ей на ухо, она вздрогнула.

– А что, тайна панталончиков правда какая-то ужасная, – шепотом спросила она и зябко повела плечами.

– Это очень страшная тайна, ей пятьсот лет, я ее знаю лет двадцать, – таинственно произнес он, – с тех пор не могу спокойно спать.

– У вас в библиотеке хранятся панталоны, которыми пятьсот лет назад задушили вашу прапрапрабабушку, и теперь она является за ними по ночам? – негромко засмеялась Наташа.

– Все намного хуже, – прошептал Мэтт.

– Что, она приходит в одних панталонах? – Наташа представила скелет благородной дамы в *mutandoni* с кружевами и покатила со смеху, зажав рот рукой, – ой, я не могу, прикольно как.

Мэтт, не отрываясь, серьезно смотрел на нее.

Улыбка сползла с ее лица, – Мэтт, это, правда, страшно? Если это так, то я не хочу знать никаких тайн, – она схватила его за руку и умоляюще посмотрела ему в глаза, – давай уйдем отсюда, пожалуйста.

– Поздно, – он сделал страшные глаза, скривил рот, скрючил пальцы и дрожащими руками потянулся к Наташиной шее, – ха-ха-ха, – голосом монстра из фильма ужасов произнес он, Наташа шлепнула его по руке.

– Прекрати меня пугать, – рассерженно произнесла она и повернулась к двери, – я ухожу спать.

– Нати, прости, – Мэтт догнал ее и заключил в объятия, – ты не представляешь, какой это соблазн обманывать тебя или пугать. Ты сразу становишься такой маленькой и беззащитной, что хочется тебя утешать, обнимать и целовать.

– Если меня сильно напугать и дать в руки бейсбольную биту, я, наоборот, перестаю быть маленькой и беззащитной, – напомнила ему она, – кстати, мне и биты не надо, если помнишь,

нос бандиту я сломала пяткой. Скажи спасибо, что я умею себя контролировать, и у меня все в порядке с нервами. Другая от твоего зловещего «ха-ха-ха» уже своими воплями переполошила бы весь дом, а еще врезала бы ногой тебе по...

– Поэтому я не с другой, а с тобой.

– Давай, рассказывай или я уйду.

– Сейчас расскажу и покажу, – он перекатил лестницу на колесиках к нужному стеллажу и полез наверх.

Спустился он с большим альбомом в кожаном переплете и положил его на журнальный стол, – иди сюда, – махнул он рукой Наташе, делая приглашающий жест, – садись, – он похлопал по дивану.

Она подошла и тихонько присела рядом.

– Я случайно наткнулся на этот альбом, когда искал в библиотеке какую-то книгу, мне тогда было лет четырнадцать-пятнадцать, – начал рассказывать Мэтт, развязывая тонкие ремешки на переплете и откидывая кожаный верх.

Наташа попыталась прочесть название на титульном пожелтевшем листе, надпись была на латыни, – эротика... гравюры... изображения...

– Эротика в старинных изображениях в гравюре, – пришел ей на помощь Мэтт, – этот альбом был издан в девятнадцатом веке, он посвящен эротике и сексу в искусстве, здесь представлены японские гравюры двенадцатого века, французские гравюры на тему библейских сюжетов шестнадцатого века, эротические изображения греко-римской мифологии, ну и так далее.

С самых первых листов Наташа затаила дыхание. В альбоме были изображены исключительно сексуальные сцены, дамы с широко раскинутыми ногами и возбужденные мужчины. Иногда это были пары, иногда участников было больше. Позы были самые разнообразные и очень развратные.

Наташа вдруг почувствовала, что ей стало тяжело дышать, настолько возбуждающе действовало на нее увиденное.

Мэтт не мешал ей смотреть, он слегка обнял ее за талию и поцеловал в плечо, – ты ошеломлена, детка? Не стесняйся меня, я и сам был поражен. А сейчас я покажу тебе самое главное, – он перелистнул сразу несколько страниц, – вот, французские гравюры... шестнадцатый век... бытовые сценки с участием аристократии.

Гравюры очень детально иллюстрировали изобретательность развратных мужчин и дам. Все изображенные мужчины были в кудрявых париках, а дамы в пышных юбках, как правило, задранных. А еще на дамах были чулки с бантами и белые панталоны с прорезями между ног.

Наташа прерывисто и тяжело задыхалась.

– После того, как я это увидел, мне стали не нужны всякие Hustler и Playboy. Каждый день я шел в библиотеку смотреть на женщин в панталонах, а родители думали, что я увлекаюсь чтением, – горячими губами шептал ей на ухо Мэтт, его руки уже скользнули под ее шелковую ночную рубашку, – детка, я раскрыл тебе свою тайну, теперь твоя очередь, скажи мне, у тебя есть панталончики? – и он повалил ее на диван.

Когда они вернулись на второй этаж и подошли к дверям своих спален, часы показывали половину третьего ночи.

– Завтра, точнее сегодня, я точно усну на совещании и захраплю, – зевнул Мэтт и поцеловал Наташу, – спокойной ночи, любимая.

– Спокойной ночи, – поцеловала его она.

США, Нью-Йорк, репетиция свадьбы в соборе, пятница 23 сентября 1988 года

До свадьбы осталась неделя.

– А зачем нужна репетиция свадьбы? – удивилась Бажени, когда Наташа объяснила ей, куда они собираются.

– Бабушка, это целая церемония, в которой все должны выполнять какие-то действия в определенной последовательности. К тому же мне надо потренироваться ходить в длинном платье со шлейфом.

– Ты же много раз примеряла платье в ателье, – еще больше удивилась бабушка.

– Да, у меня было множество примерок в салоне, последний раз я надела платье, когда оно уже было готово, сделала три шага влево, потом вправо, и все. А мне надо научиться в нем двигаться, поворачиваться. А деду надо потренироваться вести меня к алтарю. Давай, Бажени, залезай в машину следом за Дженни, поедem все на одной.

– К алтарю? – удивленно переспросила Бажени, – вы с Митей, что, будете венчаться в церкви?

– Это не церковь, а католический собор, – Наташа села рядом с бабушкой, следом в машину залезли Юля, Пол и все дети. Мэтт сел рядом со Стивом.

– Коша, я не поняла, ты что, будешь венчаться в католическом соборе? – продолжила удивленная Бажени, – ты же православная.

– Нас вообще не будут венчать, собор не действующий, работает как музей. Просто он старинный и очень красивый, его арендовали для церемонии. А проведет церемонию глава районного отдела муниципалитета.

Наташа разговаривала с бабушкой по-русски, Юля параллельно переводила все сидящим рядом Полу и Дженнифер, те согласно кивали головой, изредка вставляя какие-нибудь уточнения.

По дороге они встретились с Бобом, Мамниной, Ларисой, Геннадием, Николаем Павловичем и Галиной Васильевной. Те были со своими детьми – будущими свидетелями на свадьбе Аленкой и Алексеем.

Когда три машины подъехали к собору, их уже встречала энергичная организатор свадьбы по имени Кэтрин со сценарием в руках, – давайте, давайте, вылезайте быстрее, – торопила она всех, – медлить нельзя, времени в обрез, через три часа мы должны освободить территорию, сегодня здесь состоится свадьба.

По сравнению с более современными соборами этот был небольшим, но все равно поража́л и гармонией пропорций, и своими размерами. Он был построен еще в шестнадцатом веке, службы в нем давно прекратились, после реставрации собор превратили в музей, также его стали сдавать в аренду для проведения торжественных мероприятий. Собор стоял посреди небольшого очень ухоженного парка с идеально подстриженным изумрудным газоном и пестрыми цветочными клумбами.

Участники репетиции поднялись по широким каменным ступеням и вошли в пятиметровые распахнутые деревянные двери с массивными коваными петлями, замками и ручками в виде колец, вставленных в львиные пасти. Собор встретил их торжественностью и светом, льющимся через огромные окна с витражами.

Войдя в собор, все замерли на пороге и с восторгом начали рассматривать и высокий сводчатый расписанный фресками потолок, и мраморные колонны, и мозаичный пол.

Только Евгения Ивановна смотрела на цветочные композиции, которые вносили в помещение, к одной из них она потянулась рукой.

– Так, украшения не трогать, цветы не нюхать, – Кэтрин погрозила Бажени пальцем и обратилась ко всем, – не стойте, не стойте, проходите.

– Лариса, ну чего она, – возмутилась бабушка и дернула внучку за руку, – я, что, не могу посмотреть цветы, которые должны быть на Наташкиной свадьбе? А, может, они мне не

понравятся? И они, кстати, мне совсем не нравятся. Зачем в букеты вставили вот эти ярко красные розы? И вот эти розовые ромашки? И ленты красные куда не годятся. Наташка выходит замуж в первый раз, все должно быть белое и светлое, Лариса, – она ткнула внучку в бок, – переведи этой злоке, что красных цветов быть не должно.

– Бабушка, успокойся, – тихо произнесла та, – во-первых, это не ромашки, а герберы, во-вторых, это не наши букеты, а чужие цветы. Сегодня в соборе будет другая свадьба. Мы просто приехали сюда на репетицию. Поэтому ничего не трогай, вдруг поломаешь что-нибудь, придется заплатить большой штраф.

– Ой, – бабушка Евгения испуганно спрятала руки за спину и сделала шаг назад от цветов. Но ее спокойствия хватило ровно на пять секунд, и она снова схватила женщину за руку, – Лара, а почему в свадебных букетах красные цветы?

– Бабушка, я не знаю, – та пожала плечами и похлопала Бажени по руке, – может, жениху и невесте уже исполнилось по сорок лет, а может это не первые их свадьбы, а может эти люди просто любят яркие цвета. Присмотрись, это ведь красиво – сочетание белых лилий и красных роз...

Бажени сурово поджала губы, – ничего красивого, свадьба и красные цветы не сочетаются, – и она потопала вглубь собора.

Там уже Кэтрин и ее две помощницы терпеливо ждали, пока прибывшие расцелуются с Энцо. Помощники модельера застыли около вешалки на колесах. На вешалке висело что-то объемное, упакованное в чехол.

Когда приветствия завершились, распорядительница свадьбы начала объяснять присутствующим, что и в какой последовательности они должны будут делать во время свадебной церемонии. После того, как репетицию мероприятия прогнали несколько раз, настало время примерки тренировочного наряда.

Женщины с интересом столпились вокруг Наташи и Энцо.

– Сначала криолин? – спросила Наташа модельера.

– Подожди, *bellezza*, юбку надеть на тебя успеем. Сначала туфли.

Наташа, надев тонкие капроновые носочки, брызнула на ноги из флакончика какой-то жидкостью и влезла в поданные Терезой туфли. Ассистентка Энцо натянула на туфли чехлы из тончайшей ткани.

– Походи, – потребовал Энцо, – не жмут, не велики?

Наташа потопталась на месте, сделала несколько шагов в сторону, – все нормально.

– Все равно надо обязательно походить, чтобы привыкнуть к обуви, – решительно произнес Энцо.

– Что это они делают? – спросила Бажени Ларису, та начала объяснять, – Наточке надо привыкнуть к свадебным туфлям. А то вдруг натрет ноги, будет хромать и морщиться от боли. Церемонию будут снимать на фото– и кинокамеру. Фотографии потом напечатают в модном журнале. Представляешь на них нашу Наташку с перекошенным лицом. А замотали туфли для того, чтобы не испачкать во время репетиции.

– Да-да, это правильно, – закивала бабушка головой.

– Кристолин, – распорядился Энцо, помощница подала ему пышный подъюбник на обруч с многоярусными торчащими оборками из жесткой сетки.

Наташа, как была в узких ярких брючках, шагнула внутрь криолина.

– А что же она штаны не сняла? – удивилась Евгения Ивановна.

– Бабушка, это пока не свадебное платье, а просто тренировочная пышная юбка, к которой, как и к туфлям надо привыкнуть. Наташеньке надо научиться двигаться в тяжелом длинном платье, да еще и со шлейфом. Она должна изящно ходить, поворачиваться, откидывать шлейф, подхватывать пышные юбки. А Энцо – это модельер, он контролирует, как его платье, точнее подъюбник, будет «себя вести», не будет ли путаться в ногах или еще чего-нибудь. В

любой момент во время репетиции он может залезть к Наташе под юбку и что-нибудь в подъюбнике поправить, подшить или подрезать. Вот поэтому она и осталась в брюках.

– А-а-а, понятно, – протянула Бажени, – Лариса, – она снова дернула внучку за руку, – а модельер – это кто, портной что ли?

– Да, бабушка, Энцо очень хороший портной, – Лариса поцеловала бабушку Евгению в щеку.

– То-то я смотрю на его физиономию, ну, настоящий еврей, а они все хорошие портные, – Бажени со знанием дела покивала головой и снова пристала к внучке, – Лариса, если он портной, что же он ходит в драных штанах? Вон коленки волосатые в дырках видны.

– Бабушка, это очень дорогие джинсы, – объяснила та, – и разорваны они специально, сейчас так модно.

– Лара, ты мне правду говоришь, не шутишь? – бабушка серьезно уставилась на Ларису.

– Ну, да, разорванные джинсы – это модно.

– Ой-ой-ой, – горестно покачала головой Бажени, – что же я наделала?

– Бабулечка, что случилось? – напрыглась Наташина мама.

– У Мити такие же драные штаны есть, – начала объяснять внучке Евгения Ивановна, – точнее, были, – запнулась она, – я поругала Наташку за то, что ее будущий муж, как нищий, в рванье ходит, и заставила штаны ему зашить. А она только посмеялась и сказала, что это фирменные штаны. Я на нее рассердилась и Мите штаны сама починила, заплаточки аккуратные поставила, коленки заштопала.

Лариса слушала бабушку Евгению и с трудом сдерживала смех.

– Лара, я что, дорогую модную вещь испортила? – с ужасом прошептала Бажени.

– Нет, бабушка, не испортила, – улыбнулась та, – а как Мэтт отреагировал на свои зашитые брюки?

– Он хохотал до слез, – пожала плечами Евгения Ивановна, – а еще сказал, что теперь это его любимые брюки.

– Ну, вот видишь, все хорошо, – успокоила ее внучка.

– Ну, если Мите понравилось, может, и модельеру штаны зашить, – задумчиво пробормотала Бажени, – а то стыдобища какая, – прошептала она, покачав головой, – на коленях разодраны, на попе разодраны, ох, уж эти иностранцы, все у них не как у нормальных людей...

В это время Наташа уже смело ходила, поворачивалась и приседала в прозрачном кринолине.

– Юбку, – скомандовал Энцо. Вторая ассистентка Моник подала ему огромную пышную юбку со шлейфом.

– Ой, я не могу, это что за шедевр? – Наташа с Юлей и Аленкой покатались со смеху, когда увидели тренировочный наряд невесты.

Юбка с длинным шлейфом была сшита из тяжелого слегка блестящего атласа, по ярко зеленому фону которого были разбросаны плывущие квадраты разных размеров и цветов, синие, желтые, красные, розовые, фиолетовые и оранжевые.

– Хватит смеяться, – строго сказал им Энцо, – если жених увидит невесту до свадьбы в свадебном платье, это считается плохой приметой. Любое платье однотонного цвета может считаться свадебным. А у нас оно пестрое, и не платье, а юбка, так что свадебным такой наряд быть ну никак не может, все приметы соблюдены, сага mia.

– Энцо, ты прелесть, – Наташа обняла итальянца.

– Я тоже тебя люблю, красавица, – Энцо потрепал ее по щеке, – а вы перестаньте так себя вести, *allegra ragazza* (хохотушки), – недовольно обратился он к Юле и Аленке, – а то я вам платья подружек из такой ткани сошью. Будете на свадьбе, как две зеленые клумбы.

Девчонки захохотали еще громче.

Лариса все переводила маме и бабушке, те кивали.

– Пройдись, – скомандовал Наташе Энцо.

Она быстро сделала первые два шага и чуть не упала, но стоявшие рядом Мамнина, Лариса и Кэтрин успели ее подхватить.

– Детка, не торопись, – начал объяснять Энцо, – ходить ты должна не быстро, а плавно и грациозно. Сначала ты приподнимаешь ногу, и как-бы толкаешь носком туфли кринолин вперед, когда он отлетает, ты шагаешь, понятно? Еще раз.

– Так, невеста, ее дед, две подруги и трое детей уходят в боковую комнату около входа в собор. Родственники со стороны невесты садятся справа, со стороны жениха слева, – начала репетицию Кэтрин.

– Мы маленькая семья и сядем все вместе с одной стороны, – единогласно пришли к решению все.

– Хорошо, – разрешила Кэтрин, – вы все садитесь, невеста Нэтэли с... – она заглянула в сценарий, – Бобом, подругами Джули и Хелен и детьми за мной к выходу. Будем репетировать, как дед поведет невесту к жениху.

– Ты готов? – повернулась Наташа к Владимиру Ивановичу и в первый раз с удивлением увидела, как суровый генерал растерялся.

Он покраснел, резко вскинул одну руку, провел по густым седым волосам, затем одернул и без того идеально сидящий пиджак, пробурчал что-то нечленораздельное и наконец выдал хриплое «так точно, товарищ командир».

– Быстро, быстро, все встали на свои места, – скомандовала Кэтрин.

Бажени, Мамнина и родители Наташи и Мэтта сели в первом ряду слева. С правой стороны расположились Альберто и все многочисленные помощники Энцо и Кэтрин. Два фотографа и кинооператор замерли в разных углах.

Мэтт, слегка повернувшись боком к залу, застыл около алтаря.

– Музыка, – махнула рукой распорядительница.

Заиграла нежная музыка, – Патрик, ты идешь первым, – тихо проговорила Кэтрин, – у алтаря встанешь со стороны жениха.

– Я все помню, – Патрик протянул руки по швам и с самым серьезным видом, чеканя шаг, направился по центральному проходу собора.

Кэтрин выждала время и тронула за плечо Майки, – Майки, теперь ты с атласной подушечкой для колец... вперед, малыш.

– Я не малыш, я мужик, – по-русски ответил он ей и, глядя на Владимира Ивановича, спросил, – да, дед?

– Да, внучек, – ответил ему Боб.

Высоко подняв голову, Майки тоже шагнул в проход между скамьями.

– Хелен, теперь ты, – подсказала Кэтрин Аленке, Аленка плавно двинулась в такт музыке.

– Джули, ты идешь следующая, в руках у вас с Хелен будут букеты в тон платьям, держать их надо будет обеими руками перед собой – подсказала Кэтрин Юле, та кивнула и вышла в проход.

– Элизабет, теперь выходишь ты и разбрасываешь розовые лепестки, – погладила по головке малышку Кэтрин и вручила ей корзиночку, – когда подойдешь к алтарю, встанешь со стороны невесты, помнишь?

– Я все помню, – Элизабет серьезно кивнула и направилась по проходу, мелко переступая ножками и делая вид, что разбрасывает из корзинки невидимые лепестки.

Кэтрин, Энцо, Наташа и Владимир Иванович с умилением смотрели на детей. Аленка, Юля, Патрик и Майки уже подошли к алтарю и, поднявшись на ступеньки, замерли на своих местах. Следом за ними на ступеньки поднялась и Лиза.

Взрослые, которые сидели в зале, с восторгом наблюдали за процессией, Мамнина, Лариса и Тёфочка промокали глаза.

– Пора, – скомандовала Кэтрин.

Владимир Иванович крикнул, и со словами, – ну, пойдем, моя девочка, – подал Наташе руку.

– Все хорошо, товарищ генерал-лейтенант, не волнуйся, – взяла его под руку внучка, и они вступили в украшенный зал.

Кэтрин и Энцо медленно двигались сзади.

– Как платье? – беспокоился Энцо, – ничего не мешает? Юбка легко отлетает от носок туфель, между ног не путается?

– Мне кажется, немного тяжеловатый низ, – призналась Наташа, – и шлейф волочится, как гиря.

– Не сбиваемся, идем под музыку, раз-два, раз-два, внимательно слушаем мои команды, – тихо говорила в это время Кэтрин.

Владимир Иванович усмехнулся, – разве так командуют?

Наташа, представив торжественный свадебный выход под «Марш славянки», весело прыгнула, Кэтрин строго на нее цыкнула.

Под медленную музыку они плавно дошли до алтаря, где их уже ждал Мэтт.

– Теперь вы должны передать руку внучки жениху, – подсказала Бобу Кэтрин. Мэтт смотрел на Наташу и улыбался.

Владимир Иванович протянул ему Наташину руку и, быстро отвернувшись, смахнул слезы с глаз.

Все захлопали, Мамнина подошла и обняла мужа, – Володенька, не плачь, побереги слезы до свадьбы, это пока всего лишь репетиция.

– Ты самая прекрасная невеста, – Мэтт поцеловал Наташе руку.

– Ничего, что на мне пестрая футболка и клетчатая юбка? – улыбнулась она.

– Я не смотрел на твою одежду, я смотрел на тебя, – он не успел поцеловать ее, как рядом нарисовался Энцо и перехватил Наташу.

– Целоваться будете потом, а сейчас надо пройти еще раз, красавица, – он повел Наташу по проходу, – теперь развернись, еще раз пройдем, что не так?

Наташа походила и призналась, – теперь вроде все нормально, потихоньку начинаю привыкать.

– Ну, вот и славно, оставайся здесь и репетируй движения, – Энцо пошел давать какие-то распоряжения своим помощникам.

Рядом бегала Кэтрин и что-то объясняла одновременно и родственникам, и гостям, и своим помощникам.

Наташа медленно ходила взад и вперед по собору между рядами лакированных скамей. Она настолько увлеклась, что не заметила, как в собор вошел Эдвард.

Он остановился на входе и замер, глядя на нее.

«Как же на балах танцевали в таких платьях», – думала в это время она, делая повороты, один, второй. Она попробовала покружиться, ей удалось грациозно сделать круг, – «а теперь надо научиться откидывать шлейф», – она махнула ногой. Нога запуталась в шлейфе и Наташа, потеряв равновесие, нелепо взмахнула руками.

Эдвард подскочил к ней и успел подхватить.

Не поднимая головы, она засмеялась, – это так забавно, спасибо, что оказался рядом и не дал упасть, – она разложила на полу шлейф.

– Не стоит благодарности, Нат, – тихо произнес он.

Все еще улыбаясь, Наташа подняла глаза и встретила с глазами... Мэтта? Нет, это был не он.

Улыбка медленно сползла с ее лица, она испуганно смотрела на него.

– Привет, – тихо произнес Эдвард и попытался улыбнуться.

Она как-то судорожно кивнула, медленно приподняла юбки и сделала шаг назад, не спуская с него настороженного взгляда.

– Нат, – тихо позвал ее Эдвард и шагнул к ней.

Она сделала еще один шаг назад, потом еще один, потом, наступив на шлейф, снова потеряла равновесие и чуть не упала.

В один прыжок он оказался рядом и снова успел ее схватить. Наташа уперлась руками ему в грудь, побледнела и закрыла глаза.

– Все хорошо, все очень хорошо, – вдруг пропела появившаяся рядом Дженнифер, – Мэ-э-т, помоги нашей НатОщчка, – позвала она старшего сына и любезно заворковала, – Эдвард, мы тебя ждали, как хорошо, что ты смог приехать, пойдем, мне надо с тобой поговорить.

Тефочка втощила Эдварда в какую-то пустую комнату и захлопнула за собой дверь.

– Послушай, мерзавец, – она с силой толкнула его в кресло, – ты понимаешь, что тогда натворил? Тебе было на всех наплевать, на нас с отцом, на детей-полусирот, на чувства брата и на эту девочку. Ты сделал свое поганое дело и смотал удочки. А мы остались один на один со своим горем. Мы плакали здесь, а Нати плакала там. Мэтт и Майки ездили зимой в Москву, она отказалась от предложения Мэтта, он вернулся за ней весной, она снова с ним не поехала, и только летом он смог привезти ее сюда. Он звонил ей каждый день, он каждую неделю посылал ей письма и рисунки детей. Своей любовью и заботой все мы заставили ее забыть о том, что ты сделал. Она только недавно начала улыбаться. На ее месте я бы убила тебя, а она попросила, чтобы на празднике вся семья собралась вместе. Она просила за тебя, негодяя, который так ее унизил! Сейчас в ее глазах я снова увидела ужас. Она отшатнулась от тебя, как от... как...

Не найдя слов сравнения, Тефочка перевела дух, встала перед креслом и уперла левую руку в бок. Стоя напротив сидящего Эдварда, она смотрела ему в глаза, размахивала указательным пальцем правой руки перед самым его носом и шипела, – ты мой сын, но знай, что если ты еще что-нибудь натворишь, если ты обидишь Нати и Мэтта, я придушу тебя своими руками! Заруби это себе на носу!

Эдвард осторожно взял мать за запястье, аккуратно отвел от своего лица и взглянул ей в глаза, – мама, я никогда не обижу Нат, потому что я люблю ее. Я не хотел, чтобы она досталась Мэтту, ляпнул при всех про то, что спал с ней, потому что не мог придумать ничего другого. Потом казнил себя за свои слова. Я тоже звонил ей каждый день. Я знал, что она не будет со мной разговаривать и назывался именем брата. Я никому не хотел причинить зла, тем более ей, просто я никому не хотел ее отдавать. И сейчас не хочу...

Он помолчал.

– Если бы я мог, я бы женился на ней, и клянусь, отдал бы жизнь за одну ее улыбку ... Я рад за них обоих и желаю им счастья. Не бойся, я ничего не натворю. Но что же мне делать с моей любовью, мама? Ой, как мне больно, как мне больно...

С этими словами он издал глухой рык и ткнулся в руки матери. Онемевшая Тэфочка стояла рядом и гладила сына по голове, как маленького ребенка. По ее щекам катились слезы.

– Мой мальчик, мой милый мальчик, – шептала она, – все пройдет, потерпи немножко. Ты еще встретишь свою любовь и будешь счастлив. Не мешай Мэтту и Нати, они любят друг друга, они счастливы... молчи о своей любви, не говори никому ничего, сыночек мой... любимый мой сыночек...

Эдвард послушно кивал опущенной головой.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, суббота 24 сентября 1988 года, вечер

– Натушка, а зачем нужен этот торжественный вечер? – бабушка Евгения оглядела в зеркале свое новое платье.

– Затем, что не все из приглашенных смогут приехать на свадьбу, – Наташа улыбнулась, – на свадьбе не будет Хэнка и друзей Пола и Дженни – Ноланов.

В комнату, постучавшись, вошла Дженни.

– Бажени, как ваши дела? – спросила она бабушку.

Та улыбнулась и кивнула.

– Ты не передумала? Ты точно хочешь надеть именно это платье, милая? – Дженнифер погладила Наташу по руке.

– Да, я так решила, я надену красное платье... – задумчиво произнесла та, – я надену красное платье со шлейфом, которое подарил мне Эдвард.

Наступила Юлина очередь произносить тост, она встала, держа в руках бокал с шампанским и, волнуясь, начала.

– Натыч, – произнесла она по-русски, – с того дня, как ты уехала, для нас, твоих друзей, особенно для меня, наш двор словно опустел. Нет, он продолжает жить своей жизнью, по нему так же катаются на велосипедах мальчишки, девочки прыгают через скакалки и играют в классики, малышня в песочнице лепит куличи, а на скамейке по вечерам обязательно сидит какая-нибудь влюбленная парочка. Только тебя в нашем дворе больше нет, – голос у Юли дрогнул, но она тут же взяла себя в руки, – я говорю это не для того, чтобы все тут начали плакать, – посмотрела она на всхлипывающих Бажени и Мамнину, – я говорю это потому, что ты замечательный человек и настоящий друг.

Наташа поднялась со своего места и улыбнулась подруге. Мэтт тоже встал.

– Тебе досталась хорошая девочка, береги ее, – обратилась к нему Юля.

Выслушав перевод Геннадия, Мэтт кивнул, обнял Наташу и крепко прижал ее к себе.

– Мы с друзьями очень рады за вас с Мэттом, – продолжила Юля, – он, однозначно, самый лучший. Ради другого человека мы бы тебя не отпустили так далеко, да еще и насовсем. Береги его, Натыч.

Наташа кивнула и прижалась к Мэтту.

– То, что мы, твои друзья, будем всегда тебя помнить и скучать по тебе, это точно, – Юлька вздохнула, – ну, а чтобы ты не забывала нас, мы решили сделать для вас вот такой подарок. Натыч, для тебя это будет воспоминанием, а для Мэтта русской экзотикой. Помогите мне, пожалуйста, – повернулась она к официантам.

Двое парней с трудом выволокли на середину комнаты перевязанную блестящим красным бантом огромную тяжелую коробку в праздничной упаковке.

Юля присела перед ней, развязала бант и откинула крышку, – вынимайте, – скомандовала она парням.

Те кивнули и подняли из коробки матрешку метровой высоты.

Гости ахнули.

– Наташка, это самая главная матрешка – твой родной город Москва, – начала объяснять Юля, – смотри, вот Кремль, вот Большой театр, Успенский собор, Храм Василия Блаженного, ВДНХ, кинотеатр Россия, твои любимые Сокольники, – парни крутили куклу, а Юля показывала на ее бока, – вот твоя школа, институт, а впереди твой дом и двор.

Все гости встали со своих мест и окружили Юлю и матрешку. Мэтт с Наташей тоже подошли ближе.

Лицо матрешки было классическое, огромные голубые глаза с густыми ресницами, брови вразлет, румяные щеки, пухлые красные губки, а вот ее бока были задекорированы изображениями главных достопримечательностей Москвы. На фартуке матрешки, традиционном месте для изображения основного смыслового элемента росписи, Наташа увидела свой родной дом и двор, прорисованный до мельчайших подробностей. На глаза навернулись слезы, а Юлька тем временем с помощью официантов уже раскрыла первую куклу, из нее сразу же вытащили вторую.

– Нат, эту матрешку мы сделали с разрешения твоей прабабушки, – посмотрела Юля на Бажени, та кивнула.

Вторая кукла была с лицом Наташиного прадеда Александра Акимовича, мужа Евгении Ивановны.

– Это твой прадед, – тихо сказала Юлька, и Наташа заплакала. Мэтт обнял ее и прижал к себе. Гости вытирали глаза.

– Нат, ну, не плачь, пожалуйста, я не хотела тебя расстраивать, – Юлька погладила подругу по плечу, – этот подарок мы обсудили с твоей прабабушкой и решили, что твой прадед, который очень тебя любил и продолжает любить, глядя на тебя сверху, должен возглавить эту галерею. Евгения Ивановна рассказала нам, что когда ты была маленькая, прадед рассказывал тебе про гражданскую войну, революцию, Великую Отечественную войну, вы с ним пели песни про тачанку, красных кавалеристов, комсомольцев-добровольцев, синий платочек и трех танкистов. Когда строили дачу, ты всегда вертелась рядом с прадедом и подавала ему молоток и гвозди. А еще ты, когда была маленькая, мечтала о настоящем коне, и прадед сколотил тебе коня из досок, ты скакала на нем, играя в Чапаева. Это все мы изобразили на матрешке.

Бока прадеда украшали сцены строительства дачи, а также красноармейцы верхом на боевых конях с пашками и красным знаменем. На фартуке матрешки улыбающийся Александр Акимович держал под уздцы деревянного коня, на котором восседала довольная пятилетняя правнучка.

– Это рыцари? – Патрик заинтересованно ткнул пальцем в конных кавалеристов.

– Да, это рыцари, – ответила ему Наташа.

– А это у них такие шлемы? – мальчик зачарованно рассматривал высокие буденовки со звездами и отворотами.

– Да, милый, это их шлемы.

– Твой прадед тоже был рыцарем? – восхищенно спросил Наташу Патрик.

– Можно сказать и так, – улыбнулась она, – он был очень храбрым рыцарем, прошел революцию и две войны.

– А ты покажешь мне его фотографии? – не отставал тот.

– Обязательно, – пообещала она, – а потом мы с тобой вместе нарисуем моего прадеда.

Патрик кивнул и с интересом продолжил разглядывать военные баталии на боках матрешки.

Юля ждала, пока Наташа ответит на все вопросы мальчика, – а это твоя прабабушка Евгения Ивановна, – открыла она третью куклу, Наташа всхлипнула.

Мэтт погладил ее по волосам, – Джули, – обратился он к подруге жены, – ты еще долго собираешься расстраивать мою любимую девочку?

– Ничего, все нормально, – Наташа вытерла слезы и уставилась на подарок.

Та была расписана в стиле палеха. На боках матрешки Иван-царевич скакал на сером волке и ловил Жар-птицу, Василиса Прекрасная вышивала ковер, Тридцать три богатыря выходили из моря, а храбрый витязь Руслан побеждал злого волшебника Черномора и расколдовал свою Людмилу. На фартуке матрешки маленькая Наташа сидела рядом с Бажени около большого таза и помогала бабушке перебирать ягоды для варенья.

– Натыч, это твоя прабабушка, Евгения Ивановна, – тихо повторила Юлька, – бабушка – это детство, сказки и вкуснятины, которые умеют делать только бабушки, – она показала на бока куклы, где вперемижку со сказками были изображены пироги, блины и банки с вареньем.

Малыши присели перед матрешкой, – о, тридцать три богатыря, я помню эту сказку, – Патрик показал на богатырей, Майки с Лизой поддакнули.

– А это кто? – Лиза показала на Василису Прекрасную.

– А это? – Патрик ткнул в Черномора и Руслана с мечом.

– Нати, ты не рассказывала нам эти сказки, – Майки с укором посмотрел на нее.

– Обязательно расскажу, – пообещала та.

Следующей матрешкой оказался Владимир Иванович в фуражке, парадном кителе с генеральскими погонами и штанах с широкими красными лампасами. На боках матрешки-деда красовались сцены охоты, рыбалки и многочисленные изображения разного холодного и горячего оружия. Фартук украшала перерисованная фотография, на которой Владимир Иванович и пятнадцатилетняя Наташа с охотничьими ружьями стояли около горы поверженной пернатой дичи.

– Ты сама их застрелила? – сразу же поинтересовался у Наташи любитель оружия Патрик.

– Нет, – честно ответила она, – эту гору уток настреляла большая компания охотников – друзей Боба, а я просто позирую с ружьем.

За Владимиром Ивановичем следовала матрешка Нина Александровна с изображениями вязальных спиц, швейной машинки, цветущих роз, пионов, гладиолусов, хризантем, любимых ромашек и других цветов, урожая огромных тыкв, огурцов, помидоров, румяных яблок, груш и слив, а также лопат, граблей, тяпок и леек. На ее фартуке была изображена дача с цветущим палисадником, а Нина Александровна и Наташа срезали для букетов пушистые розовые пионы.

На боках матрешек родителей были изображены достопримечательности Нью-Йорка и других городов, где им уже довелось поработать и побывать. На центральном изображении матрешки-папы отчим учил Наташу водить свой новенький автомобиль, а матрешка-мама демонстрировала всем маму и дочку в нарядных платьях на прошлогоднем праздничном банкете в отеле Пенсильвания.

Семь пустых матрешек уже выстроились в ряд.

– Восьмая матрешка – это лучшая Наташкина подруга, – объяснила Юля, прикрывая кукле лицо, – она умница, красавица, отличница, комсомолка, спортсменка и, самое главное, очень любит Наташку, – она театрально скромно потупилась и убрала руки, – короче, восьмая матрешка – это я.

Полукруглые выпуклости куклы были украшены многочисленными копиями с фотографий Наташи и Юли, начиная с их восьмилетнего возраста. Вот они, с белыми бантами и букетами на линейке первого сентября. Вот они, две принцессы на новогоднем утреннике. Вот их, двух отличниц, награждают почетными грамотами на пионерской линейке. Вот они вступили

в комсомол. Вот в вареных джинсах на дискотеке. На фартуке была фотография, про которую Наташа совсем забыла. Это был первый раз, когда они с Юлькой попробовали накраситься на дискотеку. Жирные черные стрелки заползали на виски, ярко фиолетовые и розовые перламутровые губы были сложены в вызывающие пухлые сердечки, а свекольные щеки по яркости цвета не уступали губам. Волосы на головах у девчонок были начесаны и залакированы.

Наташа засмеялась, они с Юлькой обнялись.

Следующими матрешками были Андрей, Оксанка, Макс, Ленка, Димыч и многие другие: Юлькины родители, бабушка и брат, родители Оксанки и Ленки, друзья, знакомые, одноклассники, одноклассники, соседи по двору.

Всего набралось сорок кукол, самая маленькая была размером в пятнадцать сантиметров. Майки, Элизабет и Патрик сразу же принялись их собирать и разбирать, Лиза даже попыталась залезть в самую главную матрешку – Москву. Все присутствующие ходили по комнате и разглядывали профессионально разрисованные фигуры, потрясенно качая головами.

– Я поставлю их в своей... нашей комнате, – Наташа посмотрела на Мэтта, – ты не против?

– Ну, что ты, любимая, конечно, нет, – тот поцеловал ее в лоб, – мы объединим нашу спальню с соседней гостевой комнатой, чтобы для кукол было много места, только с одним условием...

Она кивнула.

– Ты не будешь плакать, глядя на них.

– Не буду, – она кивнула еще раз.

Дженнифер начала деловито оглядывать комнату, – нет, я не согласна прятать такую красоту, мы расставим матрешек здесь, здесь и здесь, – ткнула она пальчиком в углы и повернулась к Полу, – дорогой, нам нужна новая мебель в гостиную.

– А можно мне забрать Москву и Ларису в свою комнату? – вдруг попросила Элизабет, – а то Москву я никогда не видела, а Лариса мне нравится, потому что она рассказывает интересные сказки и заплетает красивые косички.

– А я возьму себе Бажени, Боба, Мамнину и Макса, – сразу же отреагировал Майки, – Бажени печет вкусные блинчики, Мамнина вяжет красивые свитера, Боб – мой прадед, он сделал мне классный щит и научил метать ножи, а Макс катал меня на коньках. А еще я хочу взять Джулию и ее мужа Эндрю, они тоже катали меня на коньках.

– Нет, так нечестно, что все тебе, – возмутился Патрик, – тетю Джулию возьму я, а еще я возьму Натиного прадеда и ее папу, – и он начал по-быстрому засовывать фигуры друг в друга, – Натин прадед был рыцарем, Натин папа добрый, а тетя Джулия прикольная, – Патрик задумался, – ладно, вместе с тетей Джулией я возьму ее мужа Эндрю, чтобы ей не было скучно.

Тефочка соорудила обиженную гримаску, – я тоже хочу быть матрешкой, – сокрушенно пробормотала она и посмотрела на Юлю.

– И я, и я, и я, – раздались голоса Пола и детей.

– Пожалуй, я тоже хочу, – подумав, присоединился к семье Мэтт.

– Намек понят, – улыбнулась та, – для вас мы тоже что-нибудь придумаем.

– Юль, – обратилась к подруге Наташа, когда все снова расселись за столом, – вы с ребятами с ума сошли, это же дорожный подарок. Матрешки гигантских размеров, сделаны профессиональным художником, лица на портретах, как настоящие, сотни перерисованных фотографий, купола соборов с настоящей позолотой, обалдеть, как красиво. В какой мастерской вы это заказали? Денег много заплатили?

– Нат, честное слово, не знаю. Ленкин Димыч договаривался со своими знакомыми ребятами, у них какой-то художественный кооператив народных промыслов, они расписывают шкапулки, подносы, матрешек всяких и поставляют их в сувенирные магазины, лавки, гостиницы для иностранцев и Шереметьево. Говорят, интуристы гребут лопатой. И не переживай, они

взяли с нас совсем немного денег. По сравнению с теми деньгами, которые ты мне дала, сущие пустяки.

Наташа покачала головой, – ну почему вы не прилетели все? Подумаешь, шесть человек, ерунда какая...

– Ладно, Натыч, проехали, – похлопала ее подруга по руке и прошептала, – тихо, Эдвард собирается что-то сказать.

Эдвард поднялся со своего места, взял в руку бокал шампанского и посмотрел на Мэтта и Наташу.

– Я поклялся никому об этом не рассказывать, но нарушу эту клятву.

Тефочка напряглась и до боли сжала пальцы.

– Я хочу рассказать одну историю про нас с братом и эту девочку, – Эдвард сделал паузу. – Год назад мы с Мэттом решили сплавиться по реке на лодках. Я не знаю, как Нат почувствовала, что с нами может что-нибудь случиться, но она поплыла с нами. Замученная нашими любимыми монстрами, она уснула в лодке. А мы, два дурака, не только заблудились в притоках реки, но и умудрились свернуть именно в тот, который заканчивался водопадом.

Гости ахнули.

– Это еще не все, – Эдвард помолчал, – мы с братом еще и заснули.

Новый «ах» гостей оказался громче.

Эдвард покачал головой, – по чистой случайности Нат проснулась, когда до водопада оставалось всего пятьсот метров. Она обвязалась веревкой, прыгнула в ледяную воду и поплыла вслед за лодкой Мэтта, а меня заставила причалить к берегу и привязать веревку к сосне. Как мы все видим, она успела доплыть и спасти моего брата. Вот он сидит перед нами, живой и здоровый. Его лодке не повезло, она разбилась, сорвавшись в глубокий обрыв.

Гости снова ахнули.

– Нат сначала помогла выбраться из бурной речки Мэтту, потом выбралась сама. Кажется, все позади.

Кое-где за столом раздались хлопки.

– Подождите хлопать, – вскинул руку Эдвард, – самое страшное только начинается. Мы оказались ночью в диком лесу под проливным дождем, недалеко от нас были дикие звери, скорее всего, волки.

За столом снова раздались ахи, Тефочка побледнела, Пол со злостью пробормотал «вот же два поганца».

– Видит бог, я не боялся так в жизни никогда, – продолжал Эдвард, – не потому, что я испугался темноты или диких зверей. Я просто не знал, что делать. Представьте себя на другой планете. Так вот для меня этот лес и был другой планетой. И для Мэтта тоже. Не растерялась только Нат. Она нашла подходящую поляну для ночевки, как фокусник, достала из рюкзака топор и нож, заставила нас натаскать дров. Под дождем она разожгла огонь и вскипятила воду. Вы не поверите, но я в жизни ничего вкуснее не ел, чем суп из пластикового стаканчика той ночью. А на десерт у Нат оказался еще и сладкий кофе с печеньем.

В зале раздались громкие аплодисменты.

Когда они стихли, Эдвард продолжил, – эта малышка предусмотрительно взяла с собой сигнальные ракеты и заранее договорилась, чтобы наше прибытие на ранчо контролировали. Эй, Хэнк, ты это помнишь? – Эдвард помахал рукой гостю.

– Конечно, – улыбнулся в ответ Хэнк.

– Наши сигналы засекли, но к тому времени, как была организована поисковая операция, Нат уже вывела нас из леса. В общей сложности мы провели на реке больше суток, и все это

время она кормила, поила и лечила нас. А мы, два взрослых мужика, тупо таскались за этим ребенком и послушно выполняли все его команды.

Эдвард снова сделал паузу.

– Может, не стоило это рассказывать, я вижу, как мой отец уже снимает ремень, – пошутил он, за столом раздался смех. – Я просто хотел сказать, мы с братом обязаны Нат своими жизнями и счастьем нашей семьи. Я благодарен этой малышке и, видит бог, я ее очень люблю. Братик, ты в надежных руках, я рад за тебя. Поздравляю вас обоих!

Гости разразились громкими аплодисментами.

Эдвард подошел к Мэтту и Наташе, посмотрел на брата, – прости меня, если сможешь, я люблю тебя, будь счастлив, – братья обнялись.

Эдвард повернулся к Наташе, притянул к себе, обнял, крепко прижал, вдохнул ее мятный запах, – прости меня, если сможешь, Нат, – и, взглянув ей в глаза, произнес, – я очень тебя люблю.

Наташа посмотрела ему в глаза, грустно кивнула и тихо ответила, – и я тебя.

Гости заметно оживились. Все обсуждали рассказанную Эдвардом историю. Миссис Торн, как всегда, требовала подробностей. К Мэтту и Наташе пробрался Хэнк. Все трое обнялись.

– Мои поздравления, Мэтт, береги эту девочку. Привет, малышка, рад снова видеть тебя. Извините, что не смогу приехать на вашу свадьбу. Нэт, познакомь меня, пожалуйста, со своим дедом.

Наташа подвела Хэнка к Владимиру Ивановичу, мужчины обменялись крепким рукопожатием, и Хэнк сказал, – вы воспитали смелую девочку и по праву можете гордиться своей внучкой.

Гости разъехались.

Наташа и Юля зашли в Наташину комнату. Наташа закрыла дверь и привалилась к ней.

– Ну что за ерунду я придумала? – простонала она, – какая свадьба?

Юля молча смотрела на подругу.

– Я очень уважаю Мэтта, он хороший, он самый лучший, но я не люблю его, – заплакала та и опустилась на пол.

– Не надо плакать около двери, вдруг кто-нибудь услышит, – с испугом прошептала Юля и с силой подняла подругу на ноги.

Наташа прошла вглубь комнаты, рухнула на кровать и заплакала еще горше, подруга присела рядом с ней.

– Как мы будем жить? Юль, я не представляю, – Наташа приподнялась над подушкой и с ужасом посмотрела на подругу, – я его не люблю.

Та растерянно улыбнулась и погладила Наташу по щеке, – Нат, не плачь. Мэтт прекрасный человек, интересный мужчина, в конце концов, он же не противен тебе настолько, чтобы с отвращением лечь с ним в постель.

– Да, – прошептала Наташа, – все так, все было бы так, если бы не было Эдварда... ой, Юль, что я делаю? Я не люблю Мэтта, я люблю его брата, – с глухими рыданиями она снова уткнулась в подушку.

– Нат, – Юля забралась на кровать с ногами и под села ближе к Наташе, – я тебя очень хорошо понимаю, но давай попробуем разобраться в ситуации. – Она положила руку подруге

на голову, – Наташка, ты очень хороший человек, Мэтт тоже очень хороший, у вас уже трое замечательных детей, вы просто обязаны быть счастливы.

Наташа упрямо покачала головой и что-то пробубнила сквозь слезы.

– Натыч, до свадьбы осталось пять дней. Что ты хочешь сейчас сделать? Объявить всем о том, что свадьба не состоится? – ласково уговаривала ее подруга, – как ты согласишься в глаза родителям Мэтта? Посмотри, какой грандиозный праздник они устроили для тебя? Наташ, это же обалдеть, известный модельер шьет тебе платье, на свадьбу приглашены пятьсот гостей, фотографии напечатают в глянцево-м журнале.

Юлька перевела дух.

– А что ты скажешь своим родителям? А что ты скажешь бабулям и деду? Пять маленьких человек организовали перевоз из одной страны в другую несколько тонн груза. Как ты думаешь, чего это стоило твоему деду и отцу, а? Это же был спецрейс, который не должны были проверять таможенники.

Наташа всхлипнула и натянула на голову покрывало.

Юлька глубоко вздохнула.

– Твой папа с мамой организовали встречу груза здесь, – продолжила она, – они договорились с русским рестораном, в котором приготовят закуски и банкетные блюда из лебедей, осетров, фазанов и перепелов. Как ты сейчас им скажешь, что свадьбы не будет? – Юля нырнула под покрывало и легла рядом с Наташей. – Женщины этого не перенесут, особенно старенькая Бажени, ты же понимаешь, – прошептала она.

Наташа кивнула, слезы снова полились из глаз.

– Ой, какой ужас, у тебя опухло лицо, и потекла тушь, иди, умойся, – Юлька погладила подругу по плечу.

Та откинула покрывало, встала и прошла в ванную. Она вернулась без косметики на лице, платье сменила на прошлогодний подарок Барби – огромный махровый ярко розовый халат.

– Вот, так уже намного лучше, – улыбнулась Юля, заметив, что подруга перестала плакать.

Наташа села рядом с Юлькой на кровать, подружки обнялись.

– А малыши? – тихо продолжила Юля, – ты же не бросишь их?

– Не брошу, – прошептала Наташа.

– А Мэтт? – продолжала уговаривать ее подруга, – он любит тебя, он несколько раз приезжал за тобой. Наташ, он тебя завоевывал! Ты ему отказывала, а он тебя добивался! Ты понимаешь, что это такое? – Юля посмотрела Наташе в глаза, – это самый потрясающий мужик, какой только может быть.

Глаза Наташи снова наполнились слезами, и она заплакала.

– Вот именно, он потрясающий, а я его не люблю, – с придыханием шептала она, захлебываясь в плаче.

– Натыч, он хороший, только тебе надо постоянно об этом помнить, и постоянно говорить себе о том, что ты его любишь, – Юля была непреклонна, – тем более, что так оно и есть. Мэтт любит тебя, ты любишь его, все ваши родственники прекрасно относятся к вам и друг к другу. О чем еще можно мечтать?

– О любви, – тихо прошептала Наташа.

– Знаешь, что? – возмутилась Юля, – будешь не мечтать, а говорить о любви! Но только с Мэттом. Потому, что больше никакой другой любви быть не может! – твердо заявила она. – Где он? Где Эдвард? Сколько лет он уже разводится со своей женой? А почему так долго? Потому, что и свободу хочет получить, и деньги не хочет потерять. А так не бывает. Одной попой на двух стульях усидеть нельзя. Надо обязательно чем-то пожертвовать. А он эгоист и сволочь, этакий богатенький мальчик! И свободу ему подай, и деньги. Живет только для себя. Он свою жену любил? Нет, просто на вечеринке познакомился, просто потра...ался, просто

родился Патрик. А сына своего он любил? Он до пяти лет с ним общих слов для разговора не мог найти. Спасибо, ты появилась. А сейчас он его любит? Мальчишка без отца уже год живет. А где этот ловелас? Что ты так на меня уставилась? Тебе правду сказать? Твой Эд в Бразилии каждую ночь спит с молодыми бабами, причем разными. Или ты думаешь, что он до сих хранит тебе верность? Наташ, а он думал о тебе, восемнадцатилетней девочке, когда ташил в постель? А если бы ты забеременела? А если бы сделала аборт? А если бы у тебя возникли какие-нибудь проблемы со здоровьем? Он хоть раз позвонил? Он вообще хоть раз поинтересовался, где ты и что с тобой? Мэтт звонил тебе каждый день, а когда понял, что к телефону ты не подойдешь, взял и приехал за тобой. Мэтт – вот это настоящий мужик! Выходи за него замуж и будь счастлива с этим мужиком! А Эдвард сволочь! Забуди его!

Наташа повернулась к подруге, – ты поешь о счастье, как сладкоголосая птица Феникс, – сквозь слезы улыбнулась она и погладила Юльку по щеке.

– Научишься с тобой петь, – пробурчала та, – короче, кончай плакать, свадьбе быть. Я сказала! – Юлька подняла указательный палец вверх.

– Спасибо тебе за поддержку, – улыбнулась Наташа, – иди, отдыхай, весь день со мной на ногах. Устала? – она погладила подружку по слегка выпуклому животу.

– Нет, совсем не устала, только есть хочу, пойду к Барби кланчить бутерброды.

– Хочешь, принесу тебе в комнату? – спохватилась Наташа.

– Нет, ты мне такие не сделаешь, я хочу белый поджаренный хлеб с чесночным маслом и селедкой, а еще хочу ваш домашний салат из баклажанов и круассаны с клубничным вареньем, и все запить сладким ванильным молоком, а еще мне понравились тарталетки с куриной печенью и сливочным соусом, только надо порезать в них немножко лучку и добавить острого кетчупа, а в постель я возьму безалкогольное пиво и торт со сливками ... – с блаженной улыбкой Юля закатила глаза и облизнулась.

– Какой ужас, – Наташа прикрыла рот рукой, – иди одна, я даже смотреть не смогу, как ты будешь это есть.

– Подожди, вот забеременеешь, я на тебя полюбуюсь, – Юлька встала с кровати и потянулась, – пойдем, пузожитель мой, червячка заморим, – она погладила живот и уставилась на подругу, – больше не будешь плакать?

– Не буду, – пообещала та.

– Ну, тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – подружки поцеловали друг друга в щечки.

Юля вышла из комнаты.

Наташа выключила свет и подошла к окну.

Была теплая звездная ночь. Ветер тихонько шелестел листьями в кронах высоких лип. В саду пахло поздними розами.

– *She's like the wind through my tree*, – вспомнила она их с Эдвардом танец посреди ночной нью-йоркской улицы под песню Патрика Суэйзи и прошептала, – ты тоже забрал мое сердце, но так и не понял, что наделал... Конечно, я подумаю обо всех, о родителях, о детях, о Мэтте, – шептала она, прижавшись лбом к стеклу, – а что же мне делать с моей любовью? Как мне больно, ой, ну как же мне больно.

Она снова заплакала, вышла из комнаты и быстрыми шагами направилась в сторону пляжа.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, воскресенье 25 сентября 1988 года

Эдвард стоял посреди гостиной и вспоминал прошлогодний прикол с тортом. Здесь она стояла рядом с ним, вот здесь на столе стоял торт. Он вспоминал ее задорную улыбку и счастливый радостный смех.

«Нат», – грустно подумал он, – «где ты»?

Мимо сновали нанятые официанты, убирая со стола грязную посуду и сворачивая испачканные скатерти.

«Ну, вот теперь можно и напиться», – Эдвард стянул со стола полную бутылку виски и медленно направился в сторону пляжа. Он шел по знакомым дорожкам сада, вспоминая прошлое лето. Вот по этой дорожке она убегала от него, здесь они с детьми играли в рыцарей и чудовище, на этих качелях он сидел с ней рядом.

Эдвард спустился по ступеням каменной лестницы на пляж, прошел вдоль залива, и, как был в дорогом костюме, опустил прямо на песок.

Он долго так сидел, отрешенно глядя в темноту, перед ним стояла нераскрытая бутылка.

«По-моему, кто-то плачет», – вяло подумал он, – «или мне просто кажется». Он потянулся к бутылке с виски, открутил крышку, поднес ко рту и вздрогнул от неожиданности. Мимо него пробежала Наташа. Она плакала и произносила... ЕГО имя? Эдвард помотал головой, – «может, показалось». Она быстро шла в сторону грибков. «Что случилось, где Мэтт?», – забеспокоился Эдвард. Он поднялся на ноги и пошел следом за ней.

Она сидела на краю шезлонга и, закрыв лицо руками, плакала навзрыд. Эдвард в нерешительности остановился рядом с ней.

– Что же ты наделал, ну, что же ты наделал? – услышал он ее всхлипывания, – Эдвард, ну где же ты?

Он тихонько кашлянул, – я здесь, малышка.

Она громко вскрикнула и, отшатнувшись, чуть не упала с шезлонга.

Он подскочил и подхватил ее.

– Кто это? – в темноте она еще не разглядела его.

– Нат, не бойся, это я, Эд, – он осторожно прикоснулся к ее руке.

– Как ты оказался здесь? – ее голос дрожал от слез.

Он выбросил левую руку вперед, правую назад и пригнул голову, изображая супермена, – пролетал мимо и слышал, как меня кто-то зовет.

Его жест получился настолько комичным, что она не удержалась и усмехнулась, одновременно при этом всхлипнув. Звук оказался похож на хрюканье поросенка. Теперь уже засмеялся он.

– А ты что тут делаешь? – Эдвард присел на песок около ее ног.

– Дышу морским воздухом, – уже спокойно ответила Наташа, взяв себя в руки.

– А-а-а, понятно, а почему плакала?

– Тебе показалось.

– А почему ты звала меня?

– И это показалось.

Эдвард осторожно дотронулся до нее, – Нат, что случилось?

Он сидел и смотрел на нее снизу вверх. Она забралась в шезлонг с ногами, и сейчас сидела, обняв колени, и смотрела вперед перед собой. Голова была гордо поднята.

– У вас с Мэттом что-нибудь произошло? – он снова попытался заговорить с ней.

– У нас с Мэттом все хорошо, – в ее голосе зазвучал металл.

– Да, знаю, я рад за вас.

Оба снова замолчали.

– Я могу тебе помочь? – спросил он.

– Да, – коротко и жестко ответила она.

– Что я должен сделать?

– Рассказать.

– Рассказать что?

– Рассказать, почему ты поступил так год назад, – она повернула к нему голову и посмотрела в глаза.

Повисла пауза.

– Ну, что молчишь? Начинай.

– Я не знаю, с чего начать.

– А ты начни с главного. Начни с той минуты, когда мы втроем вернулись из бара и разошлись по спальням. Ты уже знал, что Мэтт собирается делать мне предложение. Даже я еще это не понимала, а ты знал, и все равно пошел ко мне.

Эдвард упер локти в колени и обхватил руками голову.

– Ну, что молчишь? Начинай.

Теперь Наташа смотрела на него, а он на воду.

Эдвард помолчал и медленно начал, – до матери Патрика у меня были другие женщины, попадались даже очень хорошие. Но так получилось, что свою судьбу я связал именно с ней. Я не помню, на какой вечеринке мы с ней познакомились. Она привлекла меня своей яркой внешностью. Она легко могла найти себе мужика круче и богаче, но выбрала почему-то меня. У нас завязался бурный роман, она забеременела, мы поженились, потом родился сын. Мы не очень хорошо с ней жили, но я терпел, считая такие отношения нормальными. Уже потом, когда она стала вести себя совсем неподобающим образом, мы разбежались. Я так и не понял, что значит семья и семейная жизнь. Самое страшное, что тогда я совсем не понимал, что значит для меня Патрик. А потом появилась ты. Сначала я увидел, как ты играешь с детьми, и понял как ты добра. Потом ты спасла нас с братом на реке, и я понял, как ты отважна. Потом в офисе я увидел, что ты умна, – он снова помолчал, – а еще очень-очень красива. И меня захлестнула волна черной зависти. Я завидовал брату, потому что у него появилась такая женщина. Я вдруг осознал, какая пустота существует в моей жизни. Меня никто не ждет с работы, обо мне никто не заботится, я совсем никому не нужен. И мне до боли захотелось семьи, любви, заботы и душевного тепла.

Он глубоко вздохнул.

– То, что я сделал, я сделал не со зла, не из-за желания нагадить брату или унижить тебя. Я просто потерял ощущение реальности. Все то время, что мы с тобой и детьми провели вместе, мне казалось, что мы семья, именно такая, какую я и представлял в своих мечтах. В этой придуманной семье я был главой, дети детьми, а ты моей женой. И у нас все было сказочно хорошо. Я сказал при всех о том, что спал с тобой, потому что не хотел тебя никому отдавать, даже брату. Мне стало невыносимо больно от того, что ты вдруг исчезнешь из моей жизни. Приземленное желание собственности. Нат, я знаю, что мне нет прощения, но я хочу, чтобы ты знала, что я никого не хотел обидеть и никому не хотел причинить боли, особенно тебе.

Они сидели рядом и молчали. Волны тихо шелестели, луна освещала пляж.

«Приземленное желание собственности, как все просто», – думала Наташа, – «зачем она ему нужна, моя любовь».

«Я сказал ей правду, только умолчал о своей любви», – думал Эдвард, – «я обещал ничего не говорить, да и зачем ей нужна моя любовь, она любит моего брата».

Он кашлянул, – ты не замерзла?

Наташа покачала головой, – нет, на мне безразмерный халат серой мыши.

Эдвард развернулся к ней, – это он?

– Ага, это тот самый волшебный наряд, в котором я была, когда мы столкнулись около бассейна. Тридцатилетняя серая мышь с синими губами.

Оба тихо засмеялись.

– Сегодня ты была в моем платье, в смысле, которое я тебе подарил. Мне было приятно, что ты его надела... – произнес он.

– Да, это оно, оно мне и самой очень понравилось тогда в салоне... спасибо, что подарил... а теперь послушай меня, я тоже расскажу тебе правду, – после паузы произнесла она. – Тогда мне было очень горько и больно, я плакала каждый день. Сознание того, что мной попользовались, а потом еще и растоптали в грязи, убивало меня. Я никому не хотела бы пожелать такого. Страшно было не то, что ты сделал это, а то, как ты об этом сказал...

Она замолчала.

Эдвард шепотом выдохнул, – Нати, милая... – опустив голову, он прикоснулся губами к ее ногам. – В тот момент я был ослеплен яростью от того, что меня лишают чего-то очень дорогого, пусть мне и не принадлежащего. И всеми правдами и неправдами я не хотел это отдавать. Когда до меня дошло, что я сделал, было уже поздно. Я хотел тебе все объяснить, я звонил тебе каждый день, сначала в квартиру твоих родителей здесь, в Нью-Йорке, потом, когда ты улетела, я каждый день звонил тебе в Москву. Я понимал, что ты ненавидишь меня и не станешь со мной разговаривать, поэтому представлялся именем брата. Но ты все равно не подходила к телефону. Потом в декабре я узнал, что брат полетел делать тебе предложение, и перестал звонить.

– Ты мне звонил? – Наташа развернулась и уставилась на него, – ты мне звонил каждый день?

Он кивнул.

– Я очень боялся, что после нашей ночи что-нибудь может произойти, ну в смысле, что ты забеременеешь или еще что-нибудь, я считал, что я несу ответственность за тебя, неважно, будут последствия... или нет...

– Я действительно ненавидела тебя и одновременно так ждала твоего звонка, – она прижала руки к груди, – мне так нужно было услышать о твоих чувствах ко мне, как жаль, что ты так поздно все это сказал...

Эдвард посмотрел на нее, – ты считаешь, что люди должны обязательно говорить о своих чувствах?

– Не знаю, – Наташа покачала головой. – У меня в Москве есть один знакомый. Я знала, что нравлюсь ему. Но я всегда думала, что это просто дружба. А потом выяснилось, что он в меня влюблен. Его признание не просто смутило, оно меня страшно разозлило. Ладно бы мы встречались или он оказывал мне какие-то особенные знаки внимания..., кроме редких встреч после института, ничего не было. И вдруг бац! Я в тебя влюблен. А зачем, спрашивается, она мне нужна, твоя любовь? Я-то здесь при чем?

Она помолчала.

– Мне кажется, что в признании человека в любви или нелюбви скрыт элементарный эгоизм. Человек выплеснулся в своих чувствах другому, абсолютно не думая, нужны ли тому, другому, эти признания. А может тот, другой, будет всю жизнь от этих признаний страдать, и вся его жизнь пойдет кувырком. А ты как считаешь?

– После твоего рассказа даже и не знаю, что сказать, – тихо ответил он, а про себя подумал, «малышка, не бойся, я не буду осложнять тебе жизнь своими ненужными признаниями».

Они снова замолчали. Он поднялся с песка и отряхнул брюки.

У нее сжалось сердце.

– Уже уходишь?

– Нет, просто затекли ноги.

Наташа села глубже в шезлонг и подтянула к себе колени, освобождая ему место, – присаживайся.

Он присел в шезлонг боком и оказался совсем рядом, его плечо и локоть касались ее колен и рук.

– Надеюсь, кресло нас выдержит, – она слегка подпрыгнула.

– Хочешь сломать его так же, как тогда сломала кресло в моем кабинете? – поинтересовался Эдвард.

– А-а-а-а, – с возмущенным вдохом она открыла рот, – как тебе не стыдно на меня наговаривать, я не ломала твое кресло.

Он засмеялся, – шучу.

Она тоже засмеялась, – да, это были классные два дня у тебя в офисе, – и, помолчав, добавила, – это были два моих желания.

– У тебя осталось еще одно, – напомнил он ей и тут же поправился, – но я согласен выполнить и миллион.

– Не надо миллион, у меня есть только одно, – вдруг прошептала она.

– Я весь внимание, – он посмотрел на нее.

Ее сердце бешено застучало, – поцелуй меня, – еле слышно произнесла она пересохшими губами.

Он потрясенно молчал и не сводил с нее глаз. А она, не в силах сдерживать желание, уже подвинулась к нему ближе, плотно прижавшись бедром.

– Теперь я знаю, что ты – это ты, и ты знаешь, что я это знаю. Пусть все будет по-честному. Поцелуй меня, как тогда, той ночью, – горячо зашептала она ему в щеку, касаясь губами кожи, и от запаха мяты у него закружилась голова.

– Малышка, что ты творишь? Что ты задумала? – только голос еще подчинялся разуму, потому что руки, не слушая его, уже обвились вокруг нее и сжали в объятиях ее тело, а горячие губы заскользили по ее шее.

– Не называй меня малышкой, – прошептала она.

– Хорошо, малышка, не буду, – горячими губами он перехватил ее губы.

– Через пять дней я выхожу замуж, после свадьбы я буду своему мужу самой верной женой. А сегодня у меня девичник, и ты мой подарок, – горько прошептала она.

– Малышка, если я начну целовать тебя, я уже не смогу остановиться, – задыхаясь, прохрипел Эдвард.

Наташа немного отстранилась и посмотрела ему прямо в глаза, – а я не хочу, чтобы ты останавливался.

«Я должен уйти прямо сейчас» – подумал он, но вместо того, чтобы встать, лишь сильнее сжал ее в объятиях, она прижалась к нему, они посмотрели друг другу в глаза, и вдруг весь мир вокруг них словно взорвался желанием.

И все повторилось, все было точно так же, как и в ту сказочную ночь. Ошибки быть не могло. Это были его руки, сдавившие ее, словно стальной обруч, это его губы прижались к ее губам, это было его тело, его волосы, его запах. Это был он. Ее мужчина. Ее любимый. Ее Эдвард.

– Мне пора, – Наташа встала и отряхнула с тела песок.

– Нат, – Эдвард потянулся к ней, прижался горячими губами к ее губам, медленно провел ладонью по щеке, – ты плачешь? – тихо спросил он.

– Нет, это дождь, – она посмотрела на черное звездное небо и вытерла лицо полкой халата.

– Будь счастлива, малышка, – прошептал он ей.

– Ты тоже, – она глубоко вздохнула и направилась к лестнице, ведущей наверх.

После ее ухода Эдвард еще полчаса, словно окаменевший, сидел на песке, потом поднялся, подхватил свою бутылку виски и медленно побрел по пляжу.

Было очень темно, никто из них не заметил высокую темную фигуру, прилипшую к скалам.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, вторник 27 сентября 1988 года

– Мэтт, – Наташа присела рядом с ним на диван и прижалась к его плечу.

– Что, любимая? – Мэтт поцеловал ее в лоб.

Наташа молчала.

– Что ты хотела мне сказать? – он заглянул ей в лицо.

– Я хотела спросить у тебя разрешения, – она запнулась.

– Нати, я заранее разрешаю тебе все, что ты хочешь, – с улыбкой произнес он и снова поцеловал ее.

– Ты даже не спрашиваешь, что мне нужно? – с удивлением спросила она и подняла на него глаза.

– Нет, не спрашиваю, я знаю, что ты умная девочка, – он улыбнулся и смотрел на нее, – но если хочешь, можешь мне все рассказать...

– Мэтт, можно я потрачу какую-то сумму денег на подарки для своих друзей? – спросила она, глядя ему в глаза.

– Сколько ты хочешь потратить? – Мэтт улыбнулся.

– Не знаю, но, наверное, много, – испуганно произнесла она.

– Много, это сколько? – он погладил ее по голове.

– Может быть, тысячу долларов, а может и две, – уставилась она на него.

– Нати, – Мэтт обнял ее, – давай, мы с тобой договоримся так, – он вздохнул, – ты теперь моя жена...

– Угу, стану ею через четыре дня, – перебила она его и тоже вздохнула.

– Детка, ты стала моей женой с нашей первой ночи, – поправил он ее, – свадьба и запись в регистрационной книге о бракосочетании – это формальности. Для меня ты моя жена и мама моих... наших детей, кстати, если ты заметила, они начали называть тебя мамой.

– Заметила, – она кивнула головой.

– Так вот, – продолжил он, – ты занимаешься домом и детьми, я зарабатываю деньги для семьи, то есть для нас всех. Ежемесячно я пополняю твой счет, это твои деньги, ты можешь тратить их на что угодно, не спрашивая у меня на это разрешения. Более того, Эдвард тоже перечисляет деньги на содержание Патрика не только семье, но и тебе лично. У тебя на счете приличная сумма, трать на все, что только пожелаешь и никогда не спрашивай у меня разрешения.

– Приличная? – переспросила она.

– Да, приличная, – кивнул он.

– То есть я могу пойти и купить себе кольцо и браслет с бриллиантами? – посмотрела она на него.

– Теоретически можешь, но вообще-то драгоценности должен дарить тебе я, так что на этой статье расходов ты можешь сэкономить, – Мэтт улыбнулся.

– А на что мне тогда тратить деньги? Купить себе шубу? – она снова подняла на него глаза.

– Меха тоже должен покупать муж, – Мэтт развеселился.

- Ну, туфли-то я могу сама себе купить, – Наташа совсем расстроилась.
- Туфли можешь, – Мэтт засмеялся, – и туфли, и сумки, и одежду, и кружевное белье, – он игриво прихватил ее губами за мочку уха.
- Она слегка отстранилась от него и прикрылась плечом.
- Ты чем-то расстроена? – серьезно поинтересовался он.
- Мне неудобно брать у тебя деньги, – беспомощно посмотрела она на него, – в Москве я была независимым человеком, я получала стипендию...
- Какую стипендию ты получала? – ласково спросил ее Мэтт.
- Повышенную, пятьдесят шесть рублей, пятьдесят за отличную учебу и шесть за то, что была комсоргом, – грустно сказала она.
- Моя ты независимая детка, – Мэтт хмыкнул ей в волосы, – и ты считаешь, что ты жила на эти деньги?
- Нет, конечно, – она вздохнула, – я понимаю, что это небольшие деньги, но это были мои честно заработанные...
- Мэтт пристроился удобнее на диване и обнял ее двумя руками, – как ты считаешь, миссис Томпсон честно зарабатывала свои деньги?
- Она их вообще не зарабатывала, – возмутилась Наташа, – она откровенно ничего не делала.
- А знаешь, сколько мы ей платили?
- Не-а, – pokrутила она головой.
- Тысячу долларов в неделю.
- Сколько? – ошеломленно прошептала она.
- Тысячу долларов в неделю, – повторил Мэтт, – ну, если быть более точным, то не ей, а агентству по найму персонала. Но, насколько я знаю, сотрудник получает больше половины. Пересчитай на советские рубли.
- По официальному курсу доллар стоит пятьдесят копеек, – начала она.
- Нет, не по официальному, – перебил ее Мэтт, – по рыночному. Сколько стоит валюта у спекулянтов?
- Ну, это фарцовщики, – пренебрежительно протянула Наташа, – разве можно ориентироваться на их цены?
- Можно и нужно, – объяснил Мэтт, – если предлагаемая услуга или товар уходят за огромные деньги, значит, на них есть спрос, именно спрос определяет рыночную стоимость. Наташа молчала.
- Это один из основных законов экономики. Вы изучали в институте Альфреда Маршалла?
- Ну, да, – неуверенно произнесла Наташа, – закон спроса и предложения, политэкономия, первый курс...
- Какая ты еще маленькая, – улыбнулся он, – давай, вернемся к нашей теме. Сколько стоит один доллар у фарцовщиков.
- Три рубля.
- Сколько мы платили фирме за миссис Томпсон?
- Двенадцать тысяч рублей в месяц, – потрясенно выдохнула она.
- Правильно, а самой миссис Томпсон?
- Больше шести.
- А она их заработала?
- Нет.
- Правильно, а ты их заработала многократно. За то, что играла с детьми, учила их читать и писать, рассказывала сказки и читала книжки. Причем занималась ты не с одной Элизабет, а

со всеми тремя малышами. Так что твой труд должен быть оплачен с повышающим коэффициентом. Понятно?

– Значит, ты все-таки платишь мне за то, что я нянька, – многозначительно изрекла Наташа и хитро прищурилась.

– Нати, я тебе не плачу, – строго ответил Мэтт, – я мужчина и должен содержать свою семью.

– А вот интересно, сколько я заработала? – Наташа подняла глаза, скорчила забавную мордашку и зашевелила губами, – в прошлом году, три месяца умножаем на четыре недели по пятьсот долларов,

– Не забудь про коэффициент, – улыбнулся Мэтт.

– Два – не много? – спросила она.

– Вполне сойдет, – кивнул он головой.

– Так, значит в прошлом году двенадцать тысяч, ну в этом чуть меньше, то есть, примерно двадцать тысяч долларов, да? – посмотрела она на него.

Широко улыбаясь, Мэтт кивнул.

– А сколько у меня на счете денег? – она с любопытством уставилась на него и улыбнулась, – я хочу проверить, ты меня не обделил?

– У тебя на личном счете более ста тысяч долларов, – произнес он и, увидев, как удивленно округлились ее глаза, добавил, – плюс ты являешься опекуном наших детей до их совершеннолетия и, по сути, единственной наследницей всего моего состояния, ну, в смысле, будешь являться после заключения брака.

Наташа помолчала, а потом ошеломленно пробормотала, – триста тысяч рублей, зачем ты положил мне на счет так много денег?

– Я открыл тебе счет еще в прошлом году и пополняю его каждый месяц, – он обнял ее крепче, – и, поверь, не я кладу тебе много денег, просто ты мало тратишь.

– Другие женщины тратят больше?

– Как правило, да, но тем, кто много тратит, наоборот, дают мало.

– А на что женщины тратят деньги?

– О-о-о, – он сморщился и замахал руками, – об этом тебе лучше меня расскажет Дженнифер. Она в этом большой профессионал.

– А у меня есть какой-нибудь лимит?

– Нет.

– То есть, я могу пойти и потратить все деньги сразу?

– Да.

– Неважно на что?

– Да.

– И ты не будешь меня ругать?

– Нет.

– И дашь мне еще?

– Да.

Наташа откинулась на спинку дивана и уставилась Мэтту в глаза.

– Почему?

– Потому что ты моя жена, потому что я несу за тебя ответственность, потому что я люблю тебя, и я тебе доверяю, ты можешь тратить сколько угодно и на что угодно, но если ты решишь посоветоваться со мной, перед тем, как сделать серьезную покупку, мне будет очень приятно...

– Доверяю, – Наташа опустила голову и тихим шепотом произнесла по-русски, – доверяю, верю, вера, верность...

– Что ты сказала? – наклонился к ней Мэтт.

– Да, так, ничего, – ответила она и снова посмотрела на него.

– И, кстати, насчет подарков для твоих друзей, – очень серьезно произнес он, – подарок они сделали не тебе, а нам обоим, поэтому благодарить мы их будем вместе, понятно? Закажи для своих друзей все, что хочешь, а чеки пусть пришлют мне, договорились?

Она молча кивнула.

– Нати, ты поняла, что я сказал? – спросил ее Мэтт.

Она кивнула.

– Нати...

Она долгое время молчала, потом вздохнула, подняла голову и посмотрела ему в глаза, – а за ночи, проведенные с тобой, ты мне платишь?

– Сейчас кто-то будет наказан за свои глупые слова, – строго ответил Мэтт, но, увидев лукавую улыбку, замолчал и с интересом уставился на нее.

Наташа села верхом к нему на колени и слегка распахнула халат.

– Детка, что ты творишь? – хрипло прошептал он.

– Повышаю расчетные коэффициенты, – смеясь, ответила она.

– Хулиганка, – с показным неудовольствием пробурчал он и потянул за шелковый пояс ее халата.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, среда 28 сентября 1988 года

Проходя мимо гостиной, Дженнифер уловила в темноте какое-то движение и от неожиданности вздрогнула. Присмотревшись, она увидела Мэтта. Он задумчиво сидел в огромном кресле, держа в руке стакан с виски.

Дженнифер тихо подошла к нему, – что ты здесь делаешь, сынок? Уже поздно. Иди, ложись, послезавтра предстоит трудный день.

Мэтт медленно поднял на нее голову, – мама, зачем мы это делаем? Кому нужна эта свадьба?

Тефочка растерянно заморгала, – я не понимаю, о чем ты? Как это, кому она нужна? Вы с Нати любите друг друга, у вас трое детей. И мы с отцом, и все Наташины родственники очень счастливы от того, что вы решили быть вместе. Эта свадьба нужна всем.

Мэтт покачал головой, – мама, Нати для меня святой человек, я благодарен ей за все, что она сделала для нас всех, особенно для детей. Но я не люблю ее.

– О, господи, – потрясенно прошептала Тефочка, – что ты такое говоришь? Ты же сам ее добивался, ты несколько раз ездил в Москву, делал ей предложение. Как это ты ее не любишь? А что это тогда, по-твоему?

– Не знаю, безмерное уважение, благодарность, нежность... что-то еще... я затрудняюсь объяснить, но не любовь, – Мэтт хлебнул большой глоток виски, – такого чувства, как было к Рэйчел, у меня нет.

– Да ты просто пьян! – возмутилась Тефочка и вырвала из рук сына стакан, расплескав содержимое, – вы оба меня в могилу сведете! Вы с Эдом понимаете, что творите? Один нагадил так, что до сих пор страшно вспомнить, второй за день до свадьбы вдруг прозрел.

Мэтт опустил голову.

– Давай, давай отменяй все! – Тефочка плюхнулась на стоящий рядом диван и сжала голову руками, – я с вами с ума сойду. Черт с ними, со всеми гостями, подумаешь, пятьсот человек завалили дорогими подарками наш дом. Послезавтра они останутся без торжественного мероприятия и обеда, а мы останемся без пятисот друзей и просто нужных нам людей. Черт с ним, с Нью-Йорком, который через пару дней, прочитав в журналах события светской хроники, будет потешаться над нашей семьей. Черт с ними, деловыми партнерами, разбросанными по всему миру, мнение которых не лучшим образом скажется на нашем бизнесе. Но как

же мы с отцом? Как Наташа семья воспримет это? А как Майки, Лиза и Патрик? Ты подумал о детях? А как сама Ната? Ты сделал девочке предложение, она его приняла! Она любит тебя! Как ты ей все объяснишь?

Дженнифер сидела на диване, так же стиснув руками виски.

Мэтт опустился на ковер у ног матери, накрыл ее руки своими ладонями, посмотрел снизу вверх в ее глаза, – не переживай, мама, никто никогда не узнает о моих чувствах. Я не обижу Ната. Я понимаю, что этот брак нужен всем. Как знать, может быть, он окажется крепче, чем все браки по любви, вместе взятые.

– Сыночек, любимый, так получилось, что Рэйчел больше нет рядом с тобой, – Тэфочка гладила его по голове, – твои чувства живы, ты не скоро ее забудешь, а, может быть, не забудешь никогда. Никто ее тебе не заменит. Но жизнь не закончилась. Ты такой молодой, ты должен жить! Для себя, для детей, для нас. Ната – именно та женщина, с которой ты сможешь быть счастлив. Она красива, умна, хорошо воспитана, с ней тебе будет не стыдно показаться в обществе. Она будет достойной женой тебе и хорошей матерью детям. Любовь не главное в семейной жизни, страсть приходит и уходит, остаются общие интересы, взаимоуважение, привычка друг к другу. Потерпи, мой мальчик, любовь к Ната придет, не говори ей ничего из того, что сказал сейчас мне. Она любит тебя, она доверилась тебе, не причини ей боли. Иди к ней, она тебя ждет, – Дженнифер легонько подтолкнула Мэтта в плечо.

Мэтт согласно кивнул, – я все понимаю, я все сделаю правильно. Но что же мне самому делать? Ой, как мне больно, мама, как мне больно.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, четверг 29 сентября 1988 года

Было раннее утро, весь дом еще спал. Мэтт и Наташа нежились в объятиях друг друга на теплых шелковых простынях.

– Завтра наша свадьба, детка, – Мэтт нежно поцеловал Наташу, – после обеда мы с мужчинами уезжаем в квартиру Эдварда, а вы, женщины, останетесь здесь, ты будешь по мне скучать?

– Буду, – кивнула она головой, – но еще больше я буду волноваться.

– Почему? – удивился он.

– Потому что вы с братом проведете ночь в его нью-йоркской квартире, – объяснила она, – обещаю, что будете себя хорошо вести.

– Ната, – засмеялся он, – для девочек по вызову и стриптизерш я уже слишком стар. Не переживай, в желтой прессе ты не нарвешься на заметку, как братья Престоны весело провели мальчишник.

– Я не боюсь нарваться на заметку с красочными снимками безумной оргии, – она ткнулась ему лбом в плечо, – я тебе верю. Я переживаю, что вы вдвоем и без лихой компании можете что-нибудь натворить, поссориться и подраться, например.

– Что ты, – Мэтт рассмеялся, – Тэфочка не переживет, если в журнале на свадебных фотографиях вместо наших лиц будут красоваться две отбивные. Тогда она нас убьет. Ее я боюсь больше, поэтому ничего не натворю.

– Пообещай мне, что вы больше никогда не будете ссориться.

– Обещаю, – Мэтт улыбнулся и нежно поцеловал ее, – не переживай, мы с ним уже давно все выяснили, так что драку не устроим. И вообще у меня только единственное желание...

– Какое?

– Пораньше лечь спать.

– Лечь спать? – удивленно уставилась она на него.

– Ну, да, – он улыбнулся, – тебя же не будет рядом, а что можно делать в постели одному? Только спать, – он погладил ее по голове, – к тому же я катастрофически не высыпаюсь послед-

ние три месяца. Только бы не уснуть на собственной свадьбе, – последние слова он пробормотал совсем тихо, но Наташа их услышала.

– То есть ты хочешь сказать, что я выхожу замуж за немощного старикана, которого уже не интересуют стриптизерши и девочки по вызову, и который мечтает только о том, чтобы поспать?

– Так это же без тебя, – возмутился Мэтт и резко перешел в наступление, – а что вечером будешь делать ты?

– М-м-м, – она запрокинула голову и прикрыла глаза, – что мы там запланировали, дай ка вспомню, Юлька что-то говорила про мужской стриптиз и торт, Тefочка и Лариса про стриптиз и мужчин-полицейских, Мамнина про стриптиз и супермена, Бажени остановилась на стриптизерах-фермерах...

Мэтт хитро посмотрел на нее, – а на каких мужчинах остановила свой выбор ты?

– Всего лишь на трех, – взмахнув ресницами, она невинно посмотрела ему в глаза.

– Всего лишь на трех? – загадочно переспросил он, – девочки, я так чувствую, что в желтой прессе, скорее всего, появятся ваши фото.

Наташа кивнула и засмеялась.

– И кто же эти трое?

– Ты, Майки и Патрик.

– Ну, вот, как все просто, – Мэтт обнял ее и провел щекой по ее волосам, – а я уже было подумал, что ты хочешь стриптизеров в виде каких-нибудь сказочных персонажей, например, Льва, Страшилы и Железного Дровосека.

– Эти роли я оставила для тебя. В первую брачную ночь ты сыграешь для меня спектакль?

– Детка, я готов каждую ночь играть для тебя любые спектакли.

– Договорились, – она легонько похлопала ладонями по его плечам, – ну, что, будем вставать?

– Нет, еще рано, лучше расскажи, что сегодня еще будешь делать? – зарылся он лицом в ее волосы, – маникюр, педикюр?

– Нет, это все сделали еще вчера, – Наташа протянула к нему руки и продемонстрировала длинные аккуратные ногти с еле заметным серебристым блеском.

– А на ногах?

– Тоже, – она откинула одеяло и, приподняв ногу, растопырила пальчики на ноге, – нравится?

– Ух ты, – Мэтт засмеялся, – как ты это делаешь?

Наташа вытащила из-под одеяла вторую ногу и растопырила пальчики на обеих.

– Нати, – снова засмеялся он, – ты, однозначно, произошла от обезьяны.

– Мы все произошли от обезьяны, – уточнила она.

– Мы все давно, а ты только что, – он хохотал и не мог остановиться, – у меня, например, так не получится, – с этими словами он вытащил из-под одеяла свои мускулистые сильно волосатые ноги и попробовал растопырить пальцы, но они просто коряво изогнулись.

– Вот видишь, у меня так не получается, – разочарованно протянул он и взглянул на нее, – а ты можешь хвататься пальцами ног за ветки деревьев?

Но Наташа его не расслышала, она зашлась в приступе хохота, – и этот человек с буйной растительностью на ногах будет говорить мне, что я только что произошла от обезьяны, ха-ха-ха, самец питекантропа...

– А, ну ка, иди сюда самка неандертальца, – Мэтт потянул ее за руку.

– Ну-у-у, подожди, – закапризничала она, – ты ничего не сказал мне про педикюр. Нравится?

– Еще бы, – Мэтт привстал, обхватил губами большой палец на ее ноге и пощекотал небритым подбородком пятку.

Наташа тихонько взвизгнула и рванула ногу на себя. Одеяло задралось. Взгляд Мэтта скользнул по ее ногам к тому месту, откуда они начинались, за взглядом сразу же последовали руки.

– Мы же собирались вставать, – начала брыкаться она.

– Ты, что, с ума сошла, – горячее дыхание обдало ей шею, – после таких разговоров сразу «вставать», хотя, мы с ним так и сделали, мы оба встали...

– А, правда, что будешь делать? – спросил он ее через какое-то время.

– Сначала дорисуем с Лизой сотую по счету принцессу-невесту, ну, а вечером я приму участие в женских посиделках с Мамниной, Тefочкой, Ларисой и Юлькой, на которых мне наверняка придется выслушать лекцию Бажени про то, как девушка должна вести себя в первую брачную ночь...

Мэтт зашелся в хохоте, – я сомневаюсь, что тебе удастся сохранить серьезное выражение лица, короче, скажи им, что у тебя есть замечательный учитель, который уже всему тебя научил, используя лучшие старинные иллюстрированные учебники, хочешь, прямо сейчас нарисую тебе диплом только с отличными оценками...

– Сам хулиган, – возмутилась Наташа, – если будешь дразниться, я уйду к себе, а на твои попытки проникнуть ко мне в комнату буду изображать неприступную девственницу...

– Все, все, не буду, – Мэтт сгреб ее в охапку и обнял, – а что еще?

– А еще, – Наташа вздохнула, – в течение всего дня я буду любоваться на то, как беременная тетя Джулия запивает селедку шоколадным молоком и поедает килограммами жаренные куриные крылышки, приправляя их кетчупом, майонезом, сырным соусом и клубничным джемом, причем одновременно...

– Ой, какой ужас, – Мэтт поморщился.

– Ты, знаешь, иногда такие вещи очень полезны, – задумчиво произнесла Наташа, – соседство Юльки за обеденным столом убивает всякий аппетит, именно поэтому, несмотря на совместные кулинарные шедевры Бажени и Барби, совершенно спокойно влезаю в свадебное платье. На последней примерке Энцо, как сумасшедший, кричал на Аленку и Юльку, поскольку всего за неделю они обе умудрились раздаться в боках.

– Умора, – он улыбнулся, – представляю, что им наговорил этот эмоциональный итальяшка...

– Нет, это невозможно представить, – засмеялась она, – самое ласковое из прозвищ, которыми он наградил Юльку, было беременная слониха, Аленку обозвал короной, а еще он им заявил, что всех его запасов ткани не хватит, чтобы сшить им новые платья...

– Ужас, – пробормотал Мэтт.

– Ага, девчонки на него очень обиделись, – Наташа снова задумалась, – зато на фоне двух тумбообразных слонопотамов я буду неотразима, да еще и в таком платье, – она закатила глаза.

– Оно красивое? – Мэтт на локте повернулся к ней.

– Очень, – призналась она.

– Оно тебе нравится?

– Угу.

– А я заслуживаю маленький поцелуй за красивое платье?

– Нет.

– Как это нет? – удивился Мэтт.

– Ты заслуживаешь большой поцелуй, – Наташа развернулась к нему и обвила руками его шею.

После обеда Мэтт уехал, следом за ним отбыли Боб, Пол и Геннадий.

Наташа вспомнила слова Мэтта про желание поспать на свадьбе и нахмурилась. Потом она немного подумала и направилась в комнату к Бажени.

– Ба, а у тебя случайно нет запасных новых панталон? – спросила она с порога.

– Конечно, есть, – с гордостью произнесла Евгения Ивановна, – когда мы сюда ехали, я себе все белье новое пошила, а тебе зачем?... – настороженно посмотрела она на внучку.

– Как это зачем? – удивилась Наташа, – надо же в первую брачную ночь предстать перед мужем в нормальном белье, – она опустила голову вниз, чтобы бабушка не увидела ее хитрую улыбку.

– Конечно, конечно есть, – Бажени засуетилась, – сейчас мы тебе самые красивые подберем... Что же ты мне раньше не сказала, я бы тебе специально сшила из шелка с дорогими кружевами, – она суетливо направилась в гардеробную комнату.

– Не надо из шелка, из батиста в самый раз, – Наташа пошла вслед за ней.

– А ты, правда, хочешь их надеть? – вдруг подозрительно уставилась бабушка на внучку.

– Ба, честное слово.

– Ох, лиса, я тебе не верю, – Бажени нахмурилась, – у тебя все трусы больше открывают, чем закрывают, одни ниточки и прозрачные кружавчики, смотреть срамно, господи, прости, не то, что носить, да еще и перед мужиком...

– БАшка, ну так это специальное тонкое белье под брюки и под облегающие юбки, ну, сама скажи, как я панталоны с оборками и кружевами надену под шорты? А тут пышное свадебное платье, под него панталоны самое оно...

Бабушка довольно улыбалась и перебирала стопки белья в своем чемодане, – и правильно, коша, ты теперь солидная замужняя женщина, и одежда у тебя должна быть соответствующая, – она протянула Наташе несколько накрахмаленных и отутюженных красиво сложенных подштанников.

Наташа развернула первые и чуть не покатилась со смеху, но сдержалась, чтобы не обидеть бабушку.

Прорезь у панталон была от пояса до пояса, причем без шнуровки и пуговиц. Сам разрез и края штанишек были аккуратно обшиты белыми кружавками.

«Однозначно, это самая скромная одежда для солидной замужней женщины, гравюры ей, что ли показать...» – сдерживая смех, рассматривала она *mutandoni*, – «хотя, это то, что надо, Мэтту должно понравиться».

– Спасибо, бабушка, я возьму вот эти, – Наташа поцеловала Евгению Ивановну и направилась к себе.

США, Нью-Йорк, особняк Престонов, пятница 30 сентября 1988 года

Наступил день свадьбы. Начало самой церемонии была назначено на два часа дня.

Бажени просочилась к Наташе в комнату в семь часов утра и начала трясти внучку за плечо.

– КОша, вставай, надо собираться, одеваться, – взволнованно забормотала она, – тебе еще помыться, прическу сделать.

– Ба, ну зачем разбудила, – недовольно пробурчала Наташа, поворачиваясь на другой бок, – только начало восьмого, – посмотрела она на часы, – до свадьбы еще семь часов.

Верная Юльче, которая эту ночь провела с Наташей в одной комнате, как всегда, вовремя пришла на помощь.

– Пойдёмте, Евгения Ивановна, вы меня покормите, вы мне свой фирменный гоголь-моголь сделаете и яишенку на сале пожарите, а то я стесняюсь Барбару попросить, – Юля облизнулась и подхватила Бажени под руку.

– Пойдем, Юленька, пойдем, детка, я тебя покормлю, тебе сейчас кушать за двоих надо, и не стесняйся, самое главное, малыша здорового родить, а, жир – это пустяки, он уйдет, пойдем, я тебе блинчиков еще пожарю, – приговаривала бабушка Евгения, выплывая из комнаты.

– Ага, с сыром и чесноком, – Юля облизнулась.

– Если с чесноком, да на сале, то лучше есть за четверых, – пробурчала Наташа, – на свадьбе к гостям близко не подходи, или притворись глухонемой...

Юля показала ей язык.

Наташа приподнялась в кровати, – чеснок, гоголь-моголь, яичница на сале, какой кошмар, и в постель ко мне после завтрака не возвращайся...

Выходя из комнаты, Юля тихо прошептала подруге, – нас с пузожителем часа на полтора-два хватит, можешь спокойно спать до девяти.

В десять утра Бажени, Мамнина, Тефочка, Лариса, Наташа, Юля, Майки, Элизабет и Патрик в махровых халатах и накрученных на мокрых головах полотенцах спокойно сидели в кухне, и завтракали, как вдруг в холле раздались пронзительные голоса Энцо, Кэтрин и их помощников.

– Началось, – пробормотала Дженнифер.

С их приездом в доме началась настоящая суета.

Для начала Наташу схватили и потащили на массажный стол. Массажистка сделала ей легкий тонизирующий массаж лица и всего тела, отчего на щеках появился натуральный розовый румянец.

Маникюрщица проверила свою работу на руках и ногах и, оставшись довольна, ушла к Тефочке и Ларисе проверять их ногти. Ее помощницы ушли делать маникюр Бажени и Мамнине.

Наташа направилась в свою комнату. Следующим в предсвадебном конвейере стал Альберто.

– Buongiorno, bella mia, – он поцеловал воздух около Наташиной щеки, – прекрасно выглядишь, но надо сделать тебе такой макияж, чтобы ты хорошо смотрелась на фотографиях. Присаживайся, – махнул он в кресло.

Уже знакомые Наташе Моник и Тереза намертво встали в дверях, и когда Бажени или Мамнина пытались проникнуть в Наташину спальню, мужественно преграждали дорогу оставшимся не у дел бабушкам.

– Нина, ну как же так, меня не пускают к ней в комнату, – возмущалась Бажени, – я ее маленькую пеленала, крестильную рубашку надевала, в первый класс за ручку вела, а платье свадебное не могу помочь надеть, – совсем расстроилась она.

Тефочка и Лариса не суетились. Пока им укладывали волосы, они мило щебетали, сидя в креслах, и потягивали из хрустальных рюмочек домашнюю наливку.

В половине двенадцатого к Престонам подъехали Галина Васильевна и Аленка. Галина присоединилась к Дженнифер и Ларисе. Аленку, Юлю и Элизабет помощницы Энцо увели в гостевую спальню.

Отчаявшись попасть в комнату к внучке, Мамнина подхватила Бажени и не без усилий утащила причесываться и переодеваться.

– Ну, вот как-то так... – через час Альберто отступил на шаг от Наташи и придирчиво оглядел свое творение. Макияжа на ее лице совсем не было видно, только еще больше распах-

нулись огромные глаза, ресницы стали гуще и длиннее, а цвет губ сочнее. Волосы он уложил ей в простую высокую прическу и прикрепил диадему.

– La regina (королева), – зачмокал подошедший к ним Энцо и с восторгом заломил руки, – детка, ты прелестна, девушки, подавайте одежду, – захлопал он помощникам.

Затянутая в корсет Наташа шагнула сначала в знакомый пышный криолин, а затем ее облачили в платье со шлейфом из тяжелой белоснежной ткани. Глубокий вырез немного открывал загорелые плечи и подчеркивал высокую грудь. Облегающий лиф, манжеты узких рукавов до запястья, подол платья и двухметровый шлейф были вручную расшиты слегка серебристой шелковой нитью. Кое-где на узорах поблескивали крохотные кристаллы Swarovski.

К диадеме Энцо прикрепил простую длинную фату из легчайшей тонкой, немного бликующей ткани.

– Смотришь, детка, – он тихо взял Наташу за руку и подвел к высокому зеркалу, – распахните двери, невеста готова.

В комнату вошли подружки невесты. Аленка и Лиза ахнули, Юля сначала застыла, а потом, всхлипнув, сделала к подруге несколько порывистых шагов.

– Стоп, – Энцо вскинул руку в предостерегающем жесте, – никаких слез и никаких объятий.

Юля кивнула и протянула Наташе каплевидный букет невесты из белоснежных роз и орхидей с редкими кристаллами-каплями, сияющими на лепестках.

– Натыч, ты супер, – прошептала она, погладив подругу по руке.

– Девочки, вы бесподобны, – Наташа переводила взгляд с одной на другую, – и, кстати, похожи, как две близняшки.

Юля и Аленка, действительно, были примерно одинаковой комплекции, обе полные, белокожие с волнистыми рыжеватыми волосами.

На обеих были длинные платья из светло кремового фатина и шелковой органзы такого же цвета. Лифы с высокой талией, украшенные фестонами и драпировкой под грудью, выгодно подчеркивали пышные бюсты девушек, а расходящиеся от груди изящные А-силуэтные юбки скрывали полные бедра. Лифы и подола платьев были задекорированы шелковыми розами ручной работы, лепестками и искусственным жемчугом. Такие же шелковые цветы и редкие жемчужины украшали их прически. В руках Юля и Аленка держали круглые букеты из крупных кремовых и белых роз, белых лилий и гипсофилы с жемчужными каплями.

– Лизочек, а ты, ну просто принцесса, – Наташа нагнулась к маленькой девочке и чмокнула ее в головку.

– Мама, – прошептала та и схватила Наташу за руку.

Платье у Элизабет, как и у старших подружек, тоже было светло кремовым, украшенным маленькими шелковыми розочками и жемчужинками, талию перехватывал широкий пояс, завязанный сзади в бант. В руках она держала корзиночку с белыми и кремовыми розовыми лепестками.

– Детка, ты восхитительна, – прошептал Энцо и подал Наташе руку, – пойдем, красавица, тебя уже ждут.

Он медленно провел Наташу по коридору. Когда они подошли к ступенькам, Юля с Аленкой подхватили длинный шлейф свадебного платья. Наташа ступила на лестницу и осторожно сделала несколько шагов вниз.

Бажени, Мамнина, Дженнифер, Лариса и Галина уже были при параде и ждали процессию в холле.

Наташа залюбовалась женщинами. Невысокая полная Бажени была одета в легкое с длинными рукавами платье из светло сиреневого шелка с бледно розовыми, голубыми и бирюзовыми разводами. Короткие седые волосы бабушки были элегантно уложены. В руках она держала маленькую светлую сумочку в тон туфлям и кружевной платочек. На Нине Александровне красовался костюм насыщенного малинового цвета с золотыми пуговицами. Дженнифер была в ярко лимонном, подчеркивающим фигуру костюме с узкой юбкой, Лариса – в ярко коралловом, с приталенным пиджачком и летящей юбкой-клеш. Роскошные формы Галины подчеркивал костюм цвета ультрамарин с гипюровыми вставками на плечах и рукавах.

Рядом с женщинами стояли муж Галины Николай Павлович, ее сын Алексей, Майки и Патрик. Алексей и мальчики были одеты в черные классические смокинги с черными камер-бандами в тон идеально повязанных бабочек.

У друзей жениха к лацканам смокингов были прикреплены изящные бутоньерки с белоснежными цветами.

– Какие вы все красивые, – громко сказала Наташа и улыбнулась.

Фигуры в холле застыли и издали восторженные вздохи.

– Коша, – всхлипнула бабушка.

– Наташка, – с придыханием произнесла Мамнина.

Тефочка и Лариса молча схватились за руки и носовые платки.

Энцо, раскинув руки, встал перед Наташей, – невесту не целовать, не обнимать, – приказал он и ткнул в женщин пальцами, – и не плакать, испортите себе макияж.

Галина Васильевна окинула взглядом стройную фигуру Наташи, восторженно причмокнула и, вздохнув, как всегда рассержено погрозила кулаком пампушке Алёнке.

– А теперь по машинам, – пропела помощница Кэтрин Памелла. Сама распорядительница торжества, удостоверившись в том, что подготовка невесты к свадьбе проходит успешно, уже уехала в собор.

В сопровождении родных и близких Наташа вышла из дома. Рядом с крыльцом ее уже ждали Себастьян, Барбара, Альваро, Дэн, Карменсита, Берни, Гвен и все остальные работники дома. Все громко зааплодировали, только эмоциональная Барби зашмыгала носом.

– Натошечка, я всегда мечтала, чтобы ты осталась в этом доме, – басом заплакала она, – я молила об этом Святую деву Марию, – она распахнула объятия, – мои молитвы были услышаны небесами.

– Никаких объятий, – строго поднял руку вовремя подоспевший Энцо.

К Наташе подошел Себастьян, – мисс, вы прекрасны. Мы поздравим вас чуть позже, когда вы вернетесь в этот дом вдвоем с мистером Престоном, – улыбнулся он.

Альваро, Дэн, Карменсита, Берни, Гвен и другие покорно кивнули головами.

Наташа оглянулась на Энцо, – ну, что ты говоришь? Эти люди приняли меня в доме. Они меня кормили, заботились обо мне, заступались за меня, как это я не могу принять их поздравления? – и она бросилась в объятия Барбары.

Свадебную процессию уже были готовы принять три длинных белых лимузина, красивым веером застывших у крыльца.

– Так, девочки, подхватите юбку невесты, – суетился около Наташи Энцо, усаживая ее в салон автомобиля, – сага тiа, юбку подними, да, так, теперь подружки невесты, платья не мять, сели аккуратно, теперь раскладываем шлейф невесты по всему салону, и по всем сиденьям.

Юля, Алёнка и Лиза сели с Наташей в один автомобиль. Когда платье невесты расправили и разложили по салону, оказалось, что места в нем больше нет.

– Мама, не расстраивайся, поедешь в машине с нами, – потянула Мамнина за руку бабушку Евгению, – пойдем, бабушка, – Лариса подхватила Бажени с другой стороны. Вчетвером с Дженнифер они комфортно расположились во втором лимузине.

В третьем легко поместились Галина с мужем и сыном, и Майки с Патриком. Автомобили тронулись в путь.

США, Нью-Йорк, собор, пятница 30 сентября 1988 года

Гости начали съезжаться к собору к половине первого. Нанятый обслуживающий персонал безукоризненно выполнял свои обязанности. Двадцать высоких красавцев, играющих роли шаферов, в белых смокингах и черных бабочках и камербандах встречали гостей при входе в собор и сопровождали на указанные в пригласительных карточках места. Парни были подчеркнуто вежливы, но не молчали. Они держались вполне естественно, но с достоинством и спокойствием, и отпускали вполне уместные по случаю свадьбы отдельные реплики. Можно было подумать, что они действительно являются близкими друзьями или родственниками. Гости обменивались приветствиями, переговаривались и обсуждали убранство собора. Их многочисленные голоса слились в один неясный монотонный, но отчетливый гул, как будто кто-то тревожил пчелиные улья.

Без двадцати два к собору подъехали два белых лимузина из кортежа невесты. Подошедшие к машинам Пол, Владимир Иванович и Геннадий помогли выйти Бажени, Дженнифер, Мамнине, Ларисе и Галине. Все, кроме Владимира Ивановича и детей, направились в собор. Пол галантно предложил руку Бажени, Геннадий подхватил под локоток Мамнину, Тефочку и Ларису повели под руки два молодых статных красавца. Помощник Кэтрин увел Алексея в комнату для жениха, где уже в ожидании томились Мэтт и Эдвард. Владимир Иванович, Майки и Патрик остались ждать лимузин с Наташей и подружками невесты.

Когда Бажени под руку с Полом вступили в собор, разговоры моментально прекратились, все приглашенные встали со своих мест. Воцарилась тишина.

Под пристальными взглядами множества людей Евгения Ивановна заволновалась и беспомощно посмотрела на Пола. Тот похлопал пожилую женщину по руке и, промолвив, – не волнуйтесь, Бажени, – медленно, но уверенно повел ее к местам родственников в первом ряду.

И хотя Бажени ни слова не поняла из сказанного, мягкий голос Пола подействовал на нее ободряюще. Она подумала, «революцию и две войны пережила, перелет в Америку пережила, в магазине не потерялась, не дожудся буржуи того, чтобы я испугалась...» и, крепче ухватив высокого представительного Пола за руку, маленькими шажками смело проществовала дальше.

Нина Александровна при входе в собор сначала тоже ступсывалась, но увидев, как смело вышагивает ее восьмидесятисемилетняя мать, быстро взяла себя в руки. Под руку с зятем Геннадием они двинулись вперед.

Тефочка и Лариса, часто посещающие различные многолюдные мероприятия, нисколько не растерялись. Поддерживаемые под локотки симпатичными спутниками, они изящно переступали каблучками по бесконечной ковровой дорожке, расстеленной в проходе между скамьями.

Поскольку Евгения Ивановна поначалу растерялась, она не сразу обратила внимание на цветочное убранство собора, но вдруг ее взгляд упал на один из многочисленных букетов, стоявших в высоких узких вазах рядом со скамьями по обе стороны центрального прохода, и Бажени, перестав испытывать смущение от устремленных на нее глаз, сосредоточилась на цветах.

Пока женщина шла по проходу, она внимательно и придирчиво изучала каждый последующий букет и восторгалась искусством, с которым они были выполнены.

Все букеты имели шаровидную форму и были совершенно одинаковыми. Крупные светло-кремовые и белые розы в сочетании с белыми лилиями и белой боувардией создавали основу цветочных композиций и выделялись на фоне мелкой кустовой хризантемы, орнитогалума и гипсофилы, не очень заметных в общей цветочной массе, но придающих шарам объемность и выпуклость. Букеты были разбавлены листьями робелены, аспидистры, салала, аспарагуса и берграса. Контраст разных оттенков зелени, от темного глянцевого до шероховатого нежно изумрудного, создавал игру света и тени.

У основания букеты были перехвачены большими бантами из атласных лент белого и бледно-кремового цвета, концы лент изящными складками спадали на пол.

Бабушкин взгляд скользнул по колоннам вдоль стен собора. Они были перевиты гирляндами из лилий, белых и кремовых кустовых роз, фрезий, резных листьев робелены и папоротника и атласных лент.

«Все белое и чистое», от умиления бабушка чуть не расплакалась. Она даже не обратила внимания, как МС (Master of Ceremonies, церемониймейстер) сообщил всем собравшимся ее имя и возраст, добавив при этом, что она приходится невесте прабабушкой.

Услышав про возраст пожилой женщины в сиреновом платье, вставшие со своих мест гости разразились громкими аплодисментами.

Следующими церемониймейстер представил Мамнину и Геннадия.

«Эта красotka в малиновом – бабушка?» раздался недоуменный шепот гостей, и зал зарукоплескал с новой силой.

Под рукоплескания собравшихся Евгения Ивановна, Нина Александровна, Пол, Дженнифер, Геннадий и Лариса прошли к первому ряду и сели на свои места. Гости тоже опустились.

Присев на скамью, Евгения Ивановна сразу же уставилась на две большие цветочные композиции, расположенные по обе стороны от алтаря. Их основу составляли длинные белые гладиолусы с изящными соцветиями, они расходились от центра в разные стороны, словно образуя лучи. В центре композиций Бажени увидела уже знакомые по букетам светло-кремовые и белые розы, белые лилии и боувардию. Лизиантус, гипсофила и зелень берграса придавали композициям дополнительную изысканность.

– Нина, смотри, какая красота, – Бажени пальцем ткнула в бок севшую рядом дочку.

– Мама, осторожнее, – буркнула та.

– А я всегда думала, что разные цветы в одном букете – это некрасиво. Лариса, а что это за маленькие белые цветочки? – Евгения Ивановна развернулась к присевшей в это время внучке, – и вот эти цветы я не знаю, ну, которые торчат в разные стороны.

– Гладиолусы, – тихо подсказала ей внучка.

– Нет, – досадливо поморщилась Бажени, – гладиолусы я знаю... я про те, которые свисают, ну, такие, с маленькими круглыми бутонами.

– Бабушка, я не знаю, сиди спокойно, – тихо произнесла та.

– Лариса, а куда потом денут цветы?

– Не знаю, бабушка, сиди тихо, сейчас церемония начнется, камеры уже включили, нас снимают, а ты вертись.

Евгения Ивановна сразу же замерла, но не сводила глаз с роскошных букетов. К ее сожалению, из всех цветов и зелени она знала только гладиолусы, розы, лилии и папоротник. «Надо

будет после свадьбы потихоньку из букетов надергать цветов, потом мы вместе с Варей и Аликом прикопаем их в огороде, вдруг примутся», сосредоточенно думала она.

После того, как в собор зашли родственники жениха и невесты, пятиметровые тяжелые двери собора закрылись. Красавцы в белых смокингах прошли в боковые проходы и застыли вдоль стен. В соборе воцарилась тишина. Было слышно только легкое жужжание камеры и редкие щелчки фотоаппаратов. Бажени взволнованно схватила за руки сидящих по обе стороны Мамнину и Ларису и затаила дыхание.

Раздались первые аккорды торжественной свадебной музыки. По центральному проходу к алтарю направился представительный пожилой мужчина. Его плечи были покрыты красной бархатной мантией, на груди красовался знак власти – огромный орден на массивной золотой цепи.

– Лариса, кто это? – прошептала бабушка Евгения.

– Это президент боро Куинса, бабушка, глава одного из муниципалитетов Нью-Йорка, – наклонившись, тихо объяснила ей та.

– Кто-кто? – Бажени немножко повысила голос.

– Председатель райисполкома, – ласково похлопала ее по руке внучка.

– А-а-а, понятно, это большая шишка... – гордо произнесла бабушка и, повернув голову, уставилась в проход.

По центральному проходу собора, вслед за главой муниципалитета, неслышно ступая по ковровой дорожке, в сопровождении Эдварда и Алексея шел Мэтт.

Президент боро поднялся по ступеням на алтарь, Мэтт остановился у ступеней с правой стороны от прохода, Эдвард и Алексей встали от него слева и немного сзади. Все четверо повернулись лицом к собравшимся.

Гости замерли.

Музыка на мгновение стихла и тут же зазвучала более мягко и плавно.

В проход между скамьями шагнул маленький Патрик. Он шел, гордо расправив плечи и серьезно глядя перед собой. Следом за братом чеканным шагом выдвинулся Майки. В руках он держал шелковую подушечку с кольцами.

Следующими за мальчиками, стараясь держать животы втянутыми, друг за другом, плавно, как лебедушки, выплыли Аленка и Юля. Взгляды всех без исключения мужчин и половины женщин тут же устремились к их роскошным, слегка колышущимся бюстам.

После старших подружек невесты показалась Элизабет. Девочка изящно переступала маленькими ножками и, опуская ручку в корзинку, густо рассыпала по ковру розовые лепестки.

Глядя на малышку сидящие в зале умиленно засасюкали.

– Сейчас Наташка выйдет, – сдавленным голосом прошептала Мамнина. Она, Бажени и Лариса снова схватились за руки. Чтобы лучше все увидеть, невысокая бабушка Евгения даже привстала со своего места.

Наконец под чарующие звуки музыки в арочном проеме, также украшенном белыми и кремовыми цветами, показались Владимир Иванович и Наташа.

В пожилом мужчине с гордо поднятой серебряной головой сразу угадывалась военная выправка. Боб держался прямо, но без обычной строгости. А вот его взгляд, который он иногда кидал на свою юную спутницу, был непривычно нежным и теплым. Наташа, грациозно шествующая справа от деда, доверчиво держала его под руку. Ее ледяные от волнения пальцы были накрыты его широкой ладонью.

Оба были совершенно спокойны, двигались очень медленно и плавно, иногда дед что-то тихо говорил своей внучке, она улыбалась ему из-за опущенной фаты.

Обеспокоенный Энцо застыл около самой последней скамьи и внимательно смотрел на длинный тянувшийся за невестой шлейф, разложенный по полу, словно хвост павлина.

«Какая умница, как красиво она идет, все делает правильно, как я ей и говорил, *docile bambina*», промокнув глаза, подумал он про Наташу.

Гости, замерев, разглядывали и совершенный наряд невесты и ее саму.

Эдвард тоже не отрывал от Наташи глаз. И чем ближе она подходила, тем явственнее он ощущал, как она отдаляется от него все больше и больше. Он сжал челюсти, глубоко вздохнул и прикрыл глаза.

Патрик и Майки с кольцами уже встали перед Эдвардом и Алексеем. Юля, Аленка и Элизабет заняли свои места со стороны невесты.

Владимир Иванович подвел Наташу к Мэтту. Тот выступил немного вперед, чтобы встретить ее. Наташа переложила цветы в левую руку, которой опиралась на руку Боба, а правую протянула жениху. Мэтт взял ее в свою левую ладонь и тихо произнес, – Нати, ты прекрасна.

– Спасибо, – еле слышно ответила она.

Владимир Иванович прошел к своему месту и сел рядом с женой.

– Володенька, ты как... – растроганно всхлипнула Мамнина и, схватив его за руку, прижалась щекой к плечу.

– Нинулёк, я в полном порядке, – спокойно ответил генерал жене, – ты за меня не переживай, лучше шепни мамульку, чтобы закрыла рот, а то вставные зубы сейчас вывалятся, фотографии потом будет смешно смотреть.

Тем временем Наташа уже передала свой букет Юле, они с Мэттом поднялись по ступеням к главе муниципалитета, и свадебный обряд начался. Речь президента была торжественна и проникновенна. Гости внимали каждому сказанному им слову. Щелкали фотоаппараты, жужжали камеры. Все было спокойно до самого ответственного момента.

– Если здесь есть кто-нибудь, кому известна какая-либо причина, почему эти двое не могут вступить в брак, пусть скажет об этом сейчас, или замолчит навеки, – прозвучал голос под сводами зала.

Наташа, подняв глаза, посмотрела на Эдварда, который стоял чуть за спиной Мэтта. Из-за слез в глазах и бликов на ткани фаты оба их лица слились в одно пятно.

– Всем молчать! – вдруг звонкий голос Майки пронзил гробовую тишину собора, многие гости от неожиданности вздрогнули.

Эдвард и Алексей не успели схватить мальчика, тот быстро сунул им в руки подушечку с кольцами, а сам подбежал к Мэтту и Наташе и, раскинув в разные стороны руки, загородил их собой от сидящих в зале.

– Никто ничего не скажет! – снова звонко крикнул он.

– Майки, прекрати это безобразие, быстро иди сюда, – зашипела с первого ряда Тефочка.

– Не пойду! – выкрикнул он, – я здесь для того, чтобы охранять папу и Нати, потому что я их люблю и хочу, чтобы мы жили все вместе. Нати хорошая и добрая, и любит нас с Лизой, она наша мама. Никто ничего не посмеет сказать, наши папа и мама поженятся, и все вместе мы будем жить долго и счастливо!

К Майки подбежали Лиза с Патриком и тоже раскинули руки, образовав живой заслон.

– Ты и моя мама тоже? – Патрик поднял на Наташу глаза – А ты никогда меня не бросишь?

Каждое слово эхом разнеслось по залу собора. В рядах раздались всхлипы. Дамы, не заботясь о накрашенных глазах и не обращая внимания на камеры и фотоаппараты, доставали платки и вытирали слезы.

Наташа присела перед детьми и, откинув с лица фату, посмотрела на Патрика, – я твоя мама тоже, родной, и клянусь, я никогда тебя не брошу, и вас тоже никогда не брошу, мои любимые, – посмотрела она на Лизу и Майки и прижала всех троих к себе. Патрик крепко обнял ее за шею.

Зал зарыдал, все гости встали и зааплодировали.

Эдвард подошел и захотел взять сына на руки, но тот крепко вцепился в Наташу и не разжимал рук. Тогда Эдвард подхватил на руки Майки, а Мэтт Лизу.

– Милый, чтобы я стала твоей мамой, нам с дядей Мэттом надо пожениться, отпусти меня, пожалуйста, – ласкового обратилась Наташа к Патрику.

Тот нехотя разжал руки на ее шее, но не отошел, а, оставшись стоять рядом, прижался и крепко обхватил руками ее за талию. Наташа распрямилась и посмотрела Мэтту в глаза.

Юля, Аленка и подросевший Энцо поправили Наташе фату, накрыв ею и прижавшегося к ней малыша, и заново разложили на ступеньках сбившийся в складки шлейф.

– Прошу жениха и невесту произнести клятвы, – провозгласил немного растерявшийся президент.

Мэтт растерянно улыбнулся, – я забыл все слова, – тихо прошептал он, но микрофон громко оттранслировал его шепот в зал.

– Папочка, не переживай, я тебе подскажу, – громко зашептала ему в ухо Лиза, – повторяй за мной... Нати, любимая...

Гости, плача и смеясь одновременно, снова зааплодировали.

Мэтт крепко поцеловал Элизабет, – спасибо за подсказку, моя милая, – и начал свою речь, – Нати, любимая, сегодня мне открылось значение настоящей любви. До тех пор, пока я живу, я буду любить, уважать и почитать тебя. Я обещаю дать тебе все самое лучшее, что у меня есть и просить у тебя не больше, чем ты сможешь мне дать. Я клянусь, что буду верен тебе душой, телом и духом. Сегодня, в этот святой день, я беру тебя в жены и даю тебе это обещание. А ты, возьмешь ли ты меня в свои мужа?

Наташа, держа руку на плече Патрика, произнесла, – Мэтт, я беру тебя в мужа, а в дети беру всю твою многочисленную детвору, – она сделала паузу и, театрально изобразив испуг, посмотрела по сторонам, – здесь больше нет мальчиков и девочек, которые хотят, чтобы я стала их мамой? Эй, ловите момент, налетайте, пока я добрая...

Гости засмеялись, а Наташа продолжила, – я обещаю быть тебе любящей и верной женой и заботливой мамой всем нашим детям, в богатстве и бедности, в радости и печали, в болезни и здравии. И пусть смерть не торопится разлучить нас.

Она замолчала, все смотрели на главу муниципалитета.

– Я тоже забыл слова, – растроганный мужчина вытащил из кармана платок и приложил к глазам, гости снова засмеялись и заплакали одновременно.

– Кольца! – раздались из зала подсказки Кэтрин.

– Ах, да, теперь жених и невеста должны обменяться кольцами.

Мэтт спустил с рук Элизабет, та осталась стоять рядом. Майки забрал у Алексея доверенную ему шелковую подушечку с обручальными кольцами и гордо протянул ее жениху и невесте. Мэтт надел кольцо Наташе, она надела кольцо ему.

– Властью, данной мне штатом, объявляю вас мужем и женой, – торжественно произнес президент, – а теперь можете поздравить друг друга.

Мэтт откинул фату и увидел в Наташиных глазах слезы, – все хорошо, моя любимая, не надо плакать, все плохое уже позади, – прошептал он, крепко целуя ее в губы.

Гости зааплодировали.

Еще долго никто не выходил из зала, все шумно обсуждали церемонию. Энцо и Альберто подправили Наташе макияж и прическу, фотографии делали новые кадры. Дамы припудрили красные носы, подкрасили глаза, и теперь позировали перед камерами, демонстрируя свои наряды и украшения.

Мэтта и Наташу долго фотографировали в зале, сначала двоих, потом в окружении подружек невесты и друзей жениха, потом с детьми, потом с родителями, потом с гостями, потом со всеми вместе.

Потом съемка перетекла на ступени собора.

– Ты не устала, ба? – Наташа наклонилась к стоящей рядом Бажени, когда делали очередной снимок, и обняла ее за шею.

– Что ты, девочка моя, какая может быть усталость? – бабушка улыбнулась, – не каждому в жизни выпадает возможность побывать на королевской свадьбе.

– Я люблю тебя, бабушка, – прошептала Наташа.

Фотосессия на крыльце собора была еще в разгаре, когда Кэтрин потянула за руки Наташу и Мэтта.

– Мистер и миссис Престон, – улыбнулась она им, – примите мои поздравления. Вам пора в Royal Hall. Вы и родители должны приехать первыми и подготовиться к встрече гостей. Ваш лимузин уже подали.

Оба кивнули.

Юля, Аленка и Энцо помогли Наташе забраться в автомобиль, Мэтт сел рядом с ней. Когда расправили платье, оно накрыло и сидения в автомобиле, и ноги Мэтта. Родители, дети и подружки и друзья жениха и невесты распределились по другим лимузинам, и свадебный кортеж тронулся.

Евгения Ивановна садилась в автомобиль очень довольная. С помощью Аленки она уже узнала у Кэтрин, что все букеты и украшения из цветов перевезут из собора сначала в банкетный зал, а потом, при желании, их можно будет забрать домой.

США, Нью-Йорк, свадебный лимузин, пятница 30 сентября 1988 года

– Нати, ты сегодня выглядишь просто сказочно, – Мэтт не сводил с Наташи восторженных глаз.

Он держал ее левую руку в своих ладонях и нежно поглаживал ледяные пальцы.

– Ты замерзла? – заботливо спросил он, – сказать водителю, чтобы выключил в машине кондиционер?

– Нет, все хорошо, я просто переволновалась, – улыбнулась она, – до сих пор не могу прийти в себя.

– И я тоже, – признался он и шумно выдохнул, – но это все пустяки, впереди нам предстоит гораздо большее испытание.

– А что нам еще предстоит? – настороженно спросила она.

– Насколько я могу судить по свадьбам наших знакомых, ближайшие два часа мы с тобой будем принимать поздравления родственников и друзей семьи, потом со всеми танцевать и фотографироваться, а когда все закончится, мы уедем в забронированный в гостинице номер и уже там без сил свалимся в постель. А завтра вечером мы улетим в свадебное путешествие на острова.

– Какой ужас, – посмотрела она на него и покачала головой, – я-то думала, что Кэтрин организовала нам настоящий праздник, а свадьба, оказывается, непосильный труд. А у тебя в первый раз было все именно так, как ты сейчас и рассказал?

– У меня не было свадьбы, мы просто расписались в мэрии.

– Зачем же ты сейчас организовал все это? – удивилась она.

– Во-первых, ты выходишь замуж в первый раз, во-вторых, у меня не было свадьбы, в-третьих, в наших с тобой странах существует свадебная традиция, в-четвертых, желание твоих родных увидеть тебя в белом платье, в-пятых, амбиции Пола и Дженнифер, которые всегда мечтали об огромном семейном торжестве, ну и так далее...

Наташа грустно кивнула и вздохнула.

– Ты чем-то расстроена? – Мэтт заглянул ей в лицо, – что случилось?

– Не знаю, – она подняла на него глаза, – у меня такое ощущение, что нас с тобой, как двух, еще в глубоком детстве просватанных друг за друга наследников королевских семей, желающих породниться, в один прекрасный день взяли в охапку и поженили. Как будто ты не знаешь меня, я не знаю тебя. Ты такой красивый в этом костюме с бутоньеркой, – она слегка прикоснулась к цветам на лацкане его смокинга, – у тебя безупречно уложены волосы, но ты такой холодный и чужой, – прошептала она, – и от этого мне очень страшно...

– Детка, – тихо сказал он, – когда я увидел тебя в проходе собора, я с трудом мог дышать, сейчас ты сидишь рядом со мной, такая прекрасная в этом платье, фате и диадеме, что мне тоже очень страшно. Я хочу тебя обнять и поцеловать, но не смею прикоснуться к этому неземному волшебству, а еще я очень боюсь пошевелиться и помять тебе платье, точнее, я боюсь Энцо, который меня за это уничтожит...

– Наплевать на платье, – жалобно пробормотала Наташа и протянула к нему руки, – обними меня сейчас же, и поцелуй...

– С удовольствием, – Мэтт сжал ее в объятиях.

США, Нью-Йорк, банкетный зал Royal Hall, пятница 30 сентября 1988 года

Когда он, наконец, оторвался от ее губ, оказалось, что они уже подъехали к банкетному комплексу Royal Hall, расположенному на берегу океана.

– Ты выдержишь целый вечер в таком тяжелом платье, да еще и со шлейфом? – Мэтт с сочувствием погладил ее по руке и беспомощно оглядел застеленный свадебным нарядом салон лимузина, – я не могу понять, с какой стороны надо подхватить твое платье, чтобы ты смогла вылезти...

– С самого низу, – игриво шепнула ему она.

– Всегда готов, – его руки скользнули под плотную ткань, – ну, вот, – вдруг разочарованно протянул он, – мы уже не одни.

Двери лимузина распахнулись. Подоспевшие Юля, Аленка, Энцо, Моник и Тереза подхватили пышную свадебную юбку со шлейфом и помогли Наташе выбраться из машины. Их с Мэттом проводили в отдельные комнаты невесты и жениха, где они могли бы отдохнуть несколько минут. В комнате Альберто подправил невесте и ее подружкам прически и макияж. Моник и Тереза разогретым утюжком с паром разгладили слегка замявшиеся складки на одежде невесты и девочек.

– Натяч, ты как? – Юлька, стараясь не помять разглаженное платье, аккуратно опустилась на диван.

– Бр-р-р, – у той хватило сил только на то, чтобы потрясти головой, – ты сама-то как? – она кивнула на живот подруги.

– Нормально, – перевела дух та, – только ужасно проголодалась.

– Потерпи немного, сейчас пройдешь к фуршетному столу и покормишь своего пузожителя, а нам с Мэттом еще поздравления принимать...

– Я останусь с тобой, – Юлька была верна и своему боевому характеру, и подруге.

– Спасибо, дружище, но я не приму твоих жертв, к тому же, чем меньше будет встречающих, тем быстрее закончатся представления друг другу и приветствия. С нами будут Пол и Тефочка, возможно, присоединится еще и Эдвард...

– Нэтэли, пора, – в комнату заглянула Кэтрин и многозначительно посмотрела на Энцо, – не забудь про перчатки.

– Без тебя помню, – возмущенно буркнул итальянец.

Наташа искренне поразились стойкости и энергии сорокалетней устроительницы свадебных мероприятий, которая с утра ни разу не присела, и была, казалось, одновременно сразу в нескольких местах. Она только вздохнула и встала с дивана.

– Надень перчатки, – подскочил к ней Энцо.

– Зачем? Мы же решили, что перчаток в наряде не будет...

– Затем, что сейчас пятьсот человек начнут пожимать и целовать тебе руку, через полчаса ты меня еще вспомнишь.

Наташа послушно натянула короткие белоснежные перчатки из плотной ткани и вышла из комнаты.

Мэтт уже ждал ее у дверей, он подал Наташе руку, и вдвоем они прошествовали через великолепный холл к парадной широкой лестнице из розового мрамора, ведущей на второй этаж, где находился банкетный зал.

Молодые замерли сбоку от лестницы на фоне цветочной композиции, Энцо расстелил шлейф свадебного платья у ног Наташи. Фотографы сделали несколько снимков сначала только жениха и невесты, потом с родителями, потом с детьми, потом с подружками и шаферами, потом со всеми вместе.

В распахнутых дверях Royal Hall появились первые гости, ими оказались Вудсы, Торны и Моррисоны. После того, как их сфотографировали вместе со всей семьей, они в сопровождении родственников невесты, детей, шаферов и подружек поднялись на второй этаж. Рядом с Мэттом и Наташей остались только Пол и Дженнифер.

Потянулась вереница прибывающих. Гости подходили к встречающей их четверке и пожимали всем руки, Наташе делали комплименты по поводу ее красоты и наряда, Мэтта поздравляли с очаровательной женой, все желали молодой семье любви и счастья.

Мэтт и Наташа старательно улыбались в ответ на пожелания и заученно твердили «благодарю вас» и «очень рады вас видеть». После чего красавцы шаферы в белых смокингах проводжали гостей на второй этаж в огромный банкетный зал, где гости сразу же погружались в атмосферу роскоши и сверкающих огней праздника.

В не менее огромном холле были организованы бесконечно длинные фуршетные столы, изобилующие множеством самых разнообразных напитков и закусок. Проголодавшиеся гости сначала подходили к столам, а затем, с бокалами и тарелочками в руках, выходили, кто – на летнюю веранду, с которой открывался восхитительный вид на парк и океан, кто – в небольшой уютный каминный зал, кто скрывался в кальянной и сигарной комнатах.

Многие гости оставались в холле, они рассаживались на мягких диванах и креслах, обсуждали церемонию в соборе и, конечно же, через широкие открытые двери разглядывали банкетный зал, который потрясал своим великолепием и гарантировал сегодняшнему торжеству масштабность королевского приема. Зал был настолько красив, что не нуждался в дополнительном украшении. Яркий свет отражался в миллионах хрустальных подвесок огромных люстр и светильников, многочисленных зеркалах на стенах, живом водопаде на сцене и отполированном до блеска столовом серебре на просторных круглых столах.

Столов было больше пятидесяти, каждый был сервирован на десять человек. Белые хрустящие льняные скатерти, свисающие до пола, красота четко, с точностью до миллиметра, расставленных приборов, элегантных блюд с золотой каемкой и сверкающих хрустальных бокалов, салфетки в начищенных серебряных с позолотой кольцах, – все было безупречно. Стулья были задекорированы плотной тканью кремового цвета, их высокие спинки были перехвачены белоснежными широкими атласными лентами, завязанными сзади в роскошные банты, концы лент почти касались пола.

В центре каждого круглого стола в широких фарфоровых вазах красовались невысокие шарообразные букеты из белых и кремовых крупных роз, боувардии и других цветов. Они идеально сочетались с привезенными из собора цветами в высоких вазах, которые были расставлены по всему банкетному залу вдоль стен.

Сбоку от сцены располагался прямоугольный стол для молодых. Он был сервирован на шесть персон, жениха, невесты и их свидетелей. На столе была разложена цветочная композиция из роз, лилий, боувардии и ниспадающих орхидей, украшенная листьями робелены, аспарагуса и берграса.

Эдвард нес вахту на втором этаже, он встречал гостей в холле и знакомил их с Наташиными родственниками.

Владимир Иванович, Лариса, Геннадий, Юля, Аленка, Алексей, Майки и Патрик стояли и вежливо отвечали на приветствия. Нина Александровна и Бажени кивали головами, сидя на диване. Потом они все расположились на диванах и просто тихо переговаривались, обсуждая великолепие свадьбы. Лиза и Патрик сидели по обе стороны от Ларисы, та, поглаживая немного утомленных детишек по плечам, рассказывала им сказку про Беляночку и Розочку.

Майки расположился на диване рядом с Бажени и с аппетитом уплетал слоеные тарталетки с грибным жульеном.

Эдвард мужественно стоял на посту, приветствуя все прибывающих и прибывающих знакомых.

Евгения Ивановна, уже успевшая побродить по банкетному залу и оценить красоту его убранства, сейчас тихо сидела на диване, уставившись в одну точку.

– Бажени, ты чего застыла? – дернул ее за рукав Майки.

Семья тоже уставилась на притихшую бабушку.

Та подняла глаза, – Нина, – прошептала она, – если бы я знала, что в нашей семье растет будущая принцесса, – бабушкин голос дрогнул, и она схватила за платочек.

– То что бы ты делала? – засмеялся Боб, – кланялась бы ей по утрам в пояс и носила за ней в школу портфель?

Бабушка не обратила внимания на сарказм в его голосе, она была все так же искренне расстроена, – ну, я бы, например, не стегала ее в детстве по голым ногам жгучей крапивой за то, что она убегала без спросу на речку, – с раскаяньем в голосе задумчиво произнесла она.

Все весело рассмеялись, Бажени с осуждением посмотрела на семью, – э-э-эх, вы, – качая головой, произнесла она, – посмотрите, какая свадьба, – она широко обвела рукой холл, – Мэтт настоящий король, а наша Наташка, оказывается, королева, – бабушка подняла глаза кверху и, широко перекрестившись три раза, искренне произнесла, – благодарю тебя, господи, за твои пречистые и небесные щедрые дары, прости нас, господи, недостойных рабов твоих...

Вдруг рядом с ними раздалось вежливое покашливание. Семья подняла глаза. Рядом с диванами стояли три женщины и двое мужчин. В руках они держали тарелочки с домашними разносолами бабушек.

– Добрый день, – поздоровались подошедшие, – мы вам не помешаем?

Владимир Иванович и Геннадий поднялись с мест. Все представились друг другу и обменялись приветствиями и любезностями. Геннадий и Лариса переводили.

– Мы хотели спросить вас, как вы это делаете, – одна из женщин присела рядом с Бажени на диван и показала пальчиком на баклажанную икру на тарелке.

Лариса перевела.

– Ой, это просто, – бабушка Евгения широко улыбнулась, – берете лук, мелко шинкуете, потом обжариваете до золотистого цвета, потом морковь, – свой рассказ бабушка сопровождала жестами, – потом кубиками режете баклажаны, обжариваете, – она повертела в воздухе сложенной ладошкой.

Женщины внимательно слушали.

– Потом выкладываете икру в банки, стерилизуете и закрываете крышкой, – закончила Бажени, покрутив пальцами в воздухе.

Женщины переглянулись, – это очень сложно, – подвела итог одна из них и покачала головой.

– А вы все делаете сами? – спросила вторая.

– Мы с моей дочкой делаем все сами, – бабушка показала рукой на Нину Александровну, – если к нам приезжает внучка, – она показала на Ларису, – то тоже помогает. И Наташке, в смысле, невесте, мы тоже что-нибудь поручаем.

– А ваши мужчины помогают вам по хозяйству? – с улыбкой поинтересовался один из мужчин.

– А как же, конечно, помогают, – услышав перевод вопроса, мгновенно отреагировала бабушка, – мой зять, – она показала на Владимира Ивановича, – заядлый грибник. Каждый год он привозит из леса множество грибов, опята, лисички, грузди, – Евгения Ивановна похозяйски положила ладошку на руку одного из мужчин и, приподняв голову, уставилась ему в тарелку, – вот, – пальчиком ткнула она, – это маринованные белые грибы. В прошлом году Володенька привез из леса больше ста килограммов только белых грибов.

Мужчина согласно закивал головой, – да, это очень вкусно...

– Еще он охотник, – уважительно добавила Бажени, – зимой он привозит мясо лося, кабана, осенью и весной пернатую дичь. А еще Володенька вкусно готовит зайца в сметанном соусе...

– Мамулек, – смущенно пробормотал седой генерал.

Вокруг Евгении Ивановны потихоньку стала собираться толпа. Американцы с удовольствием пробовали соленые патиссоны и помидоры, интересовались закуской из перцев и хрустели маринованными огурчиками.

– А почему никто не ест черемшу и чеснок? – вдруг спросила бабушка и показала на розовые маринованные дольки в тарелке Майки.

Гости закрутили головами, – это очень остро, – слышались голоса.

– Это совсем не остро, и запаха никакого нет, – Бажени направилась к фуршетному столу, гости потянулись за ней, – попробуйте, – бабушка пальцами подцепила из вазочки очищенную дольку маринованного чеснока и сунула ее в рот стоявшему ближе всех к ней Алану Вудсу.

Мистер Вудс, уже знакомый с русской едой, только вежливо улыбнулся и принялся жевать аппетитную дольку. А бабушка уже держала в руках маленькое канапе – тоненький ломтик сала и прозрачный лепесток свежего огурчика на черном хлебе.

– А это следом, – бабушка засунула бутербродик мужчине в рот.

Алан пожевал и, изобразив на лице восторженное удивление, закивал головой.

– И запейте домашним винцом, – Бажени протянула ему запотевшую рюмочку с прозрачной смородиновой наливкой.

– Очень вкусно, – мистер Вудс поцеловал Евгении Ивановне пальчики и, обведя толпу притихших гостей довольным взглядом, произнес, – последний раз с рук меня, совсем еще маленького, кормила моя мама, это было так приятно, – он вздохнул, – Бажени, покормите меня, пожалуйста, еще...

– Я тоже хочу маринованный чеснок и бутерброд с салом, – вдруг произнесла чопорная миссис Моррис, – меня тоже можно покормить.

– И меня, и меня, – раздались голоса из толпы.

– Кушайте, кушайте на здоровье, – засуетилась Евгения Ивановна, – угощайтесь, пожалуйста, всем хватит, мы много всего привезли...

Весь следующий час многочисленная толпа гостей поглощала с русского фуршетного стола заморские деликатесы. Расторопные официанты подносили все новые и новые вазочки с маринованными овощами и различными соленьями и блюда с канапе.

– Странные эти американцы, – прошептала Бажени стоявшей рядом Нине Александровне, – лопают сало и селедку с черным хлебом, закусывают чесноком и огурцами, а черная икра и копченая осетрина стоят нетронутые.

– Ну и хорошо, – Мамнина подцепила с блюда несколько тартелеток с черной икрой и сунула их в раскрытые клювики Майки, Лизы и Патрика, – нам больше останется. Интересно, как там Наташка?

Гости шли уже больше часа. Мэтт с Наташей и Пол с Дженнифер продолжали их приветствовать и лучезарно улыбаться.

– Ты как? – шепнул Мэтт на ухо Наташе и слегка приобнял ее за талию.

– Сейчас упаду, – призналась она.

– Потерпи еще немного, любимая, – Мэтт ободряюще ей улыбнулся.

Наташа опустила голову и посмотрела на правую руку, – нормальная чистая рука, зачем эти перчатки нужны, – она поправила перчатки, на миг ее руки скрестились, и Наташа с ужасом увидела, насколько грязной по сравнению с левой была правая перчатка, – «Энцо, милый» с умилением подумала она о заботливом итальянце.

Вдруг рядом нарисовалась Кэтрин.

– Прошло почти триста пятьдесят гостей, – тихо произнесла она, – после четырехсотого вы сможете уйти. Те, кто не успел вас поздравить сейчас, сделают это во время праздничного ужина.

Через какое-то время Кэтрин сделала знак Мэтту, тот подхватил Наташу под руку и увел ее в комнату невесты.

Дженнифер и Пол мужественно остались на посту.

Наташа прошла в комнату и без сил рухнула на диван рядом с Юлей.

– Ты как? – спросили они в один голос, одновременно повернувшись друг к другу, и рассмеялись.

– Нормально, – кивнула Наташа и, соединив обе руки, продемонстрировала подруге разницу в цвете перчаток.

– Ничего себе, – вытаращила глаза та, – а, собственно, чему удивляться, Кэтрин сказала, что прошло уже четыреста человек...

– А ты почему здесь? – спросила Наташа.

– Сбежала со второго этажа, – призналась Юлька, – там Евгения Ивановна устроила кулинарное шоу, поэтому на нас с Аленкой перестали обращать внимание.

– Какое шоу? – посмотрела на нее Наташа.

– Она рассказывала американцам, как надо мариновать помидоры и солить огурцы. А еще кормила их с рук черным хлебом с салом и чесноком...

– И? – Наташины глаза стали больше.

– Чего «и»? Седые мужчины и дамы в драгоценностях выстроились в очередь и послушно раскрывали рты, как голодные птенцы. А потом американцы потребовали, чтобы домашние разносолы, вино, компоты и варенье обязательно поставили на столы. Натыч, ты не поверишь, это такое объедение, – Юлька облизнулась, – я так наелась, что еле выкатилась из распахнутых дверей.

– А почему ушла? Осталась бы на мягком диване и рассматривала гостей. Мы бы потом с тобой посплетничали и обсудили наряды. Кстати, ты обратила внимание на женщину с гигантской грудью... ну, в золотом парчовом платье?

– Еще бы, – хмыкнула Юлька, – ее не заметил бы только слепой. Кто она?

– Молодящаяся жена какого-то нужного человека.

– Молодая или молодящаяся? – уточнила Юля.

– Ей за пятьдесят.

– Сколько? – у подруги округлились глаза.

– А может и больше, – равнодушно пожалала плечами Наташа, – потом у Дженнифер уточню.

– Ничего себе, – Юлька была ошарашена, – ей на вид больше тридцати не дашь...

– Если бы ты сделала столько пластических операций, сколько она, то стала бы похожа на грудного младенца. Подтяжка лица, пластика век, коррекция носа, накачанные губы, ну и так далее... а, самое главное забыла, еще увеличение груди и ягодиц...

– Так это все не настоящее? – Юлька удивленно моргнула, встала, подошла к большому зеркалу и начала внимательно рассматривать свое лицо.

– Ага, задумалась, смотришь, что надо подправить? – засмеялась Наташа, вставая рядом с ней.

– Не знаю даже, меня моя внешность вполне устраивает, – Юлька покрутилась перед зеркалом, оглядывая свои раздавшиеся бока, – полновата чуть-чуть, но я сейчас себе не принадлежу, сейчас я дом для пузожителя, а он, видимо, не любит малогабаритную жилплощадь, а ты?

Наташа выпрямилась перед зеркалом и тоже оглядела себя с ног до головы, – пока я в этом платье, сложно сказать, оно настолько красивое, что мне кажется, будто я идеальна, ну, может быть, нос сделала не такой курносый, – она наклонилась к зеркалу, – и глаза побольше...

– Чтобы быть похожей на Настеньку из сказки про Морозко?

– Почему бы и нет? Тепло, Морозушко, тепло, батюшка, – проблеяла она тоненьким голоском.

– А мне в этом фильме всегда нравилась Марфушка, – Юлька тоже наклонилась к зеркалу и рассматривала вблизи свои губы, – мамаш, ты ей брови замажь, – грозно скомандовала она.

– Ага, и мне, – согласилась Наташа, – нет, не принцесса, королева, – она гордо распрямилась.

Подружки засмеялись, они не замечали, что в дверях уже давно стоят Мэтт, Кэтрин, Энцо и Альберто и с улыбками наблюдают за ними.

– Красивые все-таки платья сшил нам Энцо, – Юлька снова покрутилась перед зеркалом, – светлые, и в то же время не белые...

– Энцо сказал, что в белом вы обе были бы похожи на гигантские рулоны туалетной бумаги, – засмеялась Наташа, – слонопотамы, на вашем фоне я просто тростинка, – она тоже покрутилась перед зеркалом.

– Ну и что, – подруга погладила себя по бокам и бедрам, – главное, чтобы мужу нравилось, а вот тебе... – она критически оглядела узкую Наташу, – надо больше есть, а то вместо свадебного путешествия отправишься в санаторий лечиться от дистрофии.

Наташа положила руки на тонкую талию и покрутилась перед зеркалом, – ты правильно сказала, главное, чтобы мужу нравилось, а я ему нравлюсь, и себе я нравлюсь, очень нравлюсь. Юль, правда, я красавица? – она рассматривала себя в зеркале, – прямо даже страшно становится от такой красоты.

Юля сжала губы, потом вытянула их в трубочку, пальцами оттянула края глаз к вискам, – нет, это я настоящая красавица, по-моему, я даже на японку похожа, правда? – продолжая вытягивать губы, спросила она у подруги.

– Ты похожа не на японку, а на чукчу, а вот я самая настоящая русская красавица, – Наташа надула щеки и оттопырила пальчиками уши.

Девочка-раскосые-глаза и девочка-надутые-щеки повернулись друг к другу.

– Э-э-э, – Наташа показала подруге язык.

– Какой ужас, – возмутилась Юля, – посмотрите, что творит эта замужняя женщина, матрона семейства, мать троих детей, – и высунула язык в ответ, – э-э-э!

– Все равно я красивее, – Наташа скосила глаза к переносице.

– Нет, я красивее, – Юля состроила забавную рожицу.

– Нати... – вдруг раздался тихий голос Мэтта, – что вы тут делаете?

Невеста, точнее, уже молодая жена и ее замужняя беременная подруга, застигнутые врасплох, как нахулиганившие школьницы, испуганно вздрогнули и повернулись к двери. Мэтт улыбался, Кэтрин умиленно подняла брови, стоящие рядом с Энцо Моник и Тереза опустили глаза и с трудом сдерживали улыбки.

Первым тишину нарушил Энцо, он взмахнул руками и заверещал на всех языках сразу, – что я вижу, беллеза, время бежит... почему ты не готова, нашли время для кривляний, веселушки... Мэтт, выйди, она будет готова через пять минут, Альберто, прическа... Моник, Тереза, платье...

Кэтрин, увидев, что процесс налачился, направилась из комнаты и потянула за собой Мэтта. Юля с любопытством присела на диван.

Моник и Тереза быстро сняли с Наташи диадему, фату и платье и расшнуровали ей корсет.

– Альберто, макияж, прическа, – забегал по комнате Энцо.

– Последний раз я была такая же уставшая, когда нас в институте отправили на субботник на овощную базу, – вздохнула обернутая в простыню Наташа и плюхнулась в кресло, – ой, как хорошо без этого корсета, – она помассировала ребра и потянулась.

Альберто быстро распустил ей волосы, заколол их по бокам, приподнял сзади и завил в несколько крупных локонов. Новую прическу он украсил легкими белоснежными цветами из шелка и жемчужинами.

Моник внесла платье.

– Ух ты, – причмокнула Юлька, когда увидела его.

Наташа сбросила простыню и вошла в невесомую многослойную белоснежную юбку из фатина с отделкой регилинами.

– Ой, какая легкая, – она потопталась на месте и посмотрела на Юлю, – красиво?

– Очень.

Когда Наташа в невесомом облаке пышных оборок выплыла из комнаты, Мэтт восторженно покачал головой.

– Ты прекрасна, – с придыханием произнес он и поцеловал ей руку.

– Спасибо, – улыбнулась она, – я очень хотела понравиться тебе в этот день.

– Тебе это удалось.

Они поднялись в банкетный зал. К тому времени уже почти все гости расселись за столами. Церемониймейстер объявил о приходе жениха и невесты. Гости поднялись со своих мест и встретили пару бурными аплодисментами и радостными криками.

– Нина, Лариса, смотрите, Наташка в новом платье! – всплеснула руками Бажени. Владимир Иванович и Нина Александровна замерли.

Довольные Тефочка и Лариса переглянулись. Только они были посвящены в эту маленькую тайну смены свадебного наряда.

Мэтт и Наташа, держась за руки, прошли через весь зал к своему столу и сели по центру его длинной стороны лицом к гостям, Наташа – справа от Мэтта, Юля слева от него, Эдвард справа от Наташи, рядом с Юлей сел Алексей, а рядом с Эдвардом Аленка.

Праздничный пир начался.

Расторопные официанты обносили столы холодными закусками из соленой, маринованной, фаршированной и заливной рыбы, крабов, омаров, а также салатами из морепродуктов. За рыбными салатами последовали мясные, потом закуски из натурального мяса. Вскоре столы были заставлены многочисленными блюдами, вазочками, менажницами и тарелочками.

Настало время тостов.

Церемониймейстер по очереди предоставил слово Бажени, Бобу, Мамнине, Геннадию, Ларисе, Полу, Дженнифер, Эдварду и Юле. Выступления были очень краткими и немного сентиментальными. За тостами родственников последовали тосты друзей и близких людей. С пожеланиями выступили Моррисоны, Вудсы, Торны и Николай Павлович с Галиной Васильевой: Затем поднявшийся Мэтт поблагодарил за высказанные пожелания и предложил тост за новобрачную.

А дальше события замелькали, как в калейдоскопе.

Сначала Мэтт с Наташей исполнили свадебный вальс. На второй танец ее пригласил Пол, во время танца Наташу перехватил Геннадий, а закончила она танцевать уже со своим дедом – Владимиром Ивановичем. Мэтт тем временем немного повальсировал с Бажени, затем с Тэфочкой и Ларисой, а закончил танец с Мамниной. На третий медленный танец Наташу пригласил Алан Вудс, затем ее «отбил» начальник отца Ильи Дмитриевич. В это время Геннадий пригласил на танец Дженнифер. Пол, которому отказала в танце старенькая Бажени, подхватил Мамнину, а Владимир Иванович закружился с Ларисой. Постепенно к ним присоединились стоящие вокруг гости.

Каждый из присутствующих мужчин старался пригласить на танец Наташу. К концу восьмого танца она уже очень устала, но продолжала широко улыбаться и принимать приглашения.

Музыка смолкла. Наташа улыбнулась своему последнему партнеру, приятному светловолосому мужчине и беспомощно оглянулась в поисках Мэтта. Тот тоже закончил танцевать и поклонился своей рыжеволосой пышногрудой партнерше. Но та повисла на его руке и не давала отойти от себя. Со сцены вдруг полились нежные мелодичные звуки новой песни, и Наташа увидела, что мужа атакуют желающие потанцевать с ним дамы. Мэтт вымученно улыбнулся и закружил одну из них. Наташин партнер по танцу, который остался стоять рядом, снова протянул ей руку в приглашающем жесте.

– Этот танец уже обещан мне, – раздалось вдруг рядом предостерегающее рычанье Эдварда.

Светловолосый только вежливо улыбнулся.

– Спасибо, – пробормотала она, когда сильные руки Эдварда подхватили ее, – эй, а ты, что, правда собрался танцевать? – возмутилась она, когда он сделал несколько танцевальных движений

– Нат, ну это же не вежливо, сразу взять и уйти, – произнес он ей на ухо, – сейчас подхватим Джули и все вместе сядем за стол. Ты устала? – посмотрел он ей в лицо.

– Ага, – жалобно прошептала она.

– Потерпи еще минутку, сейчас двинемся, – Эдвард, крепко придерживая Наташу за талию, сделал плавный полукруг.

– Разрешите разбить вашу пару, – вдруг обратился к ним короткостриженный рыжеволосый молодой мужчина и широко улыбнулся, сверкнув идеально ровными белыми зубами. Его красивое лицо было густо усыпано веснушками.

Улыбка мужчины была настолько приветлива, что Наташа, несмотря на усталость, искренне улыбнулась в ответ, и уже хотела было согласно кивнуть, как вдруг Эдвард мрачно произнес, – не разрешаю, – он с вызовом уставился на мужчину, – Нильсен, имей совесть, – он кивнул на Наташу, – восемь танцев подряд, невеста еле стоит на ногах.

– А он не сказал, что собирается танцевать со мной, он сказал, что хочет разбить нашу пару, – вежливо улыбнулась Нильсену Наташа и посмотрела на Эдварда, – может, он выбрал тебя, – добавила она со смехом.

Мужчины рассмеялись.

– Однозначно, нет, – признался Нильсен, – Эдвард, конечно, симпатичный мужчина, к тому же мой давний приятель, но у меня традиционная ориентация, я предпочитаю женщин, тем более, таких красивых, как вы, и с таким замечательным чувством юмора, – он галантно поцеловал Наташе кончики пальцев.

– Спасибо, – улыбнулась она.

– Очень жаль, что у вас всего две подружки, одна из них замужняя и беременная, а вторую, восемнадцатилетнюю, как Цербер, охраняет родной брат, – с сожалением произнес мужчина, – я слышал, что русские женщины самые красивые, а теперь и сам воочию в этом убедился. Почему вы привезли из России так мало подруг? Глядишь, может, и я, познакомившись с русской девушкой, решил бы порвать со своей холостяцкой жизнью, – он продолжал крепко держать Наташину руку в своей ладони.

– Нильсен, ты подал хорошую идею, – Эдвард довольно-таки грубо выдернул Наташину руку из ладоней своего приятеля, – а сейчас извини, невеста устала от назойливых поклонников, замечу, абсолютно ей незнакомых, – и приобняв Наташу за талию, он подтолкнул ее к столу.

Внезапно Нильсен перегородил им дорогу, он продолжал широко улыбаться, но его глаза были холодны.

– Эдвард, ты так усердно охраняешь чужую женщину, как будто она твоя, – Нильсен насмешливо посмотрел на приятеля и, шагнув к нему, понизил голос, – у тебя виды на эту малышку?

– Это не чужая для меня женщина, она – жена моего брата и член моей семьи, – Эдвард встал между ним и Наташей, прикрыв ее собой.

– А разве это когда-нибудь тебя останавливало? – насмешка не сходила с лица Нильсена.

Мужчины почти уперлись лбами и сверлили друг друга откровенно уничтожающими взглядами.

– Может быть, невеста сама решит, принять ли ей мое приглашение потанцевать или нет, – в голосе Нильсена Наташа уловила легкий оттенок враждебности.

– Нильсен, еще одно слово и мне придется дать тебе хорошего пинка, – прошипел Эдвард, – лучше не провоцируй.

Тот криво усмехнулся, но, тем не менее, сделал шаг в сторону.

– Зачем ты с ним так грубо? – спросила Наташа Эдварда, когда они лавировали между танцующими гостями к своему столу, – я могла бы с ним потанцевать, не понимаю, из-за какого-то ерундового танца портить отношения с хорошим знакомым...

– Поверь, что его меньше всего интересовал танец, – со злостью буркнул в ответ он, – сначала он напросился бы к вам с Мэттом в гости, а потом легко нашел бы повод заявиться к тебе в отсутствие мужа...

Эдвард вел ее к столу. На мужчин, пытающихся перехватить невесту, он бросал такие откровенно злобные взгляды, что те испарялись сами собой. Подхватив по пути Юлю, они, наконец, добрались до своих мест и сели.

– И? – холодно поинтересовалась у него Наташа.

– Что «и»?

– И что случилось, если бы он заявился ко мне в отсутствие Мэтта, а?

Эдвард молча смотрел на нее.

– Ты так судишь обо мне из-за ночи на пляже? – тихо спросила она, – забудь все, что было пять дней назад, и никогда не напоминай мне об этом, понял? С моей стороны это было приземленное желание собственности. И вообще, какое твое дело? Кто читал мне проповедь про сексуальную свободу женщин? Или ты уже не считаешь, что женщина вправе удовлетворять свои потребности?

– Не важно, что считаю я, – тихо произнес он, – главное, что Мэтт так не считает, он совсем другой, не такой, как я...

– Я знаю, что он совсем другой, – твердо произнесла она, глядя ему в глаза, – я знаю, что он самый лучший, а еще я помню, что дала своему мужу клятву верности. Нарушать ее я не собираюсь. Поэтому не смей меня стыдить, и не надо заботиться о моем моральном облике и рассказывать гадости про своих друзей.

– Я рассказал тебе про Нильсена потому, что он ловелас, – Эдвард был мрачнее тучи, – в его постели перебивали сотни женщин и жены наших с Мэттом некоторых знакомых.

– А ты откуда знаешь? – она уставилась ему в глаза.

– Знаю о чем? – не понял Эдвард.

– О тех, с кем твой друг Нильсен переспал? – она помолчала, – вы это с ним обсуждали? Он рассказывал тебе о своих победах в постели, а ты ему о ком? – она насмешливо смотрела на него.

Эдвард молчал.

– Ты такой же, как и он.

– Нат, – Эдвард сжал челюсти, – да, я такой, точнее, был таким, когда-то очень давно, до того, как встретил ...

– Наташенька, Митя, вот вы где, – рядом вдруг появилась Евгения Ивановна, за ней шел фотограф, – какая красивая пара, сфотографируйте их, – Бажени повернулась к мужчине и ткнула в Наташу и Эдварда пальцем.

– Бабушка, это не Мэтт, это Эдвард, – строго сказала Наташа по-русски, понимая, что бабушка притворяется.

– Да, да, да, – глупо улыбаясь, защебетала старушка, – я знаю, – она посмотрела на фотографа, – сфотографируйте их вдвоем, пожалуйста.

– Нат, ну что ты ей объясняешь, – Эдвард уловил в Наташиной русской речи их с братом имена и догадался, что она пытается объяснить своей бабушке, – Бажени пожилой человек, она просто перепутала нас с Мэттом, – он улыбнулся Евгении Ивановне, – Нат, не ворчи на нее, давай сфотографируемся...

С этими словами он крепко обнял ее за плечи и прижался щекой к виску. Его прикосновения были настолько приятными, что Наташин взгляд смягчился, и она против своей воли улыбнулась в объектив самой счастливой улыбкой.

Фотограф сделал несколько кадров, и она тут же отстранилась от Эдварда. Бажени с фотографом удалились.

– Натыч, ты чего? – на пустующее место Мэтта пересела Юля и посмотрела на помрачневшую Наташу.

– Ничего, все в порядке, – та подняла голову и весело улыбнулась, но Юлька увидела в ее глазах слезы.

– Натыч, – начала она, но подруга ее тихо перебила, – Юль, ничего сейчас не говори, не надо...

Юля молча кивнула головой и снова пересела в свое кресло.

За стол вернулся Мэтт.

– Как ты? – улыбнулась ему Наташа.

– Еле жив, – он поцеловал ее, чокнулся с Юлей и Эдвардом и залпом осушил бокал холодного шампанского, – Нати, прости, я не хотел оставлять тебя, но никак не мог отбиться от назойливых дамочек.

– Все в порядке, вовремя появился отважный рыцарь и спас меня от назойливых мужчин, – она кивнула в сторону Эдварда.

– К твоей жене клеился Нильсен, – пробурчал тот.

– О-о-о, – возмутился Мэтт и в знак благодарности протянул руку Эдварду, – спасибо, брат, – тот пожал ее.

Громкая музыка смолкла, оркестр тихо заиграл что-то медленное, гости начали возвращаться за столы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.